PG
3360
R8Z7

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00309448 9

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/rylieevk00kotl

Библіотека „СВѢТОЧА“
подъ редакціей *С. А. Венгерова.*
№№ 81—85.

17 8-21
БИБЛИОТЕКА
Центрального Клуба В.
Отд. 920 № 4
БИБЛИОТЕКА
...ного Клуба В.С.Н.Х.
№

Несторъ Котляревскій.

РЫЛѢЕВЪ.

съ 2-мя фототипіями и 2-мя автотипіями
на мѣловой бумагѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, 39.
1908.

LIBRARY
AUG 31 1971
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3360
R8Z7

День 14 декабря 1825 года—скорбный день въ лѣтописяхъ нашей словесности. Изъ немногочисленной литературной семьи того времени вспышка политической страсти вырвала сразу нѣсколько молодыхъ, даровитыхъ писателей. На долгіе годы затерялись они въ толпѣ своихъ товарищей по несчастью—каторжныхъ, поселенцевъ и солдатъ.

Въ кружкѣ декабристовъ поэзія и поэтическое творчество были, какъ извѣстно, въ большомъ почетѣ. Политика не мѣшала, а способствовала культу искусства. Но истинныхъ новаторовъ въ творчествѣ среди этихъ политическихъ дѣятелей не было: были люди лишь съ болѣе или менѣе крупнымъ дарованіемъ.

Исторія нашего литературнаго развитія сохранитъ на своихъ страницахъ имена К. Ѳ. Рылѣева, А. А. Бестужева, князя А. И. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера.

Теперь настало время, когда на могилѣ этихъ писателей можно поставить достойный ихъ памятникъ, и авторъ смотрѣлъ на свою работу, какъ на первый шагъ къ выполненію этого долга.

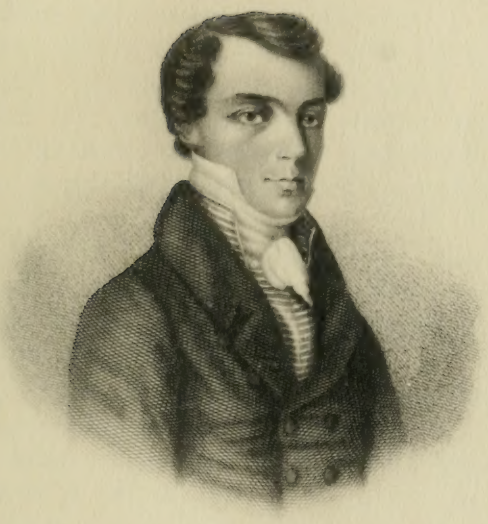
Люди, о которыхъ онъ хотѣлъ напомнить читателю, имѣли въ жизни своей двѣ святыни: гуманный идеалъ, проясненный политической мыслью, за которую они пострадали, и художе-

ственную мечту, которая радовала ихъ въ дни свободы и утѣшала въ дни несчастья. Въ очеркахъ, посвященныхъ ихъ памяти должно быть удѣлено одинаковое вниманіе и политическимъ ихъ мыслямъ, и поэтическимъ ихъ грезамъ.

Авторъ и руководствовался этимъ соображеніемъ. Онъ стремился достигнуть наибольшей полноты въ подборѣ фактовъ, относящихся къ біографіи упомянутыхъ писателей, и въ подборѣ свѣдѣній объ ихъ политической дѣятельности. Возможно бо́льшую точность и полноту хотѣлъ соблюсти онъ и въ обзорѣ ихъ литературныхъ трудовъ, не считаясь съ тѣмъ, что эти труды отъ времени сильно пострадали.

Очеркъ жизни и творчества К. Ѳ. Рылѣева служитъ продолженіемъ работы, изданной авторомъ въ 1907 году подъ заглавіемъ «Декабристы А. И. Одоевскій и А. А. Бестужевъ-Марлинскій. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность». СПБ.

Планъ работы остался тотъ-же, но только авторъ, чтобы не отсылать читателя къ полному собранію стихотвореній Рылѣева, счелъ нужнымъ внести въ текстъ всѣ стихи, за которыми сохранилась историческая или литературная цѣнность.



Есть общепризнанныя святыя призванія, объяснить и доказать святость которыхъ невозможно. Какую общественную функцію выполняетъ поэтъ, зачѣмъ онъ въ міръ призванъ, въ чемъ смыслъ его восторговъ, вдохновенія, своеволія, капризовъ? Самъ поэтъ умѣетъ только творить и властвовать, а на вопросъ, откуда и зачѣмъ эта власть?—не даетъ отвѣта или отвѣчаетъ неясно. Тѣ, кто его слушаютъ и надъ собой испытываютъ его власть, не могутъ съ этой неясностью помириться и считаютъ себя въ правѣ предъявлять властителю требованія—словно они добровольно ему надъ собой эту власть уступили.

Недоразумѣнія между поэтомъ и тѣми, кого онъ обзываетъ «толпой», были неизбѣжны; и рѣдко, когда эти двѣ силы, другъ для друга созданныя, дѣйствовали сообща при полномъ согласіи и обоюдномъ пониманіи.

«Толпа» позволяла себѣ быть чрезъ мѣру требовательной и подчасъ назойливой, и крылатый Пегасъ бывалъ оскорбленъ, когда ему любезно предлагали стать ломовой лошадью: оскорблены бывали и всѣ толпящіеся вокругъ него, когда онъ, даже не утруждая своихъ ногъ, расправлялъ невзначай крылья и тонулъ въ... эфирѣ. Такой его полетъ считался общественнымъ неприличіемъ, тѣмъ болѣе, что всѣ отлично знали, что и онъ пасется на той же гражданской, общимъ трудомъ вскормленной нивѣ...

Случалось, однако, что онъ самъ добровольно помогалъ обрабатывать эту ниву, въ самомъ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ.

Среди притязаній на разныя почетныя должности, притязаній, очень откровенно предъявляемыхъ поэтами, есть одно,

которое въ жизни рѣдко осуществляется. Это, какъ говорили встарину,—«содружество меча и лиры». Не только слова и пѣсни должны цѣниться наравнѣ съ мечами,—самъ поэтъ долженъ владѣть этимъ мечомъ, не отрекаясь отъ своей пѣсни. Поэтъ-жрецъ и богоносецъ, прорицатель и отгадчикъ тайнъ вселенной, поэтъ-проповѣдникъ нравственности, личной, семейной и гражданской, поэтъ-служитель красоты, творящій и воскрешающій, поэтъ, обличающій и наказующій—оставлялъ за собой право и на открытую борьбу—борьбу физическую за свои житейскіе идеалы.

Въ этой роли простого бойца поэтъ долженъ былъ себя чувствовать стѣсненно и неловко. Фантазія, опоясанная мечомъ, теряла много въ легкости своего полета, и поэзія самой борьбы терялась въ массѣ прозаическихъ ея подробностей. И по своему темпераменту и по своей впечатлительности поэтъ былъ мало пригоденъ для настоящей боевой жизни. Но тѣмъ не менѣе онъ иногда принималъ на себя всю тяжесть борьбы—борьбы насильственной и рискованной, столь непохожей на ту «борьбу», о которой, въ угоду рифмѣ или метафорѣ, такъ часто говорится въ стихахъ и въ прозѣ.

Въ XIX вѣкѣ, въ это столѣтіе нескончаемыхъ войнъ за всяческія свободы—національныя, политическія и соціальныя—поэтъ часто появляется на поляхъ сраженія. Онъ преимущественно ободрялъ борющихся, молился за нихъ передъ битвой, пѣлъ имъ воинственные гимны или отпѣвалъ ихъ послѣ сраженія. Но бывало также, что онъ добровольно становился въ ряды самихъ защитниковъ той идеи, въ которую вѣрилъ, уравнивалъ себя съ ними, дѣлилъ съ ними опасность на равныхъ правахъ... и случалось, что шумъ битвы навсегда заглушалъ его голосъ.

Тотъ, кому приходилось знакомиться съ исторіей декабрьскаго возмущенія 1825 года, не могъ не задуматься надъ одной характерной подробностью этого яркаго историческаго событія. Въ рядахъ заговорщиковъ, чуть ли не на первомъ планѣ, находилось нѣсколько истинныхъ поэтовъ... положимъ,

поэтовъ не перваго ранга, но все-таки служителей вдохновенія. Весь планъ кампаніи, вся диспозиція боевыхъ силъ были задуманы и рѣшены въ кабинетѣ поэта, и послѣ окончательнаго пораженія послѣднимъ покинулъ поле битвы опять-таки поэтъ... «Поэзія», какъ таковая, была однимъ изъ главныхъ факторовъ всего этого политическаго движенія.

Въ самомъ дѣлѣ, если декабрьское возмущеніе и должно войти въ общую исторію революціоннаго движенія въ Россіи, то только какъ самостоятельный, въ себѣ замкнутый эпизодъ, не имѣвшій аналогій въ прошломъ и связанный съ послѣдующимъ ростомъ революціонныхъ идей лишь слабой общей связью.

Со временъ петровской реформы до вступленія на престолъ императора Николая I, Россія, за столѣтъ своей усложнившейся политической жизни, успѣла познакомиться съ двумя видами революціонныхъ вспышекъ—съ формой дворцовыхъ переворотовъ, весьма разнообразныхъ, и съ формой однообразнаго народнаго возстанія при Пугачевѣ.

Дворцовые перевороты были всегда дѣломъ рукъ извѣстной дворцовой партіи, которая могла прикрываться какими угодно словами о «благѣ страны», которая могла даже желать этого блага, но всегда имѣла въ виду свою властолюбивую цѣль, сохраненіе за собой руководящей роли. Декабристы дворцовой партіи не составляли, хотя и принадлежали почти всѣ къ высшему дворянскому кругу. Они хотѣли захватить власть въ свои руки, но лишь затѣмъ, чтобы передать ее учредительному собору, который долженъ былъ быть выразителемъ воли всего народа. Правда, если судить по нѣкоторымъ параграфамъ конституціи, вырабатываемой сообща декабристами, то сословныя дворянскія тенденціи этого уложенія проступаютъ достаточно ярко наружу, но такая тенденція можетъ быть объяснена, какъ признаніе неизбѣжной опеки культурнаго слоя общества надъ громадной крѣпостной некультурной и темной массой. Эта опека должна была быть лишь временной, и демократическіе идеалы декабристовъ требовали возможно скораго осво-

божденія крестьянства и повышенія его умственнаго и нравственнаго уровня. Если ужъ искать сходства между возмущеніемъ 14-го декабря и дворцовой революціей, то это сходство окажется чисто внѣшнимъ: декабрьское движеніе, дѣйствительно, приняло форму заговора, который долженъ былъ въ одинъ день сразу, во дворцѣ или около дворца, покончить со старымъ режимомъ.

Никто не рѣшится, конечно, приравнять это движеніе къ типу народныхъ. Въ народныхъ движеніяхъ сильны не вожди, а сама масса, которая видитъ въ вождяхъ исполнителей своихъ чаяній. Этой массы на сенатской площади не было; были солдаты, которые не догадывались, зачѣмъ они тутъ, и которые, навѣрное, не пошли бы на площадь, если бы имъ сказали всю правду. Стояли эти солдаты, не обнаруживая агрессивныхъ наклонностей, и дали себя разстрѣлять, почти не оказавъ сопротивленія. Толпа народа смотрѣла на это зрѣлище и была озабочена лишь тѣмъ, чтобы картечь въ нее не попала.

Декабрьское движеніе нельзя привести въ прямую связь и съ дальнѣйшимъ ростомъ революціонной агитаціи, если, конечно, не понимать эту связь въ самомъ общемъ смыслѣ.

Когда въ серединѣ и въ концѣ царствованія Николая Павловича, при мертвой тишинѣ, раздались вновь—и то шопотомъ—революціонныя рѣчи, онѣ не походили на рѣчи, которыя произносились въ тайныхъ кружкахъ декабристовъ. На смѣну родовитымъ военнымъ дворянамъ шли, правда, опять дворяне, но менѣе родовитые, статскіе и почти всѣ литераторы. Конституцій они не писали, о немедленномъ проведеніи политическихъ реформъ не думали, и основной ихъ символъ вѣры былъ иной, чѣмъ у старшаго поколѣнія. Участники кружковъ Герцена и Петрашевскаго были первыми насадителями у насъ идей *соціализма*. Не на политическій переворотъ было направлено ихъ вниманіе: они размышляли и толковали о несправедливостяхъ соціальнаго строя въ Россіи и на Западѣ и всѣ силы свои они обращали на то, чтобы вко-

ренить сознаніе этой несправедливости въ умахъ и сердцахъ наивозможно большаго количества знакомыхъ и слушателей. То соціальное зло (и прежде всего крѣпостное право), противъ котораго боролись декабристы, было признано великимъ зломъ и этими первыми русскими послѣдователями западнаго соціализма. Но политическая программа, которая, по мнѣнію декабристовъ, должна была исцѣлить Россію отъ этого зла, для нашихъ первыхъ соціалистовъ не существовала.

О политическихъ реформахъ мы вновь стали думать лишь съ конца пятидесятыхъ годовъ, но въ конституціонныхъ помыслахъ дворянъ того времени мы найдемъ очень мало сходнаго съ помыслами декабристовъ. Что же касается дальнѣйшаго движенія революціонной мысли въ радикальномъ лагерѣ, то эта мысль примыкаетъ опять къ западнымъ соціалистическимъ ученіямъ и черпаетъ свою силу въ нарастающемъ недовольствѣ народныхъ массъ.

Такимъ образомъ, декабрьская вспышка является очень своеобразнымъ событіемъ, которое только въ общихъ своихъ чертахъ напоминаетъ то, что собственно слѣдуетъ называть революціоннымъ движеніемъ въ Россіи. Но эта вспышка сама по себѣ явленіе очень яркое. Это—первая поэтическая мечта о свободѣ, мечта, торопливо пожелавшая свести свои счеты съ дѣйствительностью: именно поэтическая, лирическая мечта, не вооруженная никакимъ практическимъ опытомъ, съ нѣкоторымъ лишь запасомъ теоретическихъ знаній. Носители этой мечты почти всѣ—поэты, поэты съ поэтическимъ талантомъ или поэты въ душѣ. Они сильны вѣрой, которая, какъ извѣстно, есть увѣренность въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. Дѣти своего сентиментальнаго вѣка, почти всѣ правовѣрные христіане, люди довѣрчивые, убѣжденные въ томъ, что зло на землѣ существуетъ лишь для того, чтобы добро могло надъ нимъ торжествовать свою побѣду—они надѣялись по революціонному пути обогнать процессъ эволюціи. Они считали себя государственными мужами, они—юные романтики революціи! Они учились не у жизни, а у Плутарха. Гдѣ имъ было

разсчитать, какъ должно преодолѣвать препятствія и при томъ такія препятствія, которыя ставитъ не воля отдѣльнаго лица, а цѣлый историческій укладъ народной жизни? Они были поэты, когда вѣрили въ мгновенное воплощеніе своихъ гуманныхъ идеаловъ, когда обдумывали планъ возстанія, и всего больше были они поэты въ ту минуту, когда шли на площадь въ Петербургѣ или выступали въ походъ на Югъ. Пусть это слово «поэтъ» не смущаетъ насъ: въ немъ нѣтъ ни упрека, ни умаленія. Оно можетъ только возбудить нѣкоторое сомнѣніе, если вызвать въ памяти образъ трезваго и практичнаго Пестеля, если припомнить, сколько политической ясности и глубины было въ мысляхъ Лунина и Батенкова, сколько логичной стройности въ мысляхъ Муравьева и Штейнгеля.

Но если послушать, какія рѣчи ведутъ эти трезвые люди, а въ особенности всѣ остальные энтузіасты на тайныхъ собраніяхъ, если припомнить, съ какимъ легкимъ и беззаботнымъ сердцемъ они записываются въ члены разныхъ «отраслей», если понаблюдать за ними въ критическій моментъ наивысшей опасности, въ особенности, если послушать, какъ откровенно они на допросахъ другъ на друга показываютъ, какъ иногда безъ нужды раскрываютъ всѣ свои помыслы, и, наконецъ, молятся, пишутъ покаянныя письма и затѣмъ смиренно умираютъ и безгласно идутъ въ ссылку,—если все это вспомнить—тогда только начинаешь понимать эту великую трагедію мечты, разыгранную поэтами, эту поэзію революціи, которая увлекла людей даже трезвыхъ со всѣми задатками серьезнаго анализа дѣйствительности.

Декабрьское возмущеніе—не первый актъ революціоннаго движенія въ Россіи. Это—глубоко минорная интродукція, въ которой предвосхищенъ основной мотивъ всякаго возстанія за свободу, его лирическій подъемъ и трагическій пафосъ.

Въ этой семьѣ энтузіастовъ революціи было нѣсколько истинно одаренныхъ поэтовъ, и имя одного изъ нихъ — Кондратія Ѳедоровича Рылѣева — навсегда и неразрывно осталось связаннымъ съ памятью о декабрьскомъ днѣ. Самъ онъ при-

знавалъ себя главнымъ виновникомъ возмущенія, и судьи, провѣривъ его показанія, также признали, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ, почему и предали его казни. Такъ и остался онъ въ памяти потомства вдохновителемъ всего заговора и вдохновеннымъ его пѣвцомъ. А Рылѣевъ въ своей поэзіи возвышался до вдохновенной рѣчи, хотя, какъ поэтъ, не вполнѣ созрѣвшій, онъ не сказалъ своего послѣдняго, самаго сильнаго слова.

I.

Изъ всѣхъ писателей, которые въ 1825 году хотѣли видѣть свои вольнолюбивыя мечты осуществленными, Рылѣевъ былъ наиболѣе замѣтной и признанной литературной силой. Въ литераторскихъ кружкахъ онъ пользовался извѣстностью, какъ издатель моднаго и много нашумѣвшаго альманаха «Полярная Звѣзда», и въ особенности какъ авторъ «Думъ» и поэмы «Войнаровскій» — двухъ литературныхъ новинокъ, очень заинтересовавшихъ читателей. На Рылѣева смотрѣли, какъ на надежду россійской словесности, слѣдили за нимъ, какъ за развивающимся талантомъ, и жалѣли о немъ больше, чѣмъ обо всѣхъ его товарищахъ, когда 13 іюля 1826 года эта молодая жизнь оборвалась такъ неожиданно. Трагизмъ и ужасъ его смерти также не мало способствовали его извѣстности, которая росла, несмотря на то, что сочиненія его и его имя стали надолго достояніемъ лишь частныхъ бесѣдъ и устныхъ воспоминаній.

Видное положеніе Рылѣева, какъ писателя, и его еще болѣе видная роль какъ общественнаго и политическаго агитатора, давно уже привлекли вниманіе изслѣдователей, и тотъ, кто въ настоящее время берется говорить о немъ, можетъ располагать богатымъ матеріаломъ. Вмѣстѣ съ офиціальными документами по его «дѣлу»—всѣ матеріалы біографическіе и библіографическіе опубликованы, и сочиненія его собраны и комментированы. Существуютъ также біографіи, съ фактической стороны вполнѣ удовлетворительныя [1].

Не вполнѣ выясненной остается лишь литературная стоимость его сочиненій, весьма цѣнныхъ, несмотря на то, что ихъ

художественная стоимость и не можетъ быть признана первоклассной.

За этими стихотвореніями давно признана историческая заслуга, и она не требуетъ провѣрки, а лишь историческихъ справокъ, которыя полнѣе выяснили бы ея значеніе.

Такъ какъ служеніе музамъ не было придаткомъ въ жизни Рылѣева, и отражало въ себѣ весь ростъ и все развитіе его духовныхъ силъ съ самаго ранняго дѣтства, то говорить объ его творчествѣ и умалчивать объ его жизни—значило бы говорить о признаніяхъ и убѣжденіяхъ искренняго человѣка, не упоминая о томъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ они сложились и были высказаны. Необходимо поэтому припомнить общеизвѣстное. Стихи Рылѣева—вплетенные въ разсказъ объ его жизни—много выиграютъ и въ смыслѣ, и въ силѣ.

II.

Краткая жизнь Рылѣева была полна впечатлѣній и тревогъ—внутреннихъ и внѣшнихъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ привыкалъ онъ къ напряженію ума и воли, и боевая склонность характера при мягкомъ сердцѣ обнаружилась и окрѣпла въ немъ очень рано.

Дѣйствительно, рѣдко кто изъ передовыхъ людей того времени обладалъ такимъ подвижнымъ, легко воспламеняющимся темпераментомъ, такой прямолинейностью въ достиженіи намѣченной цѣли: и эти качества съ общимъ сентиментальнымъ, задумчивымъ складомъ его души составляли весьма оригинальное сочетаніе. Вся жизнь была порывомъ и мечтой, стремленіемъ и раздумьемъ, вспышкой, полной вѣры въ себя, за которой нерѣдко слѣдовали нервная усталость и смиренье.

Мирнаго, счастливаго дѣтства Рылѣевъ (родился въ 1795 г. 2) не зналъ. Дѣтская его жизнь въ семьѣ была омрачена отсутствіемъ отцовской любви и постояннымъ страхомъ и грустью при видѣ терпѣливой и пугливой заботливости о немъ матери. Кроткая женщина,—она, если вѣрить разсказамъ, отсиживала иногда въ погребѣ собственной усадьбы за свои размолвки съ мужемъ. Она очень любила сына и защищала его отъ незаслуженной суровости отца.

Такъ говоритъ семейное преданіе, и оно находитъ себѣ подтвержденіе въ словахъ мальчика. Когда на двѣнадцатомъ году Рылѣевъ былъ отвезенъ въ Петербургъ и помѣщенъ въ корпусъ, и ему пришлось писать письма «виновнику своего бытія»—какъ онъ выражался—онъ въ самыхъ почтитель-

ныхъ словахъ давалъ понять отцу, какъ мало нѣжности и искренняго чувства въ немъ пробуждало его имя.

Забѣжимъ нѣсколько впередъ и остановимся на этихъ школьныхъ письмахъ Рыл ева. Случай это или нѣтъ, но во всѣмъ письмахъ вопросъ идетъ о деньгахъ,—конечно, грошовыхъ,—которыми «дражайшій родитель» совсѣмъ забывалъ снабжать своего покорнаго сына. А деньги нужны были мальчику на книги и бумагу, да на уплату за частные уроки по геометріи,—нужны были и ему, и его сводной сестрѣ Аннѣ, которая тогда также училась въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. Родителя просьбы дѣтей не особенно трогали, хотя-дѣти и писали ему, что «цѣлуютъ его ручки и ножки» [3]. Онъ не отвѣчалъ сыну года по три, и сынъ долженъ былъ пускать въ ходъ весь резервъ своего сентиментальнаго краснорѣчія, чтобы его разжалобить. Къ такому краснорѣчію прибѣгъ нашъ кадетъ съ особенной силой наканунѣ выхода изъ корпуса, когда понадобились деньги, «сообразныя обстоятельствамъ»: для покупки мундира, сюртука, тройхъ панталонъ, жилетокъ, «хорошенькой» шинели, кивера съ серебряными кишкетами и прочихъ принадлежностей воинскаго туалета. Сынъ надѣялся, что «родитель не заставитъ его долго дожидаться отвѣта» и осторожно прибавлялъ, не накинетъ ли онъ еще 50 рублей, чтобы нанять «учителя биться на саблях» [4]. Родитель читалъ это посланіе и сердился. Всѣ нѣжности и всѣ цвѣты краснорѣчія, какими его «милый Кондраша», какъ онъ выражался, уснащалъ свое посланіе, у него отклика не нашли, а проектъ пріобрѣтенія разныхъ мундировъ и хорошенькихъ шинелей казался ему оскорбительнымъ... «Ахъ, любезный сынъ,—писалъ онъ ему въ отвѣтъ,—столь утѣшительно читать отъ сердца написанное, буде то сердце во всей наготѣ неповинности откровенно и просто изливается! Сколь же, напротивъ того, человѣкъ дѣлаетъ самъ себя почти отвратительнымъ, когда говоритъ о сердцѣ и обнаруживаетъ при томъ, что оно наполнено чужими умозаключеніями, натянутыми и несвязанными выраженіями, и что всего гнуснѣе, то для того и повторяетъ о сердечныхъ

чувствованіяхъ часто, что сердце его занято однѣми деньгами»... И родитель совѣтовалъ своему сыну, вступая въ новое для него поприще, прежде всего броситься въ отцовскія объятія и... вмѣсто двухъ дорого стоющихъ мундировъ явиться къ нему въ одномъ, «казной даемомъ», да и пріѣхать на родину къ любящему и благословляющему отцу на деньги, которыя благодѣтельная казна жалуетъ—такъ какъ «на что же и существуютъ щедроты общаго нашего отца, какъ не затѣмъ, чтобы ими пользоваться» 5.

Расписываясь въ полученіи этого выговора, сынъ въ слѣдующемъ же своемъ письмѣ писалъ родителю, что онъ и слезы проливалъ, и сокрушался сердцемъ, читая отцовскія строки, но что отецъ напрасно обвиняетъ его въ противорѣчіяхъ и малой разсудительности; онъ, *перечитывая копіи со своихъ писемъ*, ничего подобнаго въ нихъ не усматриваетъ; впрочемъ, зная, «сколь неприлично оспаривать мнѣніе отца, хотя бы и несправедливое,—умолкаетъ» 6.

Такая сыновняя нѣжность и предусмотрительность въ перепискѣ освѣщаютъ надлежащимъ свѣтомъ тѣ воспоминанія, какія ребенокъ вынесъ объ отцѣ изъ родного дома. «Правда твоя,—говорила ему впослѣдствіи мать,—что я не была счастлива; отецъ твой не умѣлъ устроить мое и твое спокойствіе; что дѣлать, Богу такъ угодно» 7.

Сознавая это «неспокойное» положеніе ребенка въ семьѣ, мать и рѣшилась рано разлучиться съ нимъ, и въ 1807 году свезла его въ Петербургъ, гдѣ онъ 23 января и поступилъ въ первый кадетскій корпусъ.

Изъ семейной атмосферы, пріучавшей ребенка къ ранней осмотрительности, быть можетъ, хитрости, но во всякомъ случаѣ не къ благодушнымъ впечатлѣніямъ тихаго, огражденнаго дѣтства, ребенокъ попадалъ теперь въ военную школу, очень своеобразную, которая могла лишь усилить въ немъ тотъ духъ самостоятельности и самообороны, который былъ въ немъ пробужденъ еще подъ отеческой кровлей.

III.

Первымъ кадетскимъ корпусомъ управлялъ въ тѣ годы, когда Рылѣевъ поступилъ въ него, знаменитый Максимиліанъ фонъ-Клингеръ, нѣкогда восторженный нѣмецкій буршъ, поэтъ, другъ Гете, поклонникъ свободы, одинъ изъ блестящихъ и даровитыхъ представителей эпохи «бури и натиска», а съ 1801 года—генералъ-майоръ русской службы и директоръ военнаго заведенія. «На воспитаніе довѣреннаго ему юношества Клингеръ не обращалъ никакого вниманія и весьма часто по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ воспитанниковъ. Съ утра до ночи сидѣлъ онъ безвыходно въ своемъ кабинетѣ, занимаясь своими литературными произведеніями, которыя пересылалъ потомъ для напечатанія за границу. Почти о каждомъ изъ своихъ произведеній онъ предварительно сообщалъ въ министерство полиціи, завѣдывавшее тогда цензурой, для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ о непропускѣ ихъ въ Россію, такъ какъ сочиненія свои считалъ крайне опасными для малопросвѣщенной русской публики. Минуты отдохновенія своего онъ обыкновенно проводилъ со своими собаками, которыхъ имѣлъ множество, любилъ самъ ихъ кормить и училъ скакать черезъ палку» [8].

Со своими собаками онъ обращался, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ со своими воспитанниками, которыхъ, говорятъ, подвергалъ очень строгимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Жизнь въ корпусѣ могла бы, вѣроятно, и агнца обратить въ хищнаго звѣря, если бы ея не скрашивали нѣкоторые изъ подчиненныхъ свирѣпаго директора, скромные русскіе служаки, у которыхъ подъ военнымъ мундиромъ билось необычайно

доброе и мирное сердце. Имена ихъ сохранили благодарные ученики, и кто пожелалъ бы узнать, сколько рыцарской смѣлости и честности было въ душѣ скромнаго инспектора (а затѣмъ директора корпуса) Михаила Степановича Перскаго, сколько самоотверженной любви и доброты въ экономѣ и бригадирѣ Андреѣ Петровичѣ Бобровѣ (честность котораго воспѣвалась даже въ ученическихъ одахъ [9]) и въ корпусномъ докторѣ Зеленскомъ, — тотъ можетъ развернуть воспоминанія Н. С. Лѣскова [10]. Если изъ этихъ воспоминаній и исключить всякое невольное преувеличеніе — въ нихъ все-таки останется достаточно теплоты, которая свидѣтельствуетъ о томъ, какъ воспитанники любили этихъ безвѣстныхъ гуманныхъ тружениковъ и служителей нашей старой и жестокой системы воспитанія.

Свѣдѣнія о жизни Рылѣева въ корпусѣ—отрывочны и неполны. Говорятъ, что онъ былъ любимцемъ своихъ товарищей, предпріимчивымъ сорванцомъ, коноводомъ и атаманомъ въ разныхъ неизбѣжныхъ продѣлкахъ и шалостяхъ, часто принималъ вину товарищей на себя и сознавался въ проступкахъ, сдѣланныхъ другими; что однажды за чужую вину былъ даже жестоко наказанъ и чуть-чуть не исключенъ изъ корпуса, но что подъ конецъ корпусной жизни, однако, смирился и сдѣлался скроменъ [11]. Н. И, Гречъ подтверждаетъ эти свѣдѣнія, говоря, что Рылѣевъ велъ себя порядочно, но былъ непокоренъ и дерзокъ съ начальниками, что его сѣкли нещадно, но что онъ старался выдержать характеръ, не произносилъ ни жалобъ, ни малѣйшаго стона и, ставъ на ноги, опять начиналъ грубить офицеру [12]. Все это легко допустимо.

Преподаваніе въ корпусѣ никакими достоинствами не блистало, хотя программа на бумагѣ и выглядѣла весьма прилично и казалась разнообразной и широкой. Если бы Рылѣевъ самъ не восполнялъ чтеніемъ пробѣлы преподаванія, онъ вышелъ бы изъ корпуса съ весьма скуднымъ умственнымъ багажемъ, хоть и окончилъ заведеніе по первому разряду. Но, какъ онъ признавался своему отцу, «онъ былъ

великій охотникъ до книгъ» и не терялъ времени. Къ услугамъ его была довольно хорошая корпусная библіотека; онъ могъ читать по-французски и по-польски [13], но какія книги въ его рукахъ перебывали—неизвѣстно. По нѣкоторымъ мѣстамъ изъ его писемъ тѣхъ годовъ можно догадаться, что онъ почитывалъ французскихъ «философовъ» и Руссо.

Когда впослѣдствіи, уже послѣ смерти Рылѣева, стали доискиваться, не коснулась ли его либеральная зараза еще въ корпусѣ, когда въ его памяти стали всѣмъ кадетамъ, которые грѣшили стихами, отмѣривать 50 ударовъ, — было высказано предположеніе, что на образъ мыслей Рылѣева, еще на школьной семьѣ, имѣла вредное вліяніе одна историческая хрестоматія, изданная для воспитанниковъ корпуса П. Желѣзниковымъ, подъ заглавіемъ «Сокращенная Библіотека» *). Гречъ открыто обвинялъ «даровитаго, но пьянаго» Желѣзникова въ томъ, что онъ былъ насадителемъ либерализма въ первомъ корпусѣ, гдѣ воспитывались нѣкоторые изъ декабристовъ (?). «Желѣзниковъ, — говорилъ Гречъ. — помѣщалъ въ своей «Библіотекѣ» цѣликомъ разные республиканскіе разсказы, описанія и рѣчи изъ тогдашнихъ журналовъ, и заманчивыя идеи либерализма, свободы, равенства, республиканскихъ доблестей ослѣпили читателей» [14]. Былъ ли Желѣзниковъ «пьянъ», это теперь установить трудно, но книга его была очень трезво и умѣло составлена, и ничего революціоннаго и республиканскаго въ себѣ не заключала. Это былъ подборъ хорошихъ образцовъ для чтенія изъ самыхъ разнообразныхъ областей знанія (географіи, этнографіи, исторіи, философіи, естественныхъ наукъ, иностранной словесности и т. п.), подборъ толковый и направленный къ тому, чтобы возбудить въ юношахъ интересъ къ серьезному чтенію вообще. Опредѣленнаго какого-нибудь на-

*) „Сокращенная Библіотека въ пользу господамъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса". 4 части. 1800—4. издана П. Желѣзниковымъ. Въ 1821 году первая часть этой „Библіотеки" была переиздана.

правленія въ книгѣ не было *), но она обладала, безспорно, способностью заставить читателя шевелить мозгами, вслѣдствіе чего, вѣроятно, въ 1834 году и была изъята изъ школьныхъ библіотекъ.

Не будучи ни такой опасной, ни такой ничтожной, какой ее аттестуетъ одинъ изъ ея старыхъ читателей тридцатыхъ годовъ **), книга Желѣзникова, во всякомъ случаѣ, никакого рѣшающаго вліянія на образъ мыслей Рылѣева не имѣла.

Да и какой могъ быть тогда у Рылѣева образъ мыслей? Сентиментальный мальчикъ, съ очень живымъ темпераментомъ, останавливался, правда, передъ нѣкоторыми трудными вопросами жизни, рѣшалъ ихъ съ чужого голоса, декламировалъ при случаѣ по поводу ихъ въ тогдашнемъ повышенномъ и сладко-реторичномъ тонѣ,—но во всѣхъ этихъ размышленіяхъ Рылѣева и его словахъ, кромѣ общей ихъ серьезности, не было и тѣни какого-либо «направленія». Пытливая и серьезная мысль просто находилась въ движеніи и ждала этого направленія, которое и было ей дано позже, когда Рылѣевъ попалъ за границу.

Вопросы, о которыхъ онъ теперь думалъ, открываются

*) Вотъ списокъ наиболѣе выдающихся отрывковъ, за исключеніемъ стихотворныхъ: „Цицеронъ о Богѣ“, „Сократъ“, „Катонъ и Цезарь“, „Васингтонъ“, „Сципіонъ“, „Франклинъ“, „Рѣчь Агриколы“, „Рѣчь дикаго“, „Уголлинъ“, „М. де-Севинье“, „Аббадона“, „Сюлли“, „Борисъ Годуновъ“, „Гердеръ“, „Рѣчь Сенеки“, „IX Демосѳенова филиппика“, „Генрихъ IV“, „Вольный городъ Гамбургъ“, „Лейбницъ“, „Шествіе разума Декартова“, „Джефферсонъ“, „Марѳа Посадница“.

**) „Кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ изъ повѣстей Карамзина, книга Желѣзникова заключала множество переводныхъ статей самаго невиннаго содержанія, принадлежащихъ по слогу ко второй половинѣ прошлаго вѣка. Она находилась у всѣхъ въ какомъ-то пренебреженіи, никто и не бралъ ея въ руки, а если иногда и приводили изъ нея цитаты, то развѣ для потѣхи. Мы никогда и не подозрѣвали въ ней свойства орсиньевской гранаты“. Слова Д. Кропотова [15].

намъ въ тѣхъ его письмахъ изъ корпуса, о которыхъ мы уже говорили. Прося у родителя денегъ, Рылѣевъ считалъ долгомъ не скрывать отъ него своихъ добродѣтелей, къ числу которыхъ относилъ и свою способность «философствовать». Эти размышленія 17-лѣтняго философа стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться, такъ какъ—за вычетомъ напущеннаго на себя глубокомыслія, разсчитаннаго, конечно, на то, чтобы поразить родителя,—въ этихъ размышленіяхъ все-таки открывается передъ нами тайникъ души и мысли молодого мечтателя. Онъ, дѣйствительно, думалъ о томъ, что пишетъ, и, какъ образцовый сынъ своего сентиментальнаго времени, куда-то рвался, чѣмъ-то томился, чего-то боялся и жаждалъ для себя особаго жребія. «Та минута,—писалъ онъ отцу передъ выпускомъ,—которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашенный философами, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута—есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но, вѣрно, не столь опасный, какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. Я знаю свѣтъ только по однѣмъ книгамъ, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи... Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій... обманы, грабительства, зѣроломства, развратъ и такъ далѣе... Но сердце, вѣчно съ умомъ соперничествующее, учитъ меня противному: «Иди смѣло и презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія, и если оныя постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостью, и ты будешь героемъ, получишь муче-

ническій вѣнецъ и вознесешься превыше человѣковъ». Тутъ я восклицаю: «Быть героемъ, вознестися превыше человѣчества! Какія сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу. Кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? Умъ всѣ почти человѣческія страсти и предпріятія осуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая. Сердце же всегда готово наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами. Для него свѣтъ—прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель, и порокъ изрѣдка показывается въ немъ такъ, какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами. Слѣдовать же уму—значитъ быть человѣконенавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Соразмѣрно ли силамъ человѣческимъ принять эту методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжной дружбой, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ,—и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты найдешь отраду въ состраданіи ближняго, и возвращеніе твое къ счастію будетъ неизъяснимо пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны всѣ умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ прежнее было—ничто. Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ слѣдовать я намѣренъ» [16].

Родитель былъ крайне взбѣшенъ этой сладкой реторикой, обозвалъ ее пустословіемъ съ чужихъ словъ и, какъ трезвый, пожившій человѣкъ, былъ, по своему, правъ. За напыщенной формой онъ не разглядѣлъ, однако, въ словахъ сына—затаеннаго смысла. Всѣ такія возвышенныя тирады, часто попадающіяся и въ позднѣйшихъ письмахъ Рылѣева, были неумѣлымъ выраженіемъ одного глубокаго и искренняго психическаго движенія. Экзальтированная, довѣрчивая и сентиментальная душа боролась въ мальчикѣ съ искушеніями скептическаго ума, вѣра въ людей сталкивалась съ подозрѣніемъ, надежды на «прелести» жизни съ первымъ раздумьемъ объ

ея опасностяхъ. Рылѣевъ стоялъ на распутьи между двумя міросозерцаніями,—сентиментально-благодушнымъ и критически-активнымъ, ожидая многаго отъ жизни «свѣтской», т. е. въ данномъ случаѣ отъ жизни за стѣнами училища, которое онъ долженъ былъ скоро покинуть.

О литераторской славѣ онъ въ эти годы совсѣмъ не мечталъ, если не считать весьма слабыхъ стиховъ на патріотическія темы[17] и маленькой поэмы на смерть нѣкоего Кулакова, помощника эконома въ корпусѣ[18]. Эта «Кулакіада» была самымъ ординарнымъ гимназическимъ упражненіемъ въ стихахъ, описывала въ насмѣшливомъ тонѣ кончину эконома, слезы его начальника и погребальное шествіе на Смоленское кладбище, и въ общемъ подтверждала правильность сужденія о ней самого автора, который говорилъ:

„Я не поэтъ,—а просто воинъ,
Въ устахъ моихъ нескладенъ стихъ“ *)...

Рылѣевъ, дѣйствительно, мнилъ себя воиномъ, и ему грезились бранные подвиги. Онъ хотѣлъ требовать для себя чинъ офицера артиллеріи, чинъ, «плѣняющій молодыхъ людей до безумія», хотѣлъ «пріобщиться къ числу защитниковъ своего отечества, царя и алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго за то попеченія, которыя были восприняты о немъ» во время его долголѣтняго пребыванія въ корпусѣ.

И эти мечты Рылѣева исполнились—правда, не совсѣмъ

*) Разсказываютъ, что эту поэму Рылѣевъ подсунулъ главному эконому, вмѣсто рапорта, который тотъ несъ для подачи директору, и экономъ такимъ образомъ передалъ по начальству памфлетъ, въ которомъ самъ былъ осмѣянъ.

Во всякомъ случаѣ все, что намъ извѣстно о стихахъ, написанныхъ Рылѣевымъ въ корпусѣ, не даетъ права предположить, что мальчикъ придавалъ имъ какое-либо значеніе.

(„Добрѣйшій Андрей Петровичъ Бобровъ говорилъ Рылѣеву послѣ „Кулакіады“: „Литература вещь дрянная, и занятія ею никого не приводятъ къ счастію“ [Лѣсковъ]).

такъ, какъ ему хотѣлось. Война 1812 года отшумѣла, прошелъ и кровавый 1813-й годъ, и только зимой 1814 года Рылѣевъ надѣлъ эполеты прапорщика 1-ой резервной артиллерійской бригады и помчался за границу, чтобы быть свидѣтелемъ хотя бы послѣднихъ событій наполеоновской эпопеи, которая тогда была на исходѣ.

IV.

Походная жизнь Рылѣева продолжалась всего полтора года, и то съ перерывомъ. Необычайно быстро доѣхалъ онъ до Рейна и потомъ съ такой же быстротой вернулся въ Дрезденъ, гдѣ мы его и застаемъ въ сентябрѣ 1814 года.

Въ Дрезденѣ онъ живетъ при своемъ дядюшкѣ, комендантѣ города, М. Н. Рылѣевѣ, при которомъ и «почтеннѣйшая его супруга Марія Ивановна». Рылѣевъ очень веселъ, несмотря на то, что только что получилъ извѣстіе о кончинѣ своего родителя и о томъ, что денежныя дѣла послѣ покойнаго остались въ очень запутанномъ состояніи *). Отъ дядюшки онъ въ большомъ удовольствіи—«дядюшка добръ, обходителенъ замѣняетъ ему умершаго родителя и даже выхлопоталъ ему какое-то мѣсто въ Дрезденѣ при артиллерійскомъ магазинѣ, и въ день его рожденія подарилъ ему на мундиръ лучшаго сукна. Почтеннѣйшая супруга дядюшки своей заботливостью и попеченіемъ превосходитъ также всякое описаніе» [19].

Эта привольная жизнь Рылѣева въ Дрезденѣ закончилась какимъ-то крупнымъ скандаломъ. Не то его острый языкъ, не то какая-то выходка,—а, можетъ быть, и нѣчто большее, намъ неизвѣстное,—но только русскіе обыватели города

*) Отецъ Рылѣева управлялъ имѣніями кн. В. Н. Голицыной и, кажется, управлялъ довольно неряшливо, такъ какъ она послѣ его смерти предъявила его наслѣдникамъ искъ въ 80.000 рублей. Вслѣдствіе этого иска имущество Рылѣева было конфисковано, и началась длинная тяжба, которая стоила большихъ хлопотъ Рылѣеву и заботила его еще въ 1826 году, когда онъ сидѣлъ въ равелинѣ.

Дрездена обратились къ начальнику его дяди, князю Рѣпнину, съ просьбой убрать досадившаго имъ прапорщика изъ города— и Рылѣевъ, потерявъ мѣсто, долженъ былъ уѣхать послѣ довольно бурной сцены съ комендантомъ [20] *).

Очутился онъ послѣ этого со своей бригадой въ Минской губерніи, гдѣ скучалъ и хандрилъ,—впрочемъ, очень недолго. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы заставило его опять выступить въ походъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ Рылѣевъ былъ въ Парижѣ. Здѣсь онъ пробылъ до осени 1815 года, когда побрелъ назадъ въ Россію.

Это, хоть и очень краткое, пребываніе за границей должно было оказать не малое вліяніе на образъ мыслей Рылѣева. Извѣстно, какія впечатлѣнія вынесены были нашей военной молодежью изъ ихъ знакомства съ Западомъ въ періодъ войнъ за освобожденіе. Вѣроятно, и Рылѣевъ испыталъ эти впечатлѣнія и многое передумалъ; говоримъ—вѣроятно, потому что ни въ письмахъ его изъ-за границы, ни въ его замѣткахъ и наброскахъ нѣтъ почти никакихъ слѣдовъ, которые указывали бы на опредѣленную работу его мысли. Съ перомъ онъ за границей не разставался, и любовь къ писанію въ немъ возросла, но писалъ онъ на самыя разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ невинныя темы. Писалъ сатирическіе стихи на русскихъ сентиментальныхъ поэтовъ, которыхъ топилъ въ Летѣ [22], описывалъ сраженія, переводилъ французскіе стихи, набросалъ историческое описаніе Шафгаузена, велъ дневникъ своихъ прогулокъ [23] по Парижу; кажется, въ это же время написалъ и легкую комедію въ стилѣ французскаго водевиля [24].

---

*) Въ семьѣ Рылѣевыхъ сохранился разсказъ объ этомъ объясненіи дяди съ племянникомъ. Комендантъ приказалъ племяннику уѣхать въ 24 часа изъ Дрездена и съ сердцемъ сказалъ: „Если ты осмѣлишься ослушаться, то предамъ военному суду и разстрѣляю“.—Кому быть повѣшеннымъ, того не разстрѣляютъ,— отвѣчалъ будто бы Рылѣевъ [21].—Разсказъ, вѣроятно, выдуманъ позднѣе.

Все это были опыты еще весьма неумѣлаго литератора, которому стихи совсѣмъ не давались. Среди этихъ набросковъ есть только одинъ съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ. Это какой-то отрывокъ, озаглавленный: «Нѣчто о среднихъ временахъ» 25. Рылѣевъ разсуждаетъ о мракѣ необразованности среднихъ вѣковъ, о суевѣріи, которое сковывало тогда умъ, о монашествѣ, которое изъ собственныхъ выгодъ старалось не выводить народъ изъ невѣжества и преслѣдовало всѣ оригинальные умы, погибавшіе нерѣдко ужасной смертью, пока не явился Лютеръ—«предпріимчивый, благоразумный Лютеръ» *).

Не богаты мыслями и частныя письма, которыя писалъ Рылѣевъ въ эти годы. «Великая нація и ея паденія, ея войска, ставшія шайкой разбойниковъ и ихъ начальникъ—Донъ-Кихотъ», правда, поразили умъ юноши; «любопытство знать будущее снѣдало его», и онъ восклицалъ: «Время! время! Лѣта! Скорѣе удвойте полетъ свой»—но и только: въ дальнѣйшія размышленія, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, Рылѣевъ не вдавался. Зато въ его письмахъ было вдоволь знакомой намъ сентиментальной реторики: «О вельможи, о богачи!—декламировалъ онъ, раздумывая надъ своимъ собственнымъ финансовымъ положеніемъ:—Неужели сердца ваши не человѣческія! Неужели они ничего не чувствуютъ, отнимая послѣднее у страждующаго? Но, удивляясь безчувственности человѣчества къ страданіямъ себѣ подобныхъ, я утѣшаю себя сладостной надеждою на Спасителя, Который въ противность варварства людей, гонимыхъ ими, всегда бываетъ послѣднимъ и лучшимъ прибѣжищемъ и защитой **).

*) „Явился онъ—и гдѣ ярмо несчастныхъ? Великій, чудесный духъ! Удивляюсь тебѣ и благоговѣю"—восклицалъ въ концѣ отрывка восторженный авторъ.

**) Дѣло идетъ о тѣхъ вельможахъ, которые обвинили его отца въ растратѣ и настояли на секвестраціи его имущества. „О, дражайшая матушка, пишетъ онъ по этому же дѣлу. Неужели Богъ не слышитъ тѣ ежедневныя пламенныя моленія, сопровождаемыя токомъ слезъ, которыя я ежедневно возсылаю къ Нему? Вы пишете, что не имѣется у васъ денегъ, дабы выкупить послѣднюю

По всѣмъ этимъ замѣткамъ и письмамъ нельзя, конечно, составить себѣ понятія ни объ умственныхъ интересахъ Рылѣева за это время, ни объ его настроеніи.

Впрочемъ, обиліе и новизна впечатлѣній заграничной жизни могли такъ на него подѣйствовать, что онъ сразу и не былъ въ силахъ въ нихъ разобраться. Въ показаніи на судѣ онъ признавался, что свободомыслiемъ первоначально заразился во время походовъ во Франціи въ 1814 и 1815 годахъ. Во всякомъ случаѣ, мысль его начинала работать, и притомъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ опредѣленномъ направленіи, отъ котораго онъ уже не отступалъ *).

фамильную драгоцѣнность, сыновнее сокровище—вашъ портретъ! Не присылайте лучше ко мнѣ ни копейки, постарайтесь только выручить портретъ [26].

*) Къ парижской жизни Рылѣева относится и одинъ любопытный (если не вымышленный) эпизодъ, о которомъ разсказываетъ Ѳ. Тимирязевъ. Отецъ Тимирязева, съ товарищами, среди которыхъ былъ и Рылѣевъ, забрелъ въ Парижѣ къ знаменитой прорицательницѣ Le Normand. Когда къ ней подошелъ Рылѣевъ, она, взглянувъ на его руку, оттолкнула ее какъ бы съ ужасомъ и отказалась предсказывать ему его судьбу. Онъ сталъ настаивать, и вся молодежь съ любопытствомъ окружила прорицательницу. Наконецъ, гадальщица уступила, долго вглядывалась и пробормотала: „Vous ne mourrez pas d'une mort naturelle“.—Je serai tué à la guerre?—„Non.“—Alors en duél?—„Non, non, bien pire que cela, ne me questionnez plus, je ne vous dirai plus rien“—отвѣчала гадальщица [27]. Къ числу несомнѣнно вымышленыхъ разсказовъ нужно отнести слова В. Савицкой, которая утверждала, что мать Рылѣева, когда ея Коня былъ еще мальчикомъ и былъ боленъ, видѣла сонъ, предвѣщавшій его гибель на плахѣ [28].

V.

Послѣ Парижа Рылѣевъ со своей бригадой очутился въ дебряхъ Воронежской губерніи, на лѣтнихъ и зимнихъ квартирахъ. Здѣсь прожилъ онъ цѣлыхъ три года съ 1817—1820 гг., весьма знаменательныхъ въ его жизни. Съ внѣшней стороны эта жизнь была, конечно, убійственно скучная и сѣрая, но для Рылѣева она протекала быстро и имѣла свою поэтическую прелесть.

Службой онъ былъ на первыхъ порахъ доволенъ, хотя и сталъ подумывать объ отставкѣ. «Если бы не обстоятельства,—писалъ онъ матери,—о которыхъ я неоднократно уже изустно и письменно съ вами объяснялся, то, конечно, никогда бы не подумалъ я объ оставленіи службы, которая доставляетъ молодому человѣку такое общество, въ коемъ, кромѣ образцовъ истиннаго благородства, дружескаго согласія и безкорыстной другъ къ другу любви, онъ ничего не видитъ [29].

Этотъ панегирикъ русскому воинству имѣлъ, вѣроятно, свои вполнѣ законныя основанія. Военная молодежь александровскаго времени была, безспорно, передовымъ культурнымъ элементомъ въ глухой провинціи, куда она была заброшена послѣ походовъ 1813—1815 годовъ, и Рылѣевъ, одинъ изъ лучшихъ представителей этого сословія, отдавалъ своимъ товарищамъ въ данномъ случаѣ только должное. Если онъ собирался выйти изъ ихъ среды, то тому были свои причины. Во-первыхъ, чисто экономическія: послѣ смерти отца денежныя дѣла семьи Рылѣева были очень разстроены, и онъ былъ нуженъ для ихъ поддержки. Военная же служба только поглощала и безъ того небольшіе доходы и заставляла Рылѣева

прибѣгать къ разнымъ увертками и хитростямъ, а иногда и терпѣть настоящую нужду *).

Главной причиной, впрочемъ, его рѣшенія покинуть службу были помыслы о собственномъ семейномъ очагѣ, о которомъ Рылѣевъ сталъ думать съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ семьей помѣщика Тевяшева, жившей по сосѣдству съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ квартировалъ его полкъ. Эти матримоніальныя мысли стали особенно сильно занимать Рылѣева съ августа 1817 года—какъ можно догадаться по необычайно чувствительному тону его писемъ къ матери, которую онъ осторожно подготовлялъ къ той новости, какой собирался съ ней подѣлиться.

«Вы желаете знать,—писалъ онъ ей,—каковы наши квартиры? Такія, какихъ мы еще никогда не имѣли. Мы расположены на лѣто въ слободѣ Бѣлогорьѣ, въ полуверстѣ отъ Дона. Время проводимъ весьма пріятно: въ будни свободные часы посвящаемъ или чтенію, или пріятнымъ бесѣдамъ, или прогулкѣ; ѣздимъ по горамъ и любуемся восхитительными мѣстоположеніями, которыми страна сія богата; подъ вечеръ бродимъ по берегу Дона и при тихомъ шумѣ воды и пріятномъ шелестѣ лѣсочка, на противоположномъ берегу растущаго, погружаемся въ мечтанія, строимъ планы для будущей жизни и черезъ минуту уничтожаемъ оные; разсуждаемъ, споримъ, умствуемъ—и, наконецъ, посмѣявшись всему, возвращаемся каждый къ себѣ и въ объятіяхъ сна ищемъ успокоенія. Иногда посѣщаемъ живущую въ слободѣ вдову генералъ-майоршу Анну Ивановну Бедрагу: у нея лечится теперь сынъ ея, подполковникъ гвардейскаго конно-егерскаго полка, раненный при Бородинѣ. Домъ весьма почтенный и гостепріимный, и мы въ ономъ приняты, какъ нельзя лучше [31]. Въ праздничные дни ѣдемъ къ другимъ помѣщикамъ, а я

*) „Я такъ обносился,—писалъ онъ матери,—что даже стыдно. Бѣлье скоро совсѣмъ нельзя будетъ носить, а въ платьѣ не знаю какъ и исправиться, потому что нѣтъ денегъ и, сверхъ того, долженъ товарищамъ“ [30].

чаще на зимнія свои квартиры, въ село Подгорное, гдѣ также живетъ добрый, гостепріимный и любезный помѣщикъ, г-нъ Тевяшевъ; въ семействѣ его мы также приняты, какъ свои, и проводимъ время весьма пріятно» [32].

Спустя мѣсяцъ всѣ неясности и тонкіе намеки этого письма сразу разъясняются для родительницы, къ великому ея удивленію. Сынъ пишетъ ей, что давно уже, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ разсуждать, онъ все не могъ понять, почему ни она, ни онъ не пользовались счастіемъ. Наконецъ, онъ нашелъ причину этого, въ томъ, что ихъ домашнія обстоятельства разстроены. «Ахъ! сколько разъ, увлекаемый порывомъ какой-нибудь страсти, виновный сынъ вашъ предавался удовольствіямъ и могъ забывать тогда о горестяхъ и заботахъ своей матери!»—пишетъ онъ жалобно. Но теперь это больше не повторится... Вотъ уже четыре года, какъ онъ все думаетъ, какъ бы поправить домашнія обстоятельства и сдѣлать прочнымъ спокойствіе своей матери. Прежде восторги пылкой и неопытной юности мѣшали ему рѣшить эту трудную задачу. Теперь случай открылъ и рѣшилъ все: чтобы дать своей матери спокойствіе и чтобы поправить ея дѣла сынъ надумалъ... жениться.

Чувствуя, что это введеніе грѣшитъ нѣкоторой нелогичностью, Рылѣевъ хочетъ «покороче» объяснить родительницѣ, въ чемъ дѣло: въ домѣ Тевяшева имѣлъ онъ пріятные случаи видѣть двухъ дочерей его, видѣть—и узнать милыя и добродѣтельнѣйшія ихъ качества, а особенно младшей. «Не будучи романистомъ,—говоритъ онъ, какъ будто бы выписывая страницу изъ тогдашняго романа,—не стану описывать ея милую наружность, а изобразить душевныя ея качества почитаю себя весьма слабымъ: скажу только вамъ, что милая Наталія, воспитанная въ домѣ своихъ родителей, подъ собственнымъ ихъ присмотромъ, и не видѣвшая никогда большого свѣта, имѣетъ только тотъ порокъ, что не говоритъ по-французски. Ея невинность, доброта сердца, плѣнительная застѣнчивость и умъ, обработанный самою при-

родою и чтеніемъ нѣсколькихъ отборныхъ книгъ, въ состояніи сдѣлать счастіе каждаго, въ комъ только искра хоть добродѣтели осталась. Я люблю ее и надѣюсь, что любовь моя продолжится вѣчно». Эти слова очень растревожили старуху, но особенно ее озаботилъ конецъ письма. Сынъ извѣщалъ ее, что для того, чтобы заняться счастьемъ ея и милой Наташи, онъ хочетъ выйти въ отставку. Онъ знаетъ, что неприлично въ такой молодости оставлять службу, что его четырехлѣтнія безпокойства еще недостаточная жертва съ его стороны отечеству и государю за всѣ благодѣянія, которыми онъ отъ нихъ осыпанъ... но что онъ можетъ и не въ военной службѣ доплатить имъ то, чего не додалъ [33]

«Другъ мой, Кондратій Ѳедоровичъ,—отвѣчала ему мать,—что пишешь въ разсужденіе женитьбы, я не запрещаю: съ Богомъ, только подумай самъ хорошенько. Жену надо содержать хорошо, а ты чѣмъ будешь ее покоить? Въ имѣніи только что и можно продать одинъ овесъ; и то не болѣе какъ 50 четвертей... Удивляюсь я, что тебѣ наскучила военная служба; что ты будешь дѣлать въ деревнѣ? Чѣмъ займешься? Скоро все тебѣ наскучитъ, и самъ будешь жалѣть, что скоро поспѣшилъ отставкою; можешь и женатый служить... Посуди хорошенько, чтобъ не сдѣлать Наташу несчастной, и родителей ея не заставляй раскаиваться, что они дочь свою милую отдали за тебя. Ты говоришь, люблю ее и надѣюсь, что любовь продолжится вѣчно. Ахъ, другъ мой, ты еще не знаешь, какая это птица—любовь! Какъ прилетитъ, такъ и улетитъ; покойный отецъ твой говорилъ мнѣ: вѣчно любить тебя стану—и его любовь улетѣла... Женитьба твоя меня не огорчаетъ, а что ты выходишь изъ службы, то меня поразило» [34].

Опасенія матери насчетъ службы, однако, не очень опечалили Рылѣева; онъ сознавалъ, что служба утратила для него всякій интересъ съ тѣхъ поръ, какъ мечты о мирной семейной пристани имъ овладѣли. «Пользы служба не принесла мнѣ никакой,—писалъ онъ матери,—и съ моимъ характеромъ я

вовсе для нея неспособенъ. Для нынѣшней службы нужны... *), а я, къ счастію, не могъ имъ быть и потому самому ничего не выиграю... А вотъ, любезная маменька, пришлите, сдѣлайте милость, книжку съ узорами для вышиванія по канвѣ, а также разноцвѣтнаго бисеру. Наталія Михайловна старалась сама достать въ Воронежѣ, но не нашла» [35].

Рылѣевъ былъ рѣшительно не въ воинственномъ и не въ походномъ настроеніи. Даже короткія отлучки въ Воронежъ наполняли его сердце «невыразимой тоской», и въ письмахъ къ сестрѣ своей невѣсты онъ тянулъ самую сладкую любовную канитель, извѣщалъ, что бѣгаетъ по городу, выбираетъ разные узоры для вышиванія, самъ ихъ срисовываетъ и все думаетъ объ «Ангелѣ Херувимовнѣ» и ея семьѣ, которую просилъ не забывать «разлученнаго съ милѣйшими для него существами воронежскаго труженика, отъ 6 часовъ утра до трехъ вечера безпрестанно мерзнущаго въ коммисаріатскихъ лабазахъ».

Наконецъ, освобожденіе его состоялось. Приказомъ Государя, отданнымъ отъ 26 декабря 1818 г., Конноартиллерійской 12 роты прапорщикъ Рылѣевъ увольнялся отъ службы подпоручикомъ, по домашнимъ обстоятельствамъ... Рылѣевъ былъ на седьмомъ небѣ, хоть и признавался матери откровенно, что не безъ сожалѣнія разстается со своими товарищами.

22 января 1820 г. Рылѣевъ женился на Наталіи Михайловнѣ Тевяшевой, дѣвицѣ необыкновенной красоты и превосходныхъ душевныхъ свойствъ [36]. Бракъ обѣщалъ впереди много счастья. Какъ и слѣдовало ожидать, въ степного помѣщика Кондратій Ѳедоровичъ не обратился и, побывавъ съ женой у своей матери, проживъ затѣмъ нѣкоторое время въ Петербургѣ и проведя лѣтніе мѣсяцы 1820 года въ Малороссіи, съ осени 1821 г. **) основался въ Петербургѣ съ намѣреніемъ служить по гражданскому вѣдомству.

*) Слово пропущено во всѣхъ изданіяхъ.

**) Объ этихъ годахъ жизни Рылѣева сохранилось очень мало свѣдѣній.

VI.

Эти поэтическіе годы въ жизни Рылѣева (1817—1821) были рѣшающей эпохой въ развитіи его дарованія, какъ поэта. Подъ наплывомъ искренняго чувства онъ овладѣлъ поэтическимъ настроеніемъ и формой; и прежде всего, любовь сдѣлала его недурнымъ лирикомъ.

Но одновременно съ этимъ развитіемъ мирныхъ лирическихъ чувствъ, въ немъ пробуждался и крѣпъ также и тотъ боевой темпераментъ, который въ концѣ концовъ создалъ изъ него пѣвца гражданскихъ добродѣтелей.

Пересмотримъ же все, что было написано Рылѣевымъ за то время, когда въ литературномъ мірѣ имя его было еще совсѣмъ неизвѣстно.

Прежде всего отмѣтимъ его опыты въ лирическихъ любовныхъ тонахъ.

Быть можетъ, какъ утверждаетъ одинъ изъ его біографовъ, [37] онъ въ своихъ любовныхъ стихахъ и былъ несвободенъ отъ заимствованій у Парни, у котораго онъ могъ научиться, какъ пылкую любовь должно облекать въ поэзію,—но искренность любовныхъ романсовъ и пѣсенъ Рылѣева нельзя приписать никому иному, кромѣ его самого. А стихи искренни и порой красивы. Въ нихъ мало оригинальнаго: все разные моменты любовной мелодрамы, неясное томленіе, страхи ожиданія, подозрѣніе въ измѣнѣ, жалобы на коварство, тоска разлуки, взыванія къ угрюмымъ Аквилонамъ, къ завистливому Сатурну, къ хладной длани Крона, прославленіе убогаго домика, отреченіе отъ мраморныхъ чертоговъ и «тучныхъ стадъ» и вообще всякія классическія реминисценціи, безъ которыхъ тогда не обходилось

ни одно любовное изліяніе. Классицизмъ увлекалъ иногда влюбленнаго молодого человѣка за предѣлы скромности, и поэтъ заставлялъ Делію бросаться полунагой съ постели навстрѣчу супругу и страстно трепетать въ объятіяхъ счастливца, заставлялъ Лилу распускать небрежно волнистые власы по алебастровымъ плечамъ, обнажать и перси дѣвственны, я ноги, и наконецъ сбрасывать покровъ со всѣхъ тайныхъ прелестей... И много нескромнаго вообще заставлялъ этотъ классицизмъ говорить Рылѣева, который умѣлъ, однако, и иными, не столь страстными словами, воспѣвать свою любовь, какъ это видно, напр., изъ такого красиваго романса:

Какъ счастливъ я, когда ты понимаешь
Изъ взора моего, сколь я люблю тебя,
Когда мнѣ ласками на ласки отвѣчаешь,
Какъ счастливъ я!
Какъ счастливъ я, когда своей рукою
Ты тихо жмешь мою и, глядя на меня,
Твердишь вполголоса, что счастлива ты мною...
Какъ счастливъ я!
И т. д.

Для всѣхъ такихъ чувствъ семейная, тихая обстановка въ деревнѣ была самая подходящая, и Рылѣевъ посвятилъ ей не мало рифмованныхъ строкъ: «Давно мнѣ сердце говорило» писалъ онъ Булгарину послѣ перваго своего пребыванія въ Петербургѣ (въ 1820 г.).

Давно мнѣ сердце говорило:
Пора, младой пѣвецъ, пора,
Оставивъ шумный градъ Петра,
Летѣть къ своей подругѣ милой,
Чтобъ оживить и духъ унылый,
И смутный сонъ младой души
На лонѣ нѣги и свободы
И расцвѣтающей природы
Прогнать съ заботами въ тиши [38].

На этомъ лонѣ нѣги и свободы Рылѣевъ проводилъ время и весело, и съ толкомъ. Въ стихотвореніи «Пустыня», посвящен-

номъ его другу М. Г. Бедрагѣ, онъ даетъ обстоятельный отчетъ о томъ, какъ ему живется на Украйнѣ. Шумныя забавы смѣнилъ онъ на покой, отъ вина отказался и пьетъ воду, вертлявою толпой налетѣли утѣхи въ его уютный домикъ, докучная печаль и угрюмая дума его покинули, и въ спокойный счастливый уголокъ порой заглядываетъ боязливо лишь задумчивость... Встаетъ онъ до зари, идетъ потрудиться въ свой садикъ и копаетъ гряды, а когда устанетъ рыться, то подъ тѣнью деревъ сидитъ и читаетъ книги; къ полудню его ждетъ скромный обѣдъ, и пріятный ѳиміамъ курится отъ сочныхъ яствъ; потомъ онъ отдыхаетъ: подъ вечеръ идетъ на охоту, а затѣмъ пьетъ ароматный чай; потомъ пріѣзжаютъ гости. Поздно ночью, проводивъ ихъ на покой, онъ идетъ прогуляться въ садъ; кругомъ благоуханіе цвѣтовъ, трепетаніе листочковъ, тишина ночная, и голубая пучина безоблачныхъ небесъ, и луна, какъ лебедь бѣлоснѣжный, и Филомелы гласъ...

Такъ юнаго поэта
Вдали отъ шума свѣта
Проходятъ дни въ глуши.
Ничто его души,
Мой другъ, не безпокоитъ.
И онъ въ нѣмой тиши
Воздушны замки строитъ.
Заботы никогда
Его не посѣщаютъ;
Напротивъ, завсегда
Съ нимъ вмѣстѣ обитаютъ
Свобода и покой
Съ веселостью безпечной...
Но здѣсь мнѣ жить не вѣчно,
И часъ разлуки злой
Съ пустынею нѣмой
Мчитъ время быстротечно.
Покину скоро я
Украинскія степи,
И снова на себя
Столичной жизни цѣпи,
Суровой рокъ кляня,
Увы, надѣну я!
Опять подъ часъ въ прихожей
Надутаго вельможи
(Тогда какъ онъ покой
На пурпуровомъ ложѣ
Съ прелестницей младой
Вкушаетъ безмятежно,
Ее лобзая нѣжно),
Съ растерзанной душой,
Съ главою преклоненной
Межъ челядью златой,
И чинно и смиренно
Я долженъ буду ждать
Судьбы своей рѣшенья
Отъ глупаго сужденья,
Которое мнѣ дать
Изъ милости разсудитъ
Лѣнивый полу-царь,
Когда его разбудитъ
Въ полудни секретарь.

Для пылкаго поэта
Какъ больно, тяжело
Въ тріумфѣ видѣть зло
И въ шумномъ вихрѣ свѣта
Встрѣчать вездѣ ханжей,
Корнетовъ-дуэлистовъ,
Поэтовъ-эгоистовъ,
Или убійцъ—судей,
Досужихъ журналистовъ,
Которые тогда,
Какъ вспыхнула война
На югѣ за свободу—
О срамъ! о времена!—
Поссорились за оду *).

Уже конецъ этого стихотворенія показываетъ, что Рылѣевъ среди своей идилліи бывалъ настроенъ иногда несовсѣмъ идиллически, и что сатирическое настроеніе нарушало и мирный покой его «жизни анахорета», какъ онъ выражался, и плавность, и поэтичность его рифмованной рѣчи.

«Пѣнивый полуцарь» въ вицмундирѣ далъ ему себя знать еще въ первый пріѣздъ въ Петербургъ (въ 1820 г.), когда онъ хлопоталъ въ сенатѣ по дѣламъ своей матери, а годъ спустя, покидая Украйну, передъ окончательнымъ переселеніемъ въ Петербургъ (въ августѣ 1821 г.), Рылѣевъ писалъ Булгарину: «Холодъ обдаетъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ меня ожидаютъ въ Петербургѣ мучительныя крючкотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ.

Когда отъ русскаго меча
Легли монголы въ прахъ, стеная,
Россію Богъ карать не преставая,
Столь многочисленный, какъ саранча,
Приказныхъ родъ въ странахъ ея обширныхъ
Повсюду разселилъ,
Чтобы сердца сограждан мирныхъ
Онъ завсегда, какъ червь, точилъ...

«Если бы ты видѣлъ приказныхъ въ русскихъ провинціяхъ—это настоящія кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники въ страшную годину междуцарствія не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лю-

*) Напечатано въ 1821 г. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія".

тое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь—со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже копіисты имѣютъ постоянные доходы отъ своего грабежа, а исправники...

Кто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
О лютыхъ половцахъ, иль о татарахъ злыхъ,
О ихъ неистовыхъ набѣгахъ
И о хищеньяхъ ихъ?
Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ
Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
И ихъ холодными струями напояютъ,
Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
Давно ли крымскіе наѣздники толпами
Изъ отческой земли
И старцевъ, и дѣтей и женъ тягча цѣпями,
Въ Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря Творцу, Россія покорила
Враговъ надменныхъ всѣхъ
И лѣтъ за нѣсколько со славой отразила
Разбойника славнѣйшаго набѣгъ
Теперь лишь только при наѣздахъ
Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ [39].

Страхъ предъ столичной жизнью былъ у Рылѣева не напускной, а весьма искренній, но—какъ ему писала мать—онъ все таки не былъ созданъ для жизни въ деревнѣ. Когда К[аховскій] прислалъ ему въ 1820 г. въ деревню стихи, въ которыхъ совѣтовалъ поселиться навсегда въ Малороссіи, Рылѣевъ отвѣчалъ ему такими словами [40]:

Чтобъ я младые годы
Лѣнивымъ сномъ убилъ!
Чтобъ я не поспѣшилъ
Подъ знамена свободы!
Нѣтъ, нѣтъ, тому во вѣкъ
Со мною не случиться...
Тотъ жалкій человѣкъ,
Кто славой не плѣнится!
Кумиръ младой души,
Она меня трубою
Будя въ нѣмой глуши,
Вслѣдъ кличетъ за собою
На берега Невы.
Итакъ, простите вы,
Краса благой природы,
Цвѣтущіе сады,
И пышные плоды,
И Дона тихи воды,
И миръ души моей,
И кровъ уединенный,

И тишина полей
Страны благословенной,
Гдѣ горя и суетъ
И обольщеній чуждый,
Прожить бы могъ поэтъ
Безъ прихотливой нужды *).
(Къ К[аховскому] 1820).

Стихотвореніе знаменательное и по своему настроенію вообще, и по темному намеку на какія-то «знамена свободы», подъ которыя должно стать на «брегахъ Невы». Быть можетъ, это была простая поэтическая метафора, можетъ быть, и отзвукъ свободолюбивыхъ помысловъ Рылѣева, о которыхъ мы ничего не знаемъ.

Какъ бы то ни было, внѣшняя мирная обстановка жизни въ деревнѣ не исключала для Рылѣева довольно серьезной работы мысли **), которая направлялась все больше и больше, постепенно и упорно, на общественные и политическіе вопросы.

Ходъ этой мысли можно приблизительно, хотъ и очень неполно, прослѣдить по стихотвореніямъ и замѣткамъ Рылѣева, относящимся къ этимъ годамъ его жизни. Внѣшней отдѣлкой эти стихи и прозаическіе наброски не блещутъ, но они характерны по содержанію. Рядомъ съ очень ординарными темами ***) встрѣчаются и серьезные замыслы. Къ этому, напр., времени безспорно относятся занятія Рылѣева русской исторіей и исторіей Малороссіи, занятія, которыя натолкнули

*) Годъ спустя послѣ этого стихотворенія было написано вышеприведенное стихотвореніе „Пустыня", въ которомъ Рылѣевъ бралъ, какъ будто, назадъ свое рѣшеніе „спѣшить подъ знамена свободы", но и оно кончалось, какъ мы помнимъ, обращеніемъ къ Греціи, которая тогда боролась за свою свободу.

**) Въ деревнѣ Рылѣевъ читалъ очень много. Въ стихотвореніи „Пустыня" онъ далъ списокъ всѣхъ тѣхъ авторовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ онъ „пилъ сладкіе восторги". Здѣсь рядомъ съ Ж.-Ж. Руссо и „проказникомъ" Вольтеромъ перечислены всѣ русскіе писатели отъ Ломоносова до Владиміра Панаева.

***) Таковы, напримѣръ, стихотворенія: „Къ Другу" [напеч. 1820 въ „Невскомъ Зрителѣ", на тему „carpe diem"]; „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу" [напеч. 1821 въ „Сынѣ Отечества" подражаніе

*

его на мысль обработать этотъ историческій матеріалъ въ поэтической формѣ—что онъ и исполнилъ спустя нѣкоторое время, когда приступилъ къ созданію своихъ «Думъ» и поэмъ *).

Буало], въ которомъ говорится о геніи и зоилахъ и сказано много комплиментовъ по адресу Жуковскаго и Гнѣдича. [О послѣднемъ сказано очень удачно:

На трудномъ поприщѣ ты только могъ одинъ
Въ пріятной звучности прелестнаго размѣра
Намъ вѣрно передать всю красоту картинъ
И всю гармонію Гомера].

Нѣсколько злыхъ эпиграммъ на нищущую братію [напечатаны въ „Благонамѣренномъ“ 1820 г.]; переводъ польскаго стихотворенія Булгарина „Путь къ счастію“ [на тему о неподкупности поэта, который желаетъ лучше въ осенніе дожди скитаться безъ шинели, чѣмъ торговать своей лирой], разныя мелкія стихотворенія на случай и шарады. Къ числу такихъ незатѣйливыхъ набросковъ относятся и прозой написанныя сатирическія статейки въ которыхъ Рылѣевъ хотѣлъ дать образцы „Картинокъ нравовъ“, столь распространенныхъ тогда въ нашей журналистикѣ. Картинки эти [„Провинціалъ въ Петербургѣ“ и „Чудакъ“ напечатаны въ „Невскомъ Зрителѣ“ 1821 г.] очень слабы по замыслу и блѣдны по выполненію [анекдоты о женскомъ легкомысліи, женской расточительности и о сюрпризахъ влюбленнаго сердца]. Повѣсть „Чудакъ“ дала, впрочемъ, одному изслѣдователю поводъ предположить, что Пушкинъ помнилъ ея содержаніе когда писалъ своего Онѣгина [4].

*) Въ черновыхъ тетрадяхъ Рылѣева сохранилось очень много программъ и стихотворныхъ отрывковъ историческаго содержанія. Темы въ большинствѣ случаевъ взяты изъ исторіи малороссійскаго казачества; но попадаются, впрочемъ, и другія [напр., изъ эпохи Екатерины II]. Существуетъ также цѣлая программа русской исторіи отъ Рюрика до Александра подъ заглавіемъ „Судьба Россіи“. Опредѣлить съ точностью время, когда эти отрывки набросаны, нельзя; они тщательно описаны и перепечатаны въ статьѣ *В. Якушкина* [„Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1888 г. Ноябрь и Декабрь].

Но къ этому времени относится, безспорно, замѣтка Рылѣева „Объ Острогожскѣ“—краткій историческій очеркъ города со свѣдѣніями объ его торговлѣ. Интересны въ этой замѣткѣ разсужденія Рылѣева о вредѣ, который вытекаетъ изъ захвата капи-

Впрочемъ, его интересъ не ограничивался одной національной исторіей. Въ головѣ Рылѣева роились планы цѣлыхъ историко-философскихъ трактатовъ и философскихъ поэмъ *). Одинъ изъ такихъ грандіозныхъ плановъ сохранился въ достаточно полномъ видѣ, и онъ очень характеренъ, какъ показатель умственнаго кругозора и идейныхъ интересовъ нашего мечтателя, который задумалъ рѣшать самые сложные исторіософскіе вопросы. Программа дошла до насъ въ такомъ видѣ:

Духъ времени или судьба рода человѣческаго.

I. Человѣкъ отъ дикой свободы стремится къ деспотизму; невѣжество причиной тому.

1. Первобытное состояніе людей. Дикая свобода.
2. Покушенія деспотизма. Раздѣленіе политики, нравственности и религіи.
3. Грецiя. Свобода гражданская, философы, цари.
4. Римъ. Его владычество. Свобода въ немъ. Цезарь. Духъ времени.

талистами свободы винокуренія, вслѣдствіе чего разорилась многочисленная часть дворянства и войсковые жители, для которыхъ это винокуреніе было главнымъ источникомъ дохода. [„Могу ошибаться, говоритъ нашъ статистикъ, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества“]. Любопытны также и свѣдѣнія, которыя даетъ Рылѣевъ о закрѣпощеніи этого края и о томъ, какъ казаки, не желая признать себя крѣпостными, въ отличіе отъ „крѣпаковъ“ называли себя только „подданными“.

*) Такова, напр., программа какого-то „Промегея“ [1. Юпитеръ. Сверженіе Сатурна. Прометей обманутъ. 2. Прометей возмущаетъ Титановъ. Они побѣждены. 3. Прометей, прикованный къ Кавказу. Смерть его]; а также программа безъ заглавія: „Промыслъ, Духъ времени. Геній Греціи, Геній Рима, Геній Россіи, Геній Германіи, Геній Франціи, Геній Британіи, Геній Америки, Геній Азіи, Геній Африки, Геній Европы, Врагъ человѣческій, Духи зла“. Часть этой широкой программы была развита болѣе подробно подъ заглавіемъ „Духъ времени или Судьба рода человѣческаго“ 42.

5. Римъ порабощенный.
6. Христосъ.

II. Человѣкъ отъ деспотизма стремится къ свободѣ; причиною тому просвѣщеніе.

1. Гоненія на христіанъ распространяютъ христіанство. Распри ихъ.
2. Феодальная система и крестовые походы. Духъ времени.
3. Лютеръ. Свободомысліе въ религіи. Духъ времени.
4. Французская революція. Свободомысліе въ политикѣ.
5. Наполеонъ. Сверженіе его. Духъ времени.
6. Борьба народовъ. Начало соединенія религіи, нравственности и политики.

Рылѣевъ, кажется, началъ даже работать надъ выполненіемъ этой программы; по крайней мѣрѣ, какъ указалъ В. Якушкинъ[43], въ его тетрадяхъ нашлись отрывочныя разсужденія на тему о «соотношеніи между нравственностью, свободой и просвѣщеніемъ», замѣтки «о трагедіи жизни Наполеона» *) и, наконецъ, отрывки изъ трактата «о свободѣ воли и Промыслѣ» **).

---

*) Эти замѣтки очень интересны по вѣрности историческаго взгляда. „Тебѣ [Наполеону],—пишетъ Рылѣевъ,—всѣ средства были равны—лишь бы они вели прямо къ цѣли. Добродѣтели и пороки, добро и зло въ твоихъ глазахъ не имѣли другого различія, какое имѣютъ между собою цвѣта: каждый хорошъ... Ты старался быть превыше добродѣтелей и пороковъ: они для тебя были разноцвѣтныя тучи, носящіяся около Кавказа, который недосягаемымъ челомъ, прорѣзывая ихъ, касается неба дѣвственными вершинами. Твое могущество захватило всѣ власти и пробудило народы. Цари, уничтоженные тобой, возстали и при помощи народовъ низвергли тебя. Ты палъ, но самовластіе съ тобой не пало. Оно стало еще тягостнѣе, потому что досталось въ удѣлъ *многимъ*".

**) „Усовершенствованіе есть цѣль,—говоритъ Рылѣевъ,—къ которой человѣчество стремится по предназначенію Промысла. Никакія усилія Омаровъ не въ состояніи остановить его на семъ пути. Человѣкъ въ частности одаренъ свободою воли; онъ властенъ дѣлать или не дѣлать то, что внушаютъ ему страсти или

Сопоставляя всѣ эти отрывки, планы, стихи и прозаическіе очерки, видимъ, въ какомъ направленіи работала мысль Рылѣева за эти годы (1819—1821), когда онъ имѣлъ всего больше права жить личными новыми ощущеніями и думать всего больше о своемъ личномъ счастіи.

Мысли о Прометеѣ и его борьбѣ съ богами, широкіе помыслы о цѣлой исторіи человѣческой культуры, мысли о движеніи человѣка отъ свободы къ деспотизму и отъ деспотизма къ просвѣщенной свободѣ, мысль схватить сущность «генія» всѣхъ странъ и народовъ, проекты набросать цѣлую исторію «судебъ Россіи», работа надъ вольной старинной запорожской— вплоть до сатирическихъ статеекъ и стиховъ съ современной общественной тенденціей—показываютъ намъ, какъ постепенно, но настойчиво, зрѣлъ въ Рылѣевѣ «гражданинъ»—«либералистъ», сынъ своего вольнолюбиваго вѣка, идеологъ съ малымъ запасомъ знаній, но съ большими стремленіями и весьма приподнятымъ настроеніемъ. Мыслей было много (хоть и навѣянныхъ извнѣ), но еще больше боевого темперамента.

Этотъ боевой темпераментъ заставлялъ Рылѣева въ тѣ годы особенно близко принимать къ сердцу борьбу Греціи за свою независимость, героическую борьбу, которая кружила головы всѣмъ нашимъ либераламъ. Въ его стихахъ нерѣдко слышны отзвуки этого возстанія за свободу, и мысль о вмѣ-

---

разсудокъ; но его дѣянія худы или хороши только въ отношеніи къ нему; на судьбу же всего человѣчества они не имѣютъ никакого вліянія, особенно когда они не согласовались съ видами Промысла. Противорѣчія намѣреній съ послѣдствіями дѣяній человѣческихъ яснымъ служатъ тому доказательствомъ. Брутъ, желая спасти міръ отъ деспотизма, убилъ Цезаря. Дѣяніе это не имѣло вліянія на судьбу человѣчества, ибо не было согласно съ видами Промысла. Такимъ образомъ, принявъ за истину, что человѣкъ въ частности свободенъ, а человѣчество нѣтъ, можно и должно будетъ поставить нравственнымъ закономъ для нашихъ дѣяній: поступай такъ, чтобы твои поступки не противорѣчили волѣ Промысла. Но спросятъ: какимъ образомъ распознать волю сію? Воля Промысла изъявляется въ духѣ времени".

шательствѣ русскихъ въ дѣло освобожденія Греціи была очень близка его сердцу *). Онъ, какъ и многіе, думалъ, что осуществить эту мечту будетъ призванъ нашъ кавказскій герой А. П. Ермоловъ, который былъ тогда вызванъ въ Петербургъ, и про котораго говорили, что онъ назначается нашимъ главнокомандующимъ на Балканахъ [45]. Рылѣевъ посвятилъ Ермолову цѣлое стихотвореніе, въ которомъ призывалъ его спасать сыновъ Эллады, дабы она, какъ молодой Фениксъ, воскресла изъ праха **).

Этимъ же боевымъ настроеніемъ нужно объяснить и появленіе въ печати того стихотворенія Рылѣева, съ котораго началась его литературная извѣстность. Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 года, въ четвертой книжкѣ, была за подписью Рылѣева напечатана ода «Къ Временщику», съ добавкой, что она подражаніе Персіевой сатирѣ «Къ Рубеллію». Ода была направлена—какъ догадывались—противъ всесильнаго Арак-

*) Рылѣевъ былъ, вообще, большимъ патріотомъ и оставался всегда неравнодушнымъ къ славѣ русскаго оружія, хотя самъ съ нимъ и разстался. И въ его стихахъ, и въ его „Думахъ“ много военнаго пафоса. Въ 1820 году онъ прислалъ въ редакцію „Невскаго Зрителя“ стихотвореніе своего друга П. Ракитина (?) „Польской“, рекомендуя это стихотвореніе для печати. Въ немъ мы читаемъ, между прочимъ, такія строфы:

На морѣ, сушѣ громы кинемъ,
Попремъ ногою самый адъ,
Десною мы Парижъ низринемъ,
А шуйцей потрясемъ Царь-Градъ.
Вели, премудрый царь, кѣмъ Россы
Дѣла великія творятъ,
Вели—полнощные колоссы
Вселенну въ прахъ преобратятъ! [44]

**) Стихотвореніе написано въ 1821 г. О Греціи вспоминалъ Рылѣевъ и въ своемъ деревенскомъ уединеніи, гдѣ, какъ онъ разсказываетъ [стихотвореніе „Пустыня“ 1821 г.], его посѣтилъ какой-то отставной майоръ, который кричалъ и жаловался на свою старость и на то, что не можетъ спѣшить въ Морею, „гдѣ, поднявъ свободы знамя, грекъ оттоману мститъ“.

чеева. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ литературномъ событіи Н. Бестужевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ» [46]:

«Нельзя представить изумленія, ужаса, даже, можно сказать, оцѣпенѣнія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно: туча пронеслась мимо; оковы оцѣпенѣнія мало-по-малу расторглись, и глухой шопотъ одобреній былъ наградой юнаго правдиваго поэта. Многіе не видятъ нравственныхъ послѣдствій его сатиры: но она научила и показала, что можно говорить истину, не опасаясь; можно судить о дѣйствіяхъ власти и вызывать сильныхъ на судъ народный». Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ преувеличилъ впечатлѣніе, произведенное этимъ стихотвореніемъ [47]. Оно могло имѣть большой успѣхъ въ извѣстномъ кругу, но въ мемуарахъ и перепискѣ современниковъ оно не заняло выдающагося мѣста. Однако, при всѣхъ ея внѣшнихъ недостаткахъ, при архаизмахъ стиха и общей прозаичности, эта ода все-таки необыкновенное явленіе: она необычайно рѣзка и смѣла по своему тону и очень характерна, какъ показатель темперамента автора, столь еще неопытнаго въ словесной битвѣ и все-таки столь рьянаго.

Припомнимъ нѣсколько строфъ этой знаменитой оды, чтобы имѣть представленіе о той высшей степени рѣзкости, до какой поднималась рѣчь Рылѣева въ печати. Онъ писалъ:

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ проныствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь,

Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!..
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ,—
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ...
Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

Съ литературной стороны сатиру нельзя признать удачной: прозаическіе архаизмы, условныя метафоры, деревянный стихъ относятъ ее изъ XIX вѣка въ вѣкъ XVIII-й. Но она зла, непомѣрно зла... Тому, противъ кого она была направлена, оставалось, дѣйствительно, либо не замѣтить ея, либо обрушиться на автора всей своей карательной силой, а этого нельзя было сдѣлать, такъ какъ ода была все-таки сатирой слишкомъ общаго характера, и единственныя, довольно прозрачныя слова о «селеніяхъ, лишенныхъ красоты» могли быть истолкованы, какъ простая метафора изъ сельской жизни, хотя они, конечно, мѣтили въ военныя «поселенія», которыя тогда ставились въ вину Аракчееву [48]. Такъ воинственно былъ настроенъ Рылѣевъ въ эти еще вполнѣ мирные годы своей жизни.

VII.

Рылѣевъ прожилъ въ Петербургѣ, какъ мы уже сказали, часть 1820 года и окончательно обосновался въ немъ въ 1821 году. Столицу, какъ таковую, онъ не любилъ, и часто тосковалъ по деревнѣ и Украйнѣ, даже въ самый разгаръ своей общественной и политической дѣятельности *).

Эта общественная жизнь съ перваго же года стала его затягивать и, хоть онъ и говорилъ при каждомъ удобномъ случаѣ, что онъ именно для нея и созданъ, но и его поэтическая натура, любившая уединеніе, и его любовь къ семейному, тихому очагу нѣсколько тяготились этимъ шумомъ **).

---

*) „Непреодолимыя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу, тогда какъ слабость здоровья, расположеніе, душевное желаніе, поэзія и чувства влекутъ на Украйну" — писалъ онъ женѣ въ январѣ 1825 г.

„Петербургъ тошенъ для меня, онъ студитъ вдохновенье; душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что-либо достойное вѣка нашего, но какъ бы на зло желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу",—писалъ онъ Пушкину въ маѣ того же года [49].

Лѣтомъ 1822 года онъ жилъ опять на югѣ, но безъ жены.

**) Рылѣевъ былъ большой семьянинъ, и бракъ его былъ въ этомъ смыслѣ счастливый. Кажется, только однажды на весьма короткій срокъ его семейное счастіе было въ опасности. Н. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ разсказываетъ, что ему случилось однажды читать Рылѣеву свою повѣсть на трогательный любовный сюжетъ. Рылѣевъ, у котораго слезы выступали обыкновенно при разсказѣ о благородномъ поступкѣ, при высокой мысли, даже при чтеніи какой-нибудь хорошо написанной повѣсти—заплакалъ, слушая разсказъ Бестужева, и признался, что самъ испытываетъ всѣ тѣ любовныя терзанія, о которыхъ ему по-

Его природная организація была въ основѣ своей сентиментальная, очень склонная къ тихой работѣ мысли и къ поэтическимъ порывамъ и раздумью. Либеральный образъ мысли Рылѣева и интересъ къ общественнымъ вопросамъ находилъ себѣ, поэтому, наиболѣе легкій и подходящій исходъ въ поэтическихъ образахъ, а въ дѣйствіи поражалъ быстротой, порывистой кипучестью, которая однако такъ же быстро набѣгала, какъ и спадала.

Всѣхъ, кто зналъ его въ общемъ мирный нравъ, поражала иногда эксцентричность нѣкоторыхъ его поступковъ. До насъ дошли свѣдѣнія о такихъ рѣзкихъ проявленіяхъ его темперамента, которыя въ свое время обратили на себя вниманіе въ Петербургѣ. Разсказываютъ, напр., что поэтъ однажды наплевалъ въ лицо одному господину и избилъ его на улицѣ за то, что тотъ систематически уклонялся отъ дуэли съ его другомъ А. Бестужевымъ[51]. Извѣстно также, какую громкую роль

вѣтствовалъ его пріятель. Онъ оказался въ плѣну у одной дамы рѣдкой красоты, умной и ловкой, которая стремилась поддѣлать себя подъ его вкусы и идейные интересы. Рылѣевъ увлекся ею и долженъ былъ выдержать долгую и мучительную душевную борьбу, пока, наконецъ, не пересилилъ страсти. Дама эта оказалась впослѣдствіи шпіономъ[50]. Разсказъ Бестужева нельзя принимать всецѣло на вѣру: онъ сочиненъ значительно позже, и въ немъ вымысла гораздо больше, чѣмъ правды. Но какой-то приливъ новой любви Рылѣеву, дѣйствительно, пришлось испытать въ 1824 году, какъ это видно изъ очень искреннихъ и красивыхъ элегій, которыя имъ тогда были написаны таинственной обольстительницѣ; онъ писалъ:

Исполнились мои желанья,
Сбылись давнишнія мечты:
Мои жестокія страданья,
Мою любовь узнала ты!

Себя напрасно я тревожилъ.
За страсть вполнѣ я награжденъ:
Я вновь для счастья сердцемъ ожилъ,
Исчезла грусть, какъ смутный сонъ.

Такъ, окропленъ росой отрадной,
Въ тотъ часъ, когда горитъ востокъ,
Вновь воскресаетъ, ночью хладной
Полузавялый василекъ.

игралъ Рылѣевъ въ надѣлавшей много шума дуэли л.-г. семеновскаго полка подпоручика Чернова съ флигель-адъютантомъ Новосильцевымъ. Причиной этой дуэли было несовѣмъ корректное отношеніе Новосильцова къ сестрѣ Чернова, которая была его невѣстой. Дуэль кончилась очень печально, смертью обоихъ противниковъ. Рылѣевъ былъ секундантомъ Чернова и, кажется, подстрекалъ его *). Наконецъ, и ему самому пришлось

Но затѣмъ Рылѣевъ каялся и писалъ (должно быть, женѣ):

Когда душа изнемогала
Въ борьбѣ съ болѣзнью роковой,
Тяжелый, мой другъ, желала
Уединенный уголъ мой.
Твое отрадное участье,
Твое вниманье, милый другъ,
Мнѣ снова возвратили счастье
И исцѣлили мой недугъ.

Съ одра болѣзни роковова
Я всталъ и бодръ, и веселъ вновь—
И въ сердцѣ запылала снова
Къ тебѣ давнишняя любовь.
Такъ мотылекъ, порхая въ полѣ
И крылья опаливъ огнемъ,
Опять стремится поневолѣ
Къ костру, въ безуміи слѣпомъ.

*) „Черновы на бѣду въ Петербургѣ были знакомы съ Рылѣевымъ,—пишетъ одинъ современникъ.—Рылѣевъ, заклятый врагъ аристократовъ, началъ раздувать пламя, и кончилось тѣмъ, что Черновъ вызвалъ Новосильцева [52]. Похороны Чернова, убитаго флигель-адъютантомъ, послужили предлогомъ цѣлой манифестаціи. Гробъ его провожала огромная толпа, и на его памятникъ было собрано 10 000 рублей. Однимъ изъ ревностныхъ организаторовъ этой манифестаціи былъ Рылѣевъ. Какой смыслъ въ глазахъ молодежи имѣла она—объ этомъ мы можемъ судить по стихотворенію, которое Рылѣевъ посвятилъ памяти Чернова:

Клянемся честью и Черновымъ,
Вражда и брань временщикамъ.
Царя трепещущимъ рабамъ,
Тиранамъ, насъ угнесть готовымъ.
Нѣтъ! не отечества сыны,
Питомцы пришлецовъ презрѣнныхъ!
Мы чужды ихъ семей надменныхъ,
Они отъ насъ отчуждены.
Тамъ говорятъ не русскимъ словомъ.

Святую ненавидятъ Русь.
Я ненавижу ихъ, клянусь.
Клянусь и честью, и Черновымъ!
На нашихъ дѣвъ, на нашихъ женъ
Дерзнетъ ли вновь любимецъ счастья
Взоръ бросить, полный сладострастья,—
Падетъ, перуномъ пораженъ! [53]

поставить къ барьеру князя Шаховского, который въ чемъ-то провинился въ отношеніи Анны Ѳедоровны Рылѣевой—незаконной дочери его отца, проживавшей въ его домѣ. Шаховской остался невредимъ, а Рылѣевъ былъ раненъ. Всѣ эти скандалы и вызовы достаточно наглядно поясняютъ порывистый характеръ ихъ иниціатора или участника *).

При такомъ вспыльчивомъ и вопнственномъ темпераментѣ, при такихъ мечтаніяхъ о служеніи обществу и о борьбѣ съ разными «утѣснителями», жизнь частнаго человѣка въ Петербургѣ не могла представлять большой прелести.

Если и признать, что Новосильцевъ подходилъ подъ категорію лицъ, предпочитавшихъ „говорить не русскимъ словомъ", то только нелюбовь Рылѣева къ аристократамъ и вообще его гражданско-боевое настроеніе могли быть причиной того, что по поводу свѣтской дуэли онъ притянулъ къ суду и „временщиковъ", и „трепещущихъ рабовъ царя", и „тирановъ", и „ненавидящихъ Русь"—людей, которые всѣ ни въ какомъ родствѣ съ покойнымъ Новосильцевымъ не состояли.

Другіе современники отнеслись къ Новосильцеву болѣе мягко [54], хотя и въ ихъ глазахъ похороны Чернова были манифестаціей. „Трудно сказать,—пишетъ князь Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—какое множество провожало гробъ (Чернова) до Смоленскаго кладбища: все, что мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, которую всякій сознавалъ и сознательно, и безсознательно: защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго" [55].

[О дуэли Чернова и Новосильцева Рылѣевымъ была составлена отдѣльная записка].

*) Любопытно, что и эта дуэль не обошлась безъ эксцентричностей. „Въ февралѣ 1824 г.,—писалъ А. А. Бестужевъ, — Рылѣевъ дрался на дуэли съ кн. Ш., который свелъ связь съ побочной сестрой Рылѣева, у него воспитанной, и что всего хуже, осмѣлился надписывать къ ней письма на имя Рылѣевой. Сначала онъ было отказался, но, когда Рылѣевъ плюнулъ ему въ лицо,—онъ рѣшился. Стрѣлялись безъ барьера. Съ перваго выстрѣла Рылѣеву пробило.... навылетъ, но онъ хотѣлъ драться до повалу на трехъ шагахъ. Оба раза пули встрѣчали пистолетъ противника, и ихъ

Для Рылѣева она протекала среди работы изъ-за куска хлѣба и работы литературной, которой онъ отдавался со страстью.

Съ первыхъ же шаговъ петербургской жизни онъ, впрочемъ, нашелъ себѣ чиновную работу по душѣ. Еще въ 1820 году онъ былъ избранъ дворянами въ засѣдатели петербургской палаты уголовнаго суда. Къ простому народу, съ которымъ онъ долженъ былъ столкнуться, исполняя эти обязанности засѣдателя, онъ всегда чувствовалъ влеченіе, и теперь получалъ возможность выступать защитникомъ его интересовъ *).

Какъ помѣщикъ, онъ былъ очень мягокъ, и мужики его, хоть и были бѣдны, но «избалованы» [59].

развели. Теперь онъ не опасенъ, и рана его идетъ очень хорошо» [56]. Поведеніе Рылѣева въ этомъ дѣлѣ подтверждается и другимъ современникомъ. „Недавно выходилъ на дуэль издатель „Полярной Звѣзды" Рылѣевъ,—пишетъ А. Измайловъ И. И. Дмитріеву,—только не за стихи, а за прозу, и не съ литераторомъ, а съ подпоручикомъ финляндской гвардіи кн. Ш., мальчикомъ лѣтъ 18 или 19-ти, который написалъ болѣе двухсотъ писемъ къ побочной сестрѣ Рылѣева, зрѣлой дѣвѣ и наскучившей своимъ дѣвствомъ. Богъ знаетъ, кто кого изъ нихъ соблазнилъ. Ш. не хотѣлъ было выходить на поединокъ, но Рылѣевъ, съ позволенія сказать, плюнулъ ему въ рыло, по правой, по другой, пинками... Друзья-свидѣтели розняли и убѣдили того и другого драться по формѣ. Три раза стрѣляли другъ въ друга: кн. Ш. остался невредимъ, а Рылѣевъ, какъ Ахиллъ, раненъ въ пяту. Бѣдный лежитъ теперь въ постели, жена его, мать, побочная сестра и ея мать — также въ постели, всѣ больны" [57].

*) Онъ былъ большой демократъ по своимъ сердечнымъ симпатіямъ, и сама судьба какъ-то намѣтила его для этой роли. У его отца,— какъ гласитъ семейное преданіе,—было и раньше нѣсколько дѣтей, но всѣ умирали маленькими. Поэтому, когда родился Рылѣевъ, рѣшено было послѣдовать старинному русскому повѣрью: взять въ воспріемники новорожденному перваго встрѣчнаго. Такимъ образомъ, Рылѣева крестилъ какой-то отставной солдатъ съ нищей. Отъ своего крестнаго отца унаслѣдовалъ онъ и имя Кондратія [58].

«При вступленіи моемъ въ общество,—писалъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ [60],—тамъ сказано было, что свобода крестьянъ есть одно изъ первѣйшихъ условій общества, и что въ обязанности каждаго члена склонять умы въ пользу оной». Какъ въ этомъ направленіи Рылѣевъ работалъ въ обществѣ — у насъ свѣдѣній мало. Извѣстно только, что онъ вмѣстѣ съ Пущинымъ, Нарышкинымъ, Тучковымъ, бар. Штейнгелемъ и другими принималъ участіе въ обсужденіи крестьянскаго вопроса который былъ поставленъ на очередь Н. И. Тургеневымъ [61]. Е. Якушкинъ утверждаетъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Рылѣевѣ, что къ проекту конституціи М. Муравьева Рылѣевымъ была сдѣлана замѣтка, изъ которой видно, что онъ былъ за надѣленіе крестьянъ не только огородною, но и полевою землею. Какъ та, такъ и другая должны были поступить въ ихъ собственность [62] *).

Есть у насъ, впрочемъ, одно свидѣтельство, которое указываетъ, что, помимо разсужденій на эту тему, Рылѣевъ иногда активно заступался за крестьянъ. Н. Бестужевъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о какомъ-то «мнѣніи», которое Рылѣевъ подалъ объ извѣстномъ «дѣлѣ разумовскихъ крестьянъ». Дѣло это возникло въ 1821 году по поводу безпорядковъ и ослушанія крестьянъ гр. Разумовскаго въ его имѣніи Гостилицахъ, ораніенбаумскаго уѣзда: крестьяне были изнурены оброкомъ, ненавидѣли бурмистра, отказали въ повиновеніи и были усмирены силой. Дѣло рѣшалось с.-петербургской уголовной палатой [64], куда Рылѣевъ, вѣроятно, и доставилъ свое мнѣніе **). «Мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ. — пишетъ Н. Бестужевъ,—было написано съ силою чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Императоръ, вельможи, власти, судьи — все было противъ; одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ: и это его мнѣніе

*) В. П. Семевскій полагаетъ, впрочемъ, что эта замѣтка сдѣлана не Рылѣевымъ, а И. И. Пущинымъ [63].

**) Оно до сихъ поръ не разыскано и въ печати не появлялось.

будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какой смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду [65].

О томъ, какъ усердно и успѣшно Рылѣевъ отстаивалъ интересы низшей братіи, мы имѣемъ свидѣтельство Н. Бестужева, который говоритъ, что состраданіе Рылѣева къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины—сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ, и что даже между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу *). На этомъ отвѣтственномъ посту Рылѣевъ оставался четыре года и покинулъ палату уголовнаго суда въ 1824 г., по какимъ причинамъ—неизвѣстно [69].

Въ этомъ же году онъ поступилъ на службу въ Россійско-Американскую компанію правителемъ канцеляріи. Идейнаго въ этой новой службѣ было очень мало: компанія управляла торговыми оборотами русскихъ колоній въ Америкѣ, и на Рылѣевѣ лежала скучная секретарская часть. Рылѣевъ велъ свое секретарское дѣло очень аккуратно и ревностно, такъ что

---

*) Бестужевъ разсказываетъ, что однажды военный губернаторъ Петербурга Милорадовичъ пригрозилъ одному, мѣщанину, котораго онъ подозрѣвалъ въ какомъ-то преступленіи,—уголовнымъ судомъ, надѣясь вырвать признаніе: мѣщанинъ упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами сталъ благодарить за милость. Милорадовичъ спросилъ его, какую же милость онъ оказалъ ему?—Вы меня отдали подъ судъ,—отвѣчалъ тотъ,—и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ: знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не дастъ погибать невиннымъ.

Разсказъ, быть можетъ, вымышленный, но достаточно и того, что онъ могъ быть вымышленъ [66].

Другой современникъ, баронъ Розенъ говоритъ, что въ досужные часы отъ дѣлъ Рылѣевъ хаживалъ въ губернское правленіе, вызывался хлопотать за людей безграмотныхъ, бѣдныхъ или притѣсненныхъ, такъ что въ послѣдніе годы всѣ такіе просители хорошо его знали [67].

Эту черту Рылѣева—готовность защищать слабыхъ и угнетенныхъ отмѣтила и г-жа Миклашевичъ тоже его современница въ своемъ романѣ „Село Михайловское", гдѣ Рылѣевъ выведенъ подъ именемъ Ильменева, какъ „защитникъ всѣхъ страждущихъ" [68].

въ видѣ награды ему была поднесена очень цѣнная енотовая шуба; но, конечно, во всемъ этомъ дѣлѣ для Рылѣева приманокъ было мало [70], и взялъ онъ эту должность, вѣроятно, потому, что послѣ смерти матери денежныя его дѣла еще больше пошатнулись, а служба въ компаніи была довольно прибыльна *). На этой службѣ онъ оставался до самаго 14

*) Къ числу выгодъ этой службы относятъ иногда возможность, которая представлялась Рылѣеву, завязать связи съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, принимавшими въ дѣлахъ компаніи близкое участіе. Среди нихъ были Сперанскій и Мордвиновъ — два высшихъ сановника, игравшихъ немалую роль въ процессѣ 14 декабря, такъ какъ именно ихъ заговорщики прочили въ члены временнаго правительства. Оба они славились своей гражданской честностью и мудростью, и Рылѣевъ привыкъ уважать ихъ прежде, чѣмъ съ ними познакомился. О Мордвиновѣ Рылѣевъ на судѣ показывалъ, что онъ всегда предлагалъ его въ члены временнаго правленія. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ Рылѣевъ не былъ однако, въ близкихъ или въ частныхъ сношеніяхъ, хотя шелъ слухъ о томъ, что эти отношенія выходили изъ ряда офиціальныхъ [71]. Завалишинъ разсказываетъ по этому поводу: „Мордвиновъ, какъ попечитель Россійско-Американской компаніи, зналъ Рылѣева, который былъ секретаремъ въ правленіи этой компаніи, — но то обстоятельство, какъ Мордвиновъ познакомилъ меня съ Рылѣевымъ, показываетъ, что онъ зналъ его и по другимъ отношеніямъ... Какъ разсказывалъ мнѣ послѣ самъ Рылѣевъ, онъ и товарищи его по тайному обществу обратили на меня полное вниманіе съ самаго перваго же дня моего прибытія. Однажды [это было въ январѣ 1825 г.] Мордвиновъ прислалъ просить меня къ себѣ въ 7 часовъ вечера. Я нашелъ тамъ уже Рылѣева. Мордвиновъ сказалъ мнѣ, что желаетъ, чтобы я ближе познакомился съ Рылѣевымъ, и прибавилъ при этомъ „вы достойны быть друзьями“. Съ тѣхъ поръ начались наши политическія сношенія съ Рылѣевымъ и знакомство съ дѣйствіями тайныхъ обществъ, особенно Сѣвернаго. Желая скорѣе заручиться моимъ содѣйствіемъ, они мнѣ сразу все открыли, и тѣмъ поставили нѣкоторымъ образомъ въ безвыходное положеніе [72].

Вѣрнѣе будетъ, впрочемъ, предположить, что у Рылѣева со Сперанскимъ и Мордвиновымъ шли не столько политическіе, сколько дѣловые разговоры. „Рылѣева,—разсказываетъ Оболенскій,—сильно

декабря, хотя, какъ утверждаетъ Гречъ, «подъ конецъ валилъ черезъ пень колоду, одержѣвъ отъ либеральныхъ мечтаній» 74.

тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Съверо-Американскимъ союзомъ, передача съверо-американцамъ основанной нами колоніи Россъ, въ Калифорніи, которая могла быть для насъ твердой опорной точкой для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ, столь прославившихся впослѣдствіи. По случаю этой важной для Американской компаніи мѣры, Рыльевъ, какъ правитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками и впослѣдствіи всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывалъ ему Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ» 73.

*

VIII.

Литературныя связи Рылѣевъ завязалъ въ Петербургѣ еще въ первый свой пріѣздъ въ 1820 году, и затѣмъ эти связи быстро крѣпли и расширялись. Молодого даровитаго поэта петербургскіе литераторы быстро оцѣнили и гостепріимно открыли ему страницы всѣхъ видныхъ журналовъ. Въ два-три года онъ изъ «начинающихъ» попалъ въ первые ряды словесныхъ работниковъ, а затѣмъ — съ выходомъ въ свѣтъ «Полярной Звѣзды» *), которую онъ редактировалъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ, и въ особенности послѣ напечатанія «Думъ» и «Войнаровскаго» — въ ряды литературныхъ аристарховъ. Впрочемъ, еще до этихъ побѣдъ «Вольное общество любителей россійской словесности»,—кружокъ молодыхъ литераторовъ, издававшихъ одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ («Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія») — избрало Рылѣева въ 1821 году своимъ членомъ [78], а въ

*) Въ 1823 и 1824 году „Полярная Звѣзда“ издавалась Сленинымъ, который за право изданія этого альманаха платилъ Рылѣеву и Бестужеву, но ничего не платилъ сотрудникамъ. Со второй половины 1824 года Рылѣевъ и Бестужевъ взяли все дѣло въ свои руки, и Рылѣевъ ввелъ правильную систему гонорара. „Звѣзда“ просуществовала три года [1823—1825] и въ 1826 году ее должна была смѣнить „Звѣздочка“, которая была уже набрана, но послѣ декабрьскихъ событій въ свѣтъ не могла выйти [75].

Альманахъ имѣлъ большой успѣхъ, объединивъ на своихъ страницахъ лучшія молодыя литературныя силы [76].

„Рыцарь Полярной Звѣзды“—называлъ Карамзинъ язвительно Рылѣева, извѣщая своего друга Дмитріева о декабрьскомъ возмущеніи [77].

декабрѣ 1822 года членомъ цензурнаго комитета на 1823 г.,—что свидѣтельствуетъ о довѣріи, какое къ нему—ничѣмъ еще себя не заявившему—питали литераторы [79].

Эти молодые собратья по перу были почти всѣ его пріятели *), и онъ могъ гордиться дружбой лучшихъ людей того времени: быстро, какъ человѣкъ и какъ писатель, завоевалъ онъ себѣ симпатіи Пушкина, Грибоѣдова, Баратынскаго, Дельвига, Мицкевича **), не говоря уже о тѣхъ людяхъ, съ которыми, какъ напр., съ А. А. Бестужевымъ, его помимо дружбы связывала общность политическихъ интересовъ. Если среди этихъ близкихъ ему лицъ мы съ первыхъ же годовъ его жизни въ Петербургѣ встрѣчаемъ и Булгарина, и Греча, то этому не слѣдуетъ удивляться. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ ихъ репутація, литературная и иная, еще не пострадала, за молодежью они ухаживали, и начинающіе писатели въ ихъ кабинетѣ назначали другъ другу нерѣдко свиданія. Рылѣевъ былъ близокъ съ Булгаринымъ и одно время питалъ къ нему, ка-

---

*) Собирались они у него на извѣстныхъ „русскихъ завтракахъ". „Русскіе завтраки" Рылѣева,—пишетъ М. Бестужевъ,—были постоянно около второго или третьяго часа пополудни и на нихъ собирались обыкновенно многіе литераторы и члены тайнаго общества. Завтракъ неизмѣнно состоялъ изъ графина очищеннаго русскаго вина, нѣсколькихъ кочней кислой капусты и ржаного хлѣба. Такая странная спартанская обстановка завтрака гармонировала со всегдашнею наклонностью Рылѣева—налагать печать русицизма на свою жизнь [80].

**) О дружбѣ Рылѣева съ Мицкевичемъ нѣтъ прямыхъ указаній, кромѣ извѣстнаго стихотворенія Мицкевича:

Что сталося съ вами?.. Рылѣева честная шея,
Которую братски сжималъ я въ объятьяхъ моихъ,
Въ петлѣ задохнулась...
Проклятье народамъ, губящимъ пророковъ своихъ!

Въ 1822 году Рылѣевъ напечаталъ подражаніе стихотворенію Мицкевича Lilie: „Жена грѣхъ тяжкій совершила". Подражаніе это неудачно.

Въ общемъ Рылѣевъ былъ очень начитанъ въ польской литературѣ [81].

жется, очень нѣжное чувство дружбы; оно продолжалось довольно долго, и—странно—даже тогда, когда политическое и общественное міросозерцаніе Рылѣева вполнѣ опредѣлилось *).

*) О степени этого чувства можно судить по очень характерному письму Рылѣева, которое онъ написалъ Булгарину въ 1823 г., узнавъ объ одной довольно неблаговидной его продѣлкѣ. „Я истинно любилъ тебя,—писалъ онъ ему, - и если когда противорѣчилъ тебѣ, то съ горячностью нѣжной дружбы. Упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воейкова [А. Булгаринъ хотѣлъ урвать у Воейкова право на изданіе газеты, которая была единственнымъ его доходомъ], я говорилъ, зачѣмъ ты не сказалъ: я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло... Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка. Что иное, какъ не дружба къ тебѣ, побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и, вѣрно, непріятныя для него истины? Что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра?.. И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіе года былъ только два раза. Послѣ всего этого ты самъ видишь, что намъ должно разстаться... и я попрошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями“ [Письмо Рылѣева къ Булгарину отъ 7 сентября 1823]. Приподнятость тона въ этомъ письмѣ объясняется приподнятостью и восторженностью чувства Рылѣева. „На всѣхъ и на все,—по удачному выраженію одного изъ своихъ пріятелей,—смотрѣлъ онъ въ радужныя очки своей прекрасной души“, и въ томъ числѣ и на Булгарина.

Онъ помирился съ нимъ очень скоро, и въ началѣ 1825 года писалъ ему, нѣсколько подкупленный лестнымъ отзывомъ Булгарина объ его „Войнаровскомъ“: „Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ, и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что я и не переставалъ и, вѣрно, не перестану любить тебя. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это — не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Прошу тебя, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь

Трудно понять, какъ они могли дружить и какъ бесѣдовать когда одинъ въ своемъ отрицаніи существующаго порядка доходилъ до крайностей, а другой разсуждалъ на эту тему приблизительно, какъ его пріятель Гречъ, который говорилъ: «Между царемъ и мной есть взаимное условіе: онъ оберегаетъ меня отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ разбойниковъ, отъ пожара, отъ наводненія, велитъ мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а съ меня требуетъ только: сиди тихо! Вотъ я и сижу» 83.

увлечься, какъ увлекся, говоря о „Войнаровскомъ", а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить: это повредитъ мнѣ". Это письмо Рылѣева Булгаринъ отослалъ ему назадъ съ такой припиской: „Письмо сіе расцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостоинъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно". Рылѣевъ вернулъ письмо обратно Булгарину и приписалъ съ своей стороны слѣдующее: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. **Письмо—твое, и должно остаться у тебя**".

Какъ во всемъ этомъ проглядываетъ наивная и сентиментальная душа Рылѣева!

Впрочемъ, если вѣрить Гречу, Рылѣевъ однажды (въ январѣ 1825 г.), раздраженный вѣрноподданническими выходками „Сѣверной Пчелы", сказалъ Булгарину: „Когда случится революція, мы тебѣ на „Сѣверной Пчелѣ" голову отрубимъ" 82.

IX.

Какъ литераторъ, Кондратій Ѳедоровичъ проявляль дѣятельность довольно разностороннюю. Онъ самъ творилъ, критиковалъ чужія творенія и, наконецъ, издавалъ ихъ [84].

Какъ издатель «Полярной Звѣзды», онъ связалъ свое имя съ весьма успѣшнымъ и цѣннымъ литературнымъ предпріятіемъ. Если главная забота по изданію и лежала на близкомъ другѣ Рылѣева, на А. А. Бестужевѣ, то все-таки Рылѣевъ былъ его правой рукой и однимъ изъ главныхъ вкладчиковъ.

Рылѣевъ пробовалъ свои силы и въ роли критика, слѣдуя примѣру почти всѣхъ тогдашнихъ литераторовъ, любившихъ при случаѣ пускаться въ теоретическія разсужденія объ искусствѣ.

Сущность своихъ взглядовъ на поэзію онъ набросалъ кратко въ одной статейкѣ, озаглавленной «Нѣсколько мыслей о поэзіи» (отрывокъ изъ письма къ NN) [85] и затѣмъ часто пестрилъ свою переписку критическими сужденіями о литературныхъ новинкахъ дня. Оригинальнаго въ этихъ сужденіяхъ мало, и въ нихъ видны пріемы скорѣе вдохновляющагося, чѣмъ анализирующаго критика, какъ это вѣрно замѣтилъ И. Ивановъ [86]. Ознакомимся же поближе съ этими взглядами.

Слѣдя за споромъ классиковъ и романтиковъ, т. е. за самымъ жгучимъ литературнымъ вопросомъ своего времени, Рылѣевъ приходитъ къ выводу, что люди спорятъ больше о словахъ, чѣмъ о существѣ предмета, и что нѣтъ ни классической, ни романтической поэзіи, а была, есть и будетъ одна истинная самобытная поэзія. Такой истинной поэзіей было

творчество древнихъ. Неистинной стало подражаніе имъ. Подражатели всегда лишали себя своихъ силъ и оригинальности, и только случайно могли произвести что-нибудь превосходное. Наименованіе классиками безъ различія многихъ древнихъ поэтовъ не одинаковаго достоинства принесло ощутительный вредъ новѣйшей поэзіи, потому что на одну доску ставился поэтъ оригинальный съ подражательнымъ, какъ, напр. Гомеръ и Виргилій, Эсхилъ и Вольтеръ. Но сила генія прокладывала себѣ всегда новый путь и, облетая цѣль, рвалась къ собственному идеалу.

Когда явились такіе геніи, потребовалось классическую поэзію отличить отъ новѣйшей, и нѣмцы назвали сію послѣднюю поэзіей романтической, вмѣсто того, чтобы назвать просто новой поэзіей. Вотъ какимъ образомъ Данте, Тассо, Шекспиръ, Аріостъ, Кальдеронъ, Шиллеръ и Гете оказались романтиками. Романтическою поэзіею окрестили всякую поэзію оригинальную, а въ этомъ смыслѣ Гомеръ, Эсхилъ и Пиндаръ могли бы также назваться романтиками. Развѣ это не есть доказательство, что нѣтъ ни романтической, ни классической поэзіи?

Истинная поэзія въ существѣ своемъ всегда была одна и та же, равно какъ и правила оной. Она различается только по существу и формамъ, которыя въ разныхъ вѣкахъ приданы ей духомъ времени, степенью просвѣщенія и мѣстностью той страны, гдѣ она появилась. И въ этомъ смыслѣ можно раздѣлить поэзію на древнюю и новую.

Новая болѣе содержательна, нежели вещественна: вотъ почему у насъ болѣе мыслей, у древнихъ болѣе картинъ, у насъ болѣе общаго, у нихъ частностей. Новая поэзія имѣетъ еще свои подраздѣленія, смотря по понятіямъ и духу вѣковъ, въ коихъ появлялись ея геніи. Таковы Divina comedia Данте, чародѣйство въ поэмѣ Тассо, Мильтонъ, Клопштокъ съ своими высокими религіозными понятіями и, наконецъ, въ наше время поэмы и трагедіи Шиллера, Гете и особенно Байрона, въ коихъ живописуются страсти людей, ихъ сокровенныя по-

бужденія, вѣчная борьба страстей съ тайнымъ стремленіемъ къ чему-то высокому, къ чему-то безконечному.

Понятія нашего времени о поэзіи, вообще, очень сбивчивы. Классики требуютъ слѣпого подражанія древнимъ, но формы древняго искусства, какъ формы древнихъ республикъ, намъ не въ пору *).

Въ этомъ смыслѣ романтики, отвергающіе все, что стѣсняетъ свободу генія,—правы. Вообще, много вредитъ поэзіи суетное желаніе сдѣлать опредѣленіе оной, и кажется, что тѣ справедливы, которые утверждаютъ, что поэзіи вообще не должно опредѣлять. По крайней мѣрѣ, по сію пору никто еще не опредѣлялъ ея удовлетворительнымъ образомъ. Идеалъ поэзіи, какъ идеалъ всѣхъ другихъ предметовъ, которые духъ человѣческій стремится обнять, безконеченъ и недостижимъ, а потому и опредѣленіе поэзіи невозможно и кажется безполезно **). Если бы было можно опредѣлить, что такое поэзія, то можно бы было достигнуть и до внѣшняго идеала оной, а когда бы въ какомъ-нибудь вѣкѣ достигли до него, то что бы тогда осталось грядущимъ поколѣніямъ? Куда бы дѣвалось perpetuum mobile?

«Великіе труды и превосходныя творенія нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ поэтовъ должны внушать въ насъ уваженіе

---

*) „Для Аѳинъ,—говоритъ нашъ критикъ,—для Спарты и другихъ республикъ древняго міра чистое народоправленіе было удобно, ибо въ ономъ всѣ граждане безъ изъятія могли участвовать. И сія форма правленія ихъ не нарочно была выдумана, не насильно введена, а проистекала язъ природы вещей, была необходимостью того положенія, въ какомъ находились тогда гражданскія общества“.

**) „Многіе, соображаяся съ ученіемъ новой философіи нѣмецкой, говорятъ, что сущность романтической [т. е. истинной] поэзіи состоитъ въ стремленіи души къ совершенному, ей самой неизвѣстному, но для нея необходимому стремленію, которое владѣетъ всякимъ чувствомъ истинныхъ поэтовъ сего рода. Но не въ этомъ ли состоитъ сущность и философія всѣхъ изящныхъ наукъ?

къ нимъ, но отнюдь не благоговѣніе, ибо это противно законамъ чистѣйшей нравственности, унижаетъ достоинство человѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ вселяетъ въ него какой-то страхъ, препятствующій приблизиться къ превозносимому поэту и даже видѣть въ немъ недостатки. Итакъ, будемъ почитать высоко поэзію, а не жрецовъ ея, и, оставивъ безполезный споръ о романтизмѣ и классицизмѣ, будемъ стараться уничтожить въ себѣ духъ рабскаго подражанія и, обратясь къ источнику истинной поэзіи, употребимъ всѣ усилія осуществить въ своихъ писаніяхъ идеалы высокихъ чувствъ, мыслей и вѣчныхъ истинъ, всегда близкихъ человѣку и всегда не довольно ему извѣстныхъ». — Такъ заканчивалъ свою первую и единственную критическую статью Рылѣевъ, стараясь отстоять для современнаго писателя полную независимость и полную творческую свободу.

Статья эта, конечно, не рѣшала спора между классиками и романтиками и не давала никакого опредѣленія двухъ боровшихся тогда литературныхъ тенденцій, но въ основныхъ своихъ мысляхъ она была необычайно ясна, проста и вѣрна, такъ какъ на свѣтѣ, дѣйствительно, есть только одна истинная поэзія—общечеловѣческая и вѣчная. Эта простая мысль мелькала многимъ изъ современниковъ Рылѣева,—всѣмъ, кто былъ одаренъ настоящимъ художественнымъ чувствомъ, но никто не выразилъ ее такъ просто, такъ общепонятно *).

Художественное чутье и было единственнымъ критеріемъ, которымъ Рылѣевъ стремился руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ о современныхъ ему литературныхъ новинкахъ. Мы говоримъ «стремился», такъ какъ это не всегда ему удавалось.

Его свободному суду мѣшали въ данномъ случаѣ двѣ глубоко въ немъ коренившіяся симпатіи. Онъ, во-первыхъ, былъ

*) Она же легла въ основаніе и той блестящей критической статьи, которую десять лѣтъ спустя [1835] посвятилъ ближайшій другъ Рылѣева—Бестужевъ тому же вопросу о классицизмѣ и романтизмѣ.

большой патріотъ и, кромѣ того, любилъ въ искусствѣ общественную тенденцію.

Любовь къ народному, самобытному заставляла его быть несправедливымъ къ писателямъ, у которыхъ самобытность органически сливалась и сочеталась съ иноземнымъ вліяніемъ, какъ напр., у Жуковскаго. Сначала онъ цѣнилъ Жуковскаго очень высоко, называлъ любимымъ сыномъ Феба, счастливымъ властелиномъ сокровищъ языка, поэтомъ «возвышеннаго» *), но затѣмъ онъ измѣнилъ о немъ рѣзко свое мнѣніе и писалъ Пушкину: «Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ—и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными, но отнюдь не за *вліяніе его на духъ нашей словесности*, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны (!), растлили многихъ и много зла надѣлали» **).

Въ этихъ словахъ слышенъ и голосъ патріота, которому непріятно, что иноземная туманность заволакиваетъ нашу словесность, а также и голосъ поэта съ общественной жилкой-который сердится на то, что мечтательность и неопредѣленность въ мысляхъ и чувствахъ мѣшаютъ писателю трезво и опредѣленно относиться къ окружающей его дѣйствительности.

Тѣ же опасенія патріота и гражданина сквозятъ и во всѣхъ сужденіяхъ Рылѣева о Пушкинѣ. Съ Пушкинымъ онъ сошелся очень скоро и сердечно, и былъ плѣненъ его талантомъ. Называлъ его и «чудотворцемъ», и «геніемъ», и неоднократно признавался ему въ самой нѣжной любви. На правахъ этой любви онъ и предостерегалъ его отъ подражанія и отъ соблазна тратить свой талантъ на незначащія, пустыя темы,

*) Въ стихотвореніи „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“ 1821.
**) Письмо къ А. С. Пушкину 12 февраля 1825.

которыя мало способствуютъ пробужденію въ читателѣ сознательнаго отношенія къ жизни *).

«Пушкинъ! — говорилъ онъ ему, — ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилій, и ты опередишь его. Тебя ждетъ завидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бы ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе!» **).

На мысль, что Пушкину грозитъ опасность со стороны Байрона, Рылѣева навели поэмы его пріятеля, въ которыхъ не безъ основанія онъ почуялъ не русскіе мотивы. Къ этимъ поэмамъ онъ отнесся холодно, и только одни «Цыгане» его согрѣли. Онъ поздравлялъ Пушкина съ этой поэмой, говорилъ, что она оправдала его мнѣніе объ его талантѣ, что онъ (Пушкинъ) идетъ шагами великана и радуетъ истинно *русскія* сердца. «Отъ «Цыганъ» всѣ безъ ума; «Разбойникамъ», хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также всѣ чрезвычайно обрадовались. «Цыганъ» слышалъ я четвертый разъ,—пишетъ онъ Пушкину, — и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань. Не лучше ли было сдѣлать его кузнецомъ?» ***)

Страннымъ можетъ показаться это увлеченіе «Цыганами» и «Братьями-разбойниками», если вспомнить, что и въ этихъ

*) Рылѣевъ попытался однажды даже навести Пушкина на тему: „Ты около Пскова,—писалъ онъ ему,—тамъ задушены послѣднія вспышки русской свободы, — настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы?" Письмо къ Пушкину отъ 25 января 1825.

**) Письмо къ Пушкину отъ 12 мая 1825.

***) Письмо къ Пушкину, апрѣль 1825.

поэмахъ байроническое настроеніе Пушкина было достаточно замѣтно; но это недоумѣніе разсѣется, если принять во вниманіе, что сравнительно съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» и «Кавказскимъ плѣнникомъ» въ этихъ поэмахъ было больше національнаго самобытнаго колорита, такъ какъ и каторжникъ, и цыганъ были намъ болѣе близкими родственниками, чѣмъ черкесъ и татаринъ.

Любовь къ національному въ содержаніи должна была бы, кажется, заставить Рылѣева понять и оцѣнить «Онѣгина», но именно это произведеніе Пушкина менѣе всего нравилось Рылѣеву.

«Онѣгинъ», сужу по первой пѣснѣ, — писалъ онъ Пушкину, — ниже и «Бахчисарайскаго фонтана», и «Кавказскаго плѣнника»... Не знаю, что будетъ «Онѣгинъ» далѣе; быть можетъ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ; чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, но теперь онъ ниже «Бахчисарайскаго фонтана» и «Кавказскаго плѣнника». Я готовъ спорить объ этомъ до второго пришествія *).

Этотъ строгій и несправедливый судъ могъ быть вызванъ боязнью, что и въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ подчинится иноземному; но, помимо этого, Рылѣевъ имѣлъ еще и другія причины не любить Евгенія Онѣгина. Рылѣеву — какъ поклоннику «серьезныхъ и важныхъ темъ» — не нравился самый сюжетъ поэмы Пушкина: онъ считалъ его легковѣснымъ, и Пушкину пришлось напомнить своему пріятелю, что и свѣтское общество можетъ стать предметомъ художественнаго воспроизведенія. Рылѣевъ долженъ былъ согласиться съ этимъ, но отъ своей нелюбви къ Онѣгину не отказался. «Раздѣляю твое мнѣніе,—писалъ онъ ему,—что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. *Да еслибъ и не входили, ты съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ втолкнулъ бы ихъ туда*: Я слышалъ теперь всю первую пѣснь Онѣгина: она прекрасна.

*) Письма къ Пушкину, 12 февраля и 20 марта 1825 г.

Ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ» *).

Нелюбовь къ «подобному» предмету объясняется не однимъ лишь неудовлетвореннымъ художественнымъ впечатлѣніемъ: въ ней кроется и опасеніе за Пушкина, какъ писателя. На томъ, кто такъ высоко стоитъ, какъ Пушкинъ,—думалъ Рылѣевъ, — лежатъ и извѣстныя обязанности, тотъ не долженъ по пустякамъ тратить своей силы.

Эту тайную мысль Рылѣевъ довѣрилъ самому Пушкину, и судьба распорядилась такъ, что это было его прощальное привѣтствіе и пожеланіе другу. Въ ноябрѣ 1825 года онъ писалъ Пушкину по поводу его обиженнаго и расходившагося дворянскаго самолюбія: «Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій, и самихъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ни къ чему и не служатъ, ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его на одну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. *На тебя устремлены глаза Россіи, тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ*» **).

Послѣднія слова въ этомъ письмѣ указываютъ ясно, какой мѣркой собирался Рылѣевъ измѣрять достоинство и значеніе сочиненій своего друга, и объясняютъ, почему онъ предпочиталъ всѣмъ и эмамъ Пушкина его «Цыганъ» и «Братьевъ-разбойниковъ», и почему «Онѣгина» ставилъ ниже этихъ произведеній.

Не оборвись жизнь Рылѣева такъ неожиданно, мы имѣли

*) Письмо къ Пушкину отъ 12 февраля 1825 г.
**) Письмо къ Пушкину, ноябрь 1825 г.

бы въ немъ одного изъ первыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ такъ называемой «общественной» критики.

Онъ и вмѣстѣ съ нимъ и его другъ Бестужевъ — еще въ двадцатыхъ годахъ хотѣли дать критикѣ то направленіе, котораго она стала придерживаться лишь много, много лѣтъ спустя, когда интересъ къ общественнымъ вопросамъ всецѣло поглотилъ писателя.

Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, этотъ интересъ начиналъ поглощать и Рылѣева, но только критика была для него дѣломъ случайнымъ, постороннимъ, и для своихъ общественныхъ идеаловъ онъ нашелъ иную, болѣе красивую и ходкую внѣшнюю форму.

Въ историческихъ балладахъ или, какъ онъ называлъ ихъ, въ «Думахъ», въ поэмахъ и въ цѣломъ рядѣ лирическихъ пѣсенъ пожелалъ онъ высказать во всеуслышанье свои гражданскія чувства.

X.

Четыре послѣднихъ года, которые Рылѣеву оставалось прожить въ Петербургѣ (1821—1825), были годами быстраго расцвѣта его поэтическаго творчества. Онъ писалъ очень много и все время, свободное отъ службы и отъ политической суеты, посвящалъ литературѣ *).

Писалъ онъ почти исключительно стихами; прозой—очень рѣдко. За вычетомъ критическихъ статей, къ этому времени относится лишь его записка объ извѣстномъ «возмущеніи» въ Семеновскомъ полку 1820 года **).

---

*) Есть, впрочемъ, указанія, что въ это же время онъ усиленно занимался политической экономіей, что по вечерамъ въ его квартирѣ устраивались лекціи по этой наукѣ въ присутствіи человѣкъ десяти слушателей [87]. Занимался онъ и вопросами историческими и нравственными, какъ указываетъ Д. Кропотовъ, который имѣлъ въ рукахъ экземпляръ сочиненій Бентама во французскомъ переводѣ, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, написанныхъ его рукой [88]. На судѣ Рылѣевъ самъ свидѣтельствовалъ, что „вообще прилежалъ ко всѣмъ словеснымъ наукамъ; въ послѣдніе же годы особенно занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ“.

**) Если только эта статья дѣйствительно принадлежитъ ему [89]. В. Д. Давыдовъ, который старался снять обвиненія, взводимыя въ этой исторіи на генерала И. В. Васильчикова [90], признаетъ авторомъ статьи—Рылѣева. Статья имѣла очевидную цѣль „оправдать преступленіе семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы и была написана въ столь рѣзкомъ тонѣ, что издатели ея въ 1871 году принуждены были выпустить немало строкъ [67], въ которыхъ заключались сужденія автора о дисциплинѣ, объ отношеніи власти къ обществу и т. п.“ [91].

Либеральная и общественная тенденція автора проступала съ каждымъ новымъ стихотвореніемъ все яснѣе и ярче. Поэтъ начиналъ сосредоточиваться на одной опредѣленной темѣ, на одной господствующей мысли. Мысль эта, въ настоящее время совсѣмъ не новая, имѣла за собой въ тѣ годы большую прелесть новизны. Это была мысль о гражданскомъ служеніи поэта и поэзіи вообще,—мысль, высказанная въ общихъ чертахъ еще въ «Законоположеніи Союза Благоденствія» *).

Такая основная тенденція требовала, конечно, отъ поэзіи, хоть и печальнаго, и гнѣвнаго, но въ общемъ смѣлаго и ободряющаго тона. Онъ и замѣтенъ во всѣхъ стихахъ Рылѣева за эти годы его свободной и воинствующей жизни. Случается, что писатель иногда собьется съ тона и, въ подражаніе Байрону, напишетъ своему другу:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,

„Положительныхъ доказательствъ, что эта статья принадлежитъ Рылѣеву, я не имѣю,—пишетъ Е. Якушкинъ [92].—Она не сохранилась въ его бумагахъ и ни отъ одного изъ его близкихъ знакомыхъ я не слыхалъ объ этой статьѣ; но ежели она написана и другимъ лицомъ, то высказанныя въ ней мысли принадлежали несомнѣнно Рылѣеву и тому кружку, который собирался вокругъ него“.

*) Отдѣлъ союза, которому довѣрено распространеніе познаній, „старается, какъ гласитъ уставъ, изыскать средства изящнымъ искусствамъ дать надлежащее направленіе, состоящее не въ изнѣживаніи чувствъ, но въ укрѣпленіи, благородствованіи и возвышеніи нравственнаго существа нашего“ [93]. Вообще идеалъ „гражданина“, какъ онъ понятъ Рылѣевымъ въ его поэзіи, имѣетъ очень много сходнаго съ требованіями общественной морали, выставленными въ уставѣ „Союза Благоденствія“. Съ критическими литературными пріемами нѣкоторыхъ декабристовъ-писателей совпадаютъ также и тѣ требованія, которыя этотъ уставъ ставилъ литературной критикѣ.

Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

(„Стансы“, 1825).

Но это лишь минутное колебаніе. Въ общемъ Рылѣевъ не любитель минорнаго, ноющаго мотива. У Байрона онъ учился мужеству и гражданской доблести, а не хандрѣ и человѣконенавистничеству, какъ многіе изъ нашихъ тогдашнихъ байронистовъ. Англійскій бардъ былъ для него не мрачнымъ геніемъ и пѣвцомъ сатанинской гордости—онъ былъ эмблемой свободы, пѣвцомъ воскресшей Греціи, «свѣтиломъ вѣка, смерти котораго рады одни лишь тираны и рабы»:

Онъ жилъ для Англіи и міра,
Былъ, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.
Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ генію лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила *).

(„На смерть Байрона“, 1825).

*) Принадлежность этого стихотворенія перу Рылѣева была не сразу установлена 94. Но В. Якушкинъ имѣлъ въ рукахъ подлин-

Бодрое негодованіе—вотъ въ сущности основной мотивъ всей лирики Рылѣева за эти годы, причемъ бодрость остается неизмѣнной, а негодованіе все больше и больше возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ роковому моменту.

Сначала въ этой лирикѣ замѣтна лишь общая морально-общественная тенденція. Поэтъ начинаетъ ставить себѣ строгія требованія, какъ писателю, и какъ-то боится отдаться тѣмъ чувствамъ, которыя «пѣвцу» обыкновенно столь свойственны, т. е. любви и всякаго рода нѣжнымъ волненіямъ. Мы могли замѣтить такія опасенія еще въ тѣхъ стихахъ, которые Рылѣевъ писалъ въ Малороссіи. Къ 1821 году эти тревоги поэта, кажется, разрѣшились въ твердое убѣжденіе, что его муза не должна служить ничему иному, какъ только «общественному благу»:

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, недаромъ въ юношѣ горитъ
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!
(„А. А. Бестужеву“, 1821).

. . . . . .

Я славою не избалованъ;
Но, къ благу общему дыша,
Къ нему отъ дѣтства я прикованъ,
Къ нему летитъ моя душа,
Его пою на звучной лирѣ..
(„Къ Ѳ. Н. Глинкѣ“, 1822).

. . . . . .

Но съ этой минуты это благо становится очень ревниво: оно не терпитъ въ своемъ сосѣдствѣ другихъ чувствъ, иногда

ный текстъ этихъ стиховъ, писанный самимъ Рылѣевымъ [95]. На исключительное значеніе этого стихотворенія, въ которомъ чуть ли не впервые „была прекрасно понята политико-соціальная основа поэзіи Байрона“, указывалъ Н. Стороженко [96].

самыхъ законныхъ. Любовь къ женѣ, даже въ минуту, когда эта любовь можетъ спасти поэта отъ пагубнаго увлеченія,— и та должна быть подавлена. Рылѣевъ пишетъ своей подругѣ жизни:

Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить,
Я отвѣчать не въ силахъ ей.
Моя душа твоей не стоитъ.
Полна душа твоя всегда
Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
Прощаешь ты врагамъ своимъ,
Я не знакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
И оскорбителямъ моимъ
Плачу отмщеньемъ неизбѣжнымъ.
Лишь временно кажусь я слабъ;
Движеніемъ души владѣю,
Не христіанинъ и не рабъ,
Прощать обидъ я не умѣю.
Мнѣ не любовь теперь нужна,
Занятья нужны мнѣ иныя,
Отрадна мнѣ одна война,
Однѣ тревоги боевыя.
Любовь никакъ нейдетъ на умъ.
Увы! Моя отчизна страждетъ;
Душа въ волненьѣ тяжкихъ думъ
Теперь одной свободы жаждетъ [97] *).

Выдержавъ побѣдоносную борьбу съ самыми сильными чувствами, гражданскій пафосъ Рылѣева впервые получаетъ нѣкоторую художественную законченность въ двухъ одахъ: «Гражданское мужество» 1823 г. и въ «Одѣ на день тезоименитства Е. И. В. В. К. Александра Николаевича» 1823 г. Слѣдуя старымъ литературнымъ традиціямъ, Рылѣевъ удерживаетъ въ этихъ стихахъ повышенный тонъ старинной оды оставляетъ на своихъ мѣстахъ всѣ условныя метафоры, но

*) Сравн. выше, стр. 45.

въ старое одѣяніе рядитъ новую гражданскую мысль, смѣлую и даже пророческую.

Ода «Гражданское мужество»—хвалебная пѣснь въ честь Мордвинова, столь прославленнаго тогда государственнаго мужа, «великана, который давилъ сильной пятой коварную несправедливость», «наслѣдника Аристида и Катона», «рыцаря гражданской доблести». «На немъ почіетъ надежда всѣхъ, кому дорого благо родины», и мы знаемъ, что именно на него обращались взоры декабристовъ, когда они задумались, кому же въ случаѣ удачи довѣрить бразды обновленнаго правительства. Для Рылѣева Мордвиновъ былъ самымъ вѣрнымъ и твердымъ оплотомъ среди разбушевавшихся гражданскихъ стихій:

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?
О, такъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на Провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивитъ;
Вотще коварство вкругъ шипитъ:
Онъ наступилъ ему на выю.
Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ,
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
Внизу несутся облака,

Шумятъ ручьи, реветъ рѣка;
Но тщетны дерзкіе порывы:
Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
Невозмутимъ, подъ небеса
Возноситъ верхъ своей горделивый.
(„Гражданское мужество“, 1823).

Надежды, возлагаемыя Рылѣевымъ на Мордвинова, оправдались, какъ извѣстно, далеко не въ той степени, какъ ему и его товарищамъ этого хотѣлось, зато ода «Видѣніе», которую Рылѣевъ написалъ, какъ поздравленіе великому князю Александру Николаевичу со днемъ ангела, оказалась, дѣйствительно, пророческой.

Она также написана въ старомъ стилѣ, но изъ всѣхъ одъ, которыя тогда въ безчисленномъ количествѣ писались, она— единственная, въ которой обычныя пожеланія разныхъ благъ и добродѣтелей будущему царю разрослись въ цѣлую общественную программу. Устами Екатерины Великой поэтъ говорилъ великому князю:

„Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
Ты любишь громкія дѣла.
Но для полуночной державы
Довольно лавровъ и побѣдъ;
Довольно громозвучной славы
Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.
Военныхъ подвиговъ година
Грозою шумной протекла;
Твой вѣкъ иная ждетъ судьбина,
Иныя ждутъ тебя дѣла.
Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
Непроницаемою мглой;
Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой.
Духъ необузданной свободы
Уже возсталъ противъ властей;
Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ;

Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣ быть царемъ.
Твой долгъ благотворить народу,
Его любви въ дѣлахъ искать;
Не блескъ пустой и не породу,
А дарованья возвышать.
Дай просвѣщенные уставы
Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
Науками очисти нравы
И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной люби,
И рабства духъ неблагородный—
Направосудье истреби.
Будь блага подданныхъ ревнитель:
Оно есть первый долгъ царей;
Будь просвѣщенья покровитель:
Оно надежный другъ властей.
Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ;
Будь человѣкъ для человѣка,
Будь гражданинъ для сограждан.
Будь Антониномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори—
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари *).

(„Видѣніе“. 1823)

*) По показанію самого Рылѣева на судѣ, оду „Гражданское мужество“ цензура не пропустила. Ода же на день тезоименитства Александра Николаевича, съ двумя измѣненіями, была напечатана въ „Литературныхъ Листкахъ“ Булгарина безъ подписи, но съ примѣчаніями, очень характерными для цензуры.

Стихи:

Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
Неправды съ правдою святой

издатель пояснилъ: „Подъ именемъ святой правды здѣсь подразумѣвается Священный Союзъ, установленный для блага народовъ“.

Стихи:

Смотри—въ волненіи народы,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей—

Во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ и восхваленіяхъ, какъ видимъ, тонъ очень мирный: поэтъ—либералъ безспорный, но въ своихъ призывахъ онъ держится въ границахъ законнаго словеснаго протеста и обнаруживаетъ большую умѣренность, съ которой, впрочемъ, цензура того времени не мирилась. Въ 1824 и 1825 году лирика Рылѣева становится окончательно нецензурной, переходя все болѣе и болѣе въ призывъ къ открытому возстанію *).

Чтобы провѣрить, насколько за короткій срокъ возросли въ нашемъ писателѣ смѣлость рѣчи и боевая готовность писа-

поясненны: „Сіе относится къ Западной Европѣ, гдѣ дерзостно осмѣлились возстать противъ законной, Богомъ установленной власти, и пали навьки—и Европа спасена отъ ужасовъ безначалія“ 98.

Рылѣеву приписывается также „Ода Александру I-му“, помѣченная 1821 годомъ 99. Ода довольно звонкая, насквозь пропитанная конституціоннымъ духомъ, съ призывомъ къ Александру I заступиться за грековъ и испанцевъ. Авторство Рылѣева, однако, не установлено 100.

*) Политическая дѣятельность Рылѣева и его трагическая смерть подали, конечно, поводъ приписать ему много самыхъ зажигательныхъ стихотвореній, написанныхъ имъ будто бы и на волѣ, и въ тюрьмѣ. Подлинность нѣкоторыхъ стихотвореній не установлена. Большой знатокъ рукописей Рылѣева, П. А. Ефремовъ отказывается признать подлинность слѣдующихъ стихотвореній, обыкновенно въ заграничныхъ изданіяхъ приписываемыхъ Рылѣеву: 1) „Свободы горной вдохновенье! тебя не чувствуетъ народъ... Оно молчитъ, святое мщеніе ее“ [принадлежитъ, будто бы, Н. Языкову]; 2) „Тюрьма мнѣ въ честь, не въ укоризну: за дѣло правое я въ ней. И мнѣ ль стыдиться сихъ цѣпей, когда ношу ихъ за отчизну“; 3) „Посланіе къ друзьямъ“, гдѣ описана его тюремная жизнь съ большими отклоненіями въ сторону, съ призывомъ вспомнить старое вѣче и „поколебать подземные своды, пробудить народный стонъ и гидру дремлющей свободы“; 4) „Посланіе къ женѣ“ — передѣлка его предсмертнаго письма, и 5) „Не слышно шума городского“—[написано Ф. Н. Глинкой] 101. Извѣстное шуточное стихотвореніе „Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ трынь-трава, братцы! гдѣ читаютъ Расе!!е и летятъ подъ постель святцы...“, которое обыкновенно приписываютъ Рылѣеву, написано Пушкинымъ 102.

тельскаго темперамента, достаточно сравнить стихотвореніе «Гражданинъ» (1825) съ вышеприведенными стихами на ту же тему. Рылѣевъ теперь пишетъ:

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка,
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

(„Гражданинъ“, 1825).

Этой же моралью Брута проникнуты и пресловутыя «пѣсни», которыя Рылѣевъ въ сообществѣ А. Бестужева сочинилъ въ 1825 году, надѣясь воспользоваться ими, какъ риѳмованными прокламаціями. Эти пѣсни, если вѣрить Н. Бестужеву, были составлены на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ и произвели въ короткое время значительное впечатлѣніе. «Хотя правительство,—пишетъ Н. Бестужевъ,—всѣми силами старалось истребить эти пѣсни, гдѣ только могло находить ихъ, но онѣ были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ состоянію народа, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ... Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми

словами, но вѣрными красками... Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизусть всѣ запрещенные стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонира, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева» [103]. Въ этихъ словахъ Н. Бестужева слишкомъ много лиризма: едва ли пѣсни Рылѣева имѣлись налицо у всѣхъ грамотныхъ солдатъ: по крайней мѣрѣ, въ качествѣ прямыхъ уликъ, онѣ не были представлены слѣдственной коммиссіи, и коммиссія, которая ими очень интересовалась, могла собрать о нихъ лишь незначительныя справки *). Но пѣсни сочинены все-таки были и распѣвались—если не въ солдатской средѣ, то на собраніяхъ самихъ декабристовъ и даже въ кабинетѣ Булгарина **). Понятіе объ этихъ пѣсняхъ можетъ

*) Комитетъ требовалъ отъ Рылѣева, чтобы онъ представилъ текстъ пѣсенъ: „Вдоль Фонтанки-рѣки, квартируютъ полки, слава!“ и „Подгуляла я: нужды нѣтъ, друзья! Это съ радости и проч.“. Рылѣевъ не призналъ себя авторомъ указанныхъ двухъ пѣсенъ и своею признавалъ только пѣсню: „Ахъ, тошно мнѣ и въ родимой сторонѣ“. Е. Якушкинъ говоритъ, что наиболѣе распространенными изъ пѣсенъ были „По улицѣ мостовой“ и „Кузнецъ“.

**) Гречъ разсказываетъ, что однажды на ужинѣ у Булгарина они послѣ шампанскаго стали пѣть Рылѣевскія пѣсни. „Не всѣ были либералы,—говоритъ Гречъ,—а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искренно смѣялись. Помню анти-либерала В. Н. Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ иногда въ другую комнату. Онъ струсилъ этой оргіи и выбѣгалъ, чтобы посмотрѣть, не взобрался ли на балконъ [это было въ первомъ этажѣ дома] квартальный, чтобы подслушать, что читаютъ и поютъ. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ, какъ принималъ сторону поляковъ (?)“ [104]. Быть можетъ, къ этимъ пѣснямъ относится одно очень характерное замѣчаніе Мицкевича, съ перваго взгляда мало понятное. Въ своемъ курсѣ славянскихъ литературъ, который онъ читалъ въ Парижѣ, Мицкевичъ говоритъ, что на собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись

дать слѣдующая пѣсня, по показанію Рылѣева имъ дѣйствительно сочиненная и теперь цѣликомъ оглашенная [106].

Ахъ, тошно мнѣ
И въ родной сторонѣ;
Все въ неволѣ,
Въ тяжкой долѣ,
Видно, вѣкъ вѣковать?
Долго ль Русскій народъ
Будетъ рухлядью господъ,
И людьми,
Какъ скотами,
Долго ль будутъ торговать?
Кто же насъ кабалилъ,
Кто имъ барство присудилъ,
И надъ нами,
Бѣдняками,
Будто съ плетью посадилъ?
По двѣ шкуры съ насъ дерутъ;
Мы посѣмъ, они жнутъ;
И свобода
У народа
Силой баръ задушена.
А что силой отнято,
Силой выручимъ мы то.
И въ привольѣ,
На раздольѣ,
Стариною заживемъ.
А теперь господа
Грабятъ насъ безъ стыда,
И обманомъ,
Ихъ карманомъ
Стала наша мошна.
Баре съ земскимъ судомъ
И съ приходскимъ попомъ,

„жестокія“ пѣсни, „финскаго и монгольскаго характера“, пѣсни которыя приводили въ ужасъ [?] польскихъ заговорщиковъ, находившихся тогда въ обществѣ русскихъ. „Les polonais avaient souffert plus que personne du gouvernement russe; néanmoins le ton de ces chansons blessait leurs oreilles“ [105].

Насъ морочатъ,
И волочатъ,
По дорогамъ и судамъ.
А ужъ правды нигдѣ,
Не ищи мужикъ въ судѣ.
Безъ синюхи,
Судьи глухи,
Безъ вины ты виноватъ.
Чтобъ въ палату дойти,
Прежде сторожу плати,
За бумагу,
За отвагу,
Ты за все, про все давай!
Тамъ же каждая душа,
Покривится изъ гроша.
Засѣдатель,
Предсѣдатель,
За одно съ секретаремъ.
Насъ поборами ....,
Изсушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги,
Разорили насъ въ конецъ.
А подъ . . . . . орломъ,
Ядомъ подчуютъ съ виномъ,
И народу,
Лишь за воду,
Велятъ вчетверо платить.
Ужъ такъ худо на Руси,
Что и Боже упаси!
Всѣхъ затѣевъ,
Аракчеевъ,
И всему тому виной.
Онъ .... подстрекнетъ,
. . . . указъ подмахнетъ.
Ему шутка,
А намъ жутко.
Тошно такъ, что ой, ой, ой,
А до Бога высоко,
До царя далеко
Да мы сами
Вѣдь съ усами
Такъ мотай себѣ на усъ.

Съ нашей стороны было бы наивно требовать отъ такихъ пѣсенъ литературной отдѣлки или художественной цѣнности [107]; ихъ аляповатость была умышленная, такъ какъ онѣ должны были походить на лубочную картинку, и въ этомъ смыслѣ онѣ, дѣйствительно, имѣли шансы на успѣхъ.

Такова гражданская «лирика» Рылѣева, по которой изъ года въ годъ можно прослѣдить ростъ его боевого настроенія. Число этихъ гражданскихъ лирическихъ стихотвореній, какъ видимъ, очень ограничено, и изъ нихъ своевременно въ печать попало лишь самое ничтожное количество. Вотъ почему говорить о вліяніи этой лирики на умы современниковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова едва ли возможно.

Славу Рылѣева, какъ поэта и гражданина, составили не эти пѣсни, а его гораздо болѣе скромныя по тону и по содержанію «Думы» и поэма «Войнаровскій»; и это понятно, потому что высокій подъемъ гражданскихъ чувствъ, граничившій съ призывомъ къ возстанію, могъ быть усвоенъ и понятъ лишь нѣкоторыми избранными, тогда какъ гражданская мораль «Думъ» и «Войнаровскаго», какъ сейчасъ увидимъ, была по плечу всѣмъ, кто только думалъ объ общественныхъ подвигахъ, о служеніи родинѣ, о благородствѣ ума и чувствъ,—а кто объ этомъ не думалъ въ тотъ сентиментально-либеральный вѣкъ? Чтобы вдохновиться стихотвореніемъ Рылѣева «Гражданинъ», нужно было стоять въ лагерѣ недовольныхъ, а чтобы при чтеніи «Думъ» на глазахъ навернулись слезы восторга—для этого достаточно было быть только «благомыслящимъ», какъ тогда говорилось, сыномъ отечества.

XI.

Рылѣевъ очень любилъ свои «Думы» и относился къ нимъ весьма ревниво, и мы будемъ вполнѣ правы, если предположимъ, что эта любовь была обусловлена въ значительной степени привязанностью «литератора» и «поэта» къ своему дѣтищу, а не исключительно убѣжденностью гражданина и вѣрою въ спасительность и правоту тѣхъ истинъ, которыя въ этихъ «Думахъ» писатель высказывалъ. Хотя Рылѣевъ и заявлялъ открыто, что онъ не поэтъ, а гражданинъ преимущественно, но это признаніе не вполнѣ свободно: въ сердцѣ нашего писателя тяготѣнія къ поэзіи было не меньше, чѣмъ гражданскаго духа. Форма, разработка темы, поэтическія красоты произведенія, нѣжныя чувства и поэтическіе образы были для Рылѣева большой приманкой, и онъ очень радовался, когда слышалъ себѣ похвалы, какъ художнику. Все это, конечно, нисколько не мѣшало ему нанизывать свои «Думы» на одну строгую общественную и гражданскую мысль. Но не одна эта мысль заставляла его слагать эти пѣсни. Онѣ были навѣяны малороссійской природой, среди которой онъ прожилъ самые счастливые годы своей жизни, преданіями старины, которыя онъ любилъ за ихъ поэзію, воспоминаніями Отечественной войны, которая насъ такъ прославила, юношескими мечтами о героическихъ подвигахъ во славу отчизны и иными, теперь, конечно, неуловимыми мыслями и чувствами...

«Думы» стали печататься въ разныхъ журналахъ, начиная съ 1821 года, и вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1825 году въ Москвѣ. Тогда же Рылѣевъ поставилъ ихъ подъ охрану либеральнаго, ему столь дорогого имени Николая Семеновича Мордвинова, которому онъ посвятилъ свой сборникъ.

Работа надъ «Думами» была закончена приблизительно въ концѣ 1823 года, такъ какъ, начиная съ 1824 года, Рылѣевъ сталъ печатать въ журналахъ отрывки изъ новой серіи аналогичныхъ «Думамъ» стихотвореній, которыя онъ въ отличіе отъ «Думъ» сталъ называть «поэмами», и лучшимъ образцомъ которыхъ была изданная имъ въ томъ же 1825 году поэма «Войнаровскій».

«Поэмы», созданіе которыхъ совпадаетъ съ самыми тревожными годами политической дѣятельности Рылѣева (1824 и 1825), по своей основной гражданской тенденціи значительно смѣлѣе и опредѣленнѣе «Думъ», но и въ нихъ совсѣмъ нѣтъ того боевого паѳоса, который такъ силенъ въ гражданской лирикѣ Рылѣева. И «Войнаровскій», и отрывки изъ другихъ «Поэмъ», какъ и «Думы»,—созданія прежде всего «поэтическія», а затѣмъ уже «политическія».

Поэтическія достоинства «Думъ» не особенно высоки, да и внѣшняя форма ихъ, по собственному признанію Рылѣева, заимствована у извѣстнаго польскаго поэта Нѣмцевича, автора «Историческихъ пѣсенъ» *). Нѣмцевичъ укрѣпилъ Рылѣева въ мысли воспользоваться старинными преданіями и страницами исторіи, чтобы повысить въ читателѣ чувства гражданскаго долга и доблести. Это признаетъ и самъ Рылѣевъ, который въ предисловіи къ своимъ «Думамъ» пишетъ:

«Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ

*) Рылѣевъ съ дѣтства зналъ по-польски. Послѣ 1814 года онъ жилъ въ Минской губерніи, въ городѣ Несвижѣ, старинной вотчинѣ Радзивилловъ. Здѣсь онъ часто бывалъ въ польскомъ обществѣ и много читалъ по-польски.

„Историческія пѣсни" Нѣмцевича вышли въ Варшавѣ въ 1816 году и, вѣроятно, тогда же родилась у Рылѣева первая мысль о „Думахъ" 108.

раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта».

«Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ «Историческихъ пѣсенъ» (Spiewy Hystoryczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя «Думы». Желаніе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самый видъ и названіе «Думы» *).

Одну изъ своихъ «Думъ» Рылѣевъ послалъ Нѣмцевичу и на его благодарственное письмо отвѣчалъ такими словами:

«Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло омрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ,—и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависитъ не отъ одного

*) *М. Маяевъ*, сличавшій „Пѣсни" Нѣмцевича съ „Думами" Рылѣева, указываетъ, что Рылѣевъ заимствовалъ не только форму у польскаго поэта, но бралъ у него цѣлыя строфы, а иногда [какъ, напр., въ Думѣ „Глинскій"] просто перефразировалъ оригиналъ.

Иного мнѣнія держится *А. Сиротининъ*. По его оцѣнкѣ у Нѣмцевича не было ни малѣйшей способности къ поэтическому творчеству. Пѣсни его сухи и безцвѣтны. Понятіе о доблести у него также значительно уже, чѣмъ у Рылѣева. Высшую доблесть Нѣмцевичъ признаетъ только за рыцарскимъ сословіемъ и цѣнитъ въ героѣ почти исключительно военную отвагу. У Рылѣева же герой—гражданинъ своей родины. Какъ моралистъ и какъ поэтъ Рылѣевъ выше польскаго писателя. Взявъ у Нѣмцевича общую мысль „Думъ", Рылѣевъ вложилъ въ нихъ свое собственное содержаніе; взявъ форму, онъ оживилъ ее силою собственнаго чувства. Нѣмцевичъ—старецъ, воспѣвающій подвиги минувшаго. Рылѣевъ—юноша, смотрящій въ будущее 109.

успѣшнаго окончанія, но также отъ источника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая, Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, несмотря на то, что успѣхъ не увѣнчалъ ихъ благородныя усилія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будутъ всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посѣяны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностнѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшьтесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы, подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...» *)

Самъ Рылѣевъ не иначе думалъ и о своей родинѣ, когда шелъ по стопамъ польскаго поэта. Соревнуя съ Тиртеемъ, онъ и сочинилъ свои русскія историческія пѣсни, въ которыхъ прошлое должно было указывать читателю, какъ вести себя въ будущемъ.

«Думы»—сборникъ очень разнообразныхъ историческихъ картинокъ русской старины, начиная со временъ легендарныхъ, кончая XVIII вѣкомъ. Внѣшняя форма этихъ картинокъ однообразна, стихъ не громокъ и не ярокъ, хотя мѣстами удаченъ, много романтическихъ условностей въ драматическихъ положеніяхъ, мѣстами много сентиментальной приторности, много ходульнаго, но порой попадаются и блестки поэзіи. Историческіе характеры, конечно, всѣ не выдержаны,

*) Письмо къ Юліану-Урсину Нѣмцевичу 1823 года. Императоръ Николай Павловичъ очень интересовался этой перепиской и велѣлъ перевести in extenso письма Нѣмцевича къ Рылѣеву и его отвѣтъ 110.

иногда идеализированы до неузнаваемости [111], достовѣрность историческихъ событій сомнительна и мѣстнаго колорита совсѣмъ не имѣется. Пейзажи разставлены, гдѣ надлежитъ, по мѣстамъ, но они написаны какъ бы по трафарету—все больше пейзажи мрачные и грозные: бушуютъ осенніе вѣтры, качаются древнія сосны, сѣдые туманы встаютъ, слышатся полуночные крики совы, буря ревѣтъ и дождь шумитъ, молніи летаютъ во мракѣ, и всегда и вездѣ луна.—то тусклая, то ясная, но всегда предвѣщающая нѣчто грозное и страшное; случается также, что вопреки законамъ природы денница въ полдень не сходитъ съ неба. Видно, что авторъ подыскивалъ фонъ для своей картины и былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь одну романтическую кулису, которой при каждомъ случаѣ и пользовался. Но когда онъ не придумывалъ, а вспоминалъ, пейзажъ получался живой и красивый *).

Нѣтъ, впрочемъ, особой надобности останавливаться на недочетахъ внѣшней формы этихъ стихотвореній Рылѣева:

---

*) Взять хотя бы эту картинку окрестностей Острогожска, гдѣ Рылѣевъ самъ гулялъ неоднократно:

Тамъ, гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую влились;
Гдѣ дубовъ тѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись,
Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ
Завѣщалъ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣдъ;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ ораталю сторичный
Нивы тучныя даютъ:
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;
. . . . . .

хоть авторъ работалъ надъ ними стремясь придать имъ какъ можно больше художественной цѣнности, но они вообще на таковую претендовать не могутъ, и потому при ихъ исторической оцѣнкѣ надо имѣть въ виду главнымъ образомъ все-таки ихъ содержаніе.

Оно не поразитъ теперь никого ни своей силой, ни оригинальностью. Это—довольно полный списокъ обыденныхъ гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей, необходимыхъ, и для хорошаго властителя, и для хорошаго гражданина.

„Воспой дѣянія предковъ намъ“,
Баяну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ,
И вѣщія зарокотали.

И новый Баянъ—какимъ себя мнитъ Рылѣевъ—поетъ славу благочестивыхъ князей, Владиміра, который внялъ словамъ старца-христіанина и въ пламенномъ восторгѣ отрекся отъ язычества; Мстислава, взывающаго къ Святой Дѣвѣ, въ минуту единоборства съ Редедей; Михаила Тверского, замученнаго въ Ордѣ; Дмитрія Донского *), спасен-

*) Дума „Дмитрій Донской“—одна изъ наиболѣе удачныхъ. Въ особенности характерно ея начало, совсѣмъ не въ духѣ XIV вѣка.

„Доколь намъ, други, предъ тираномъ
Склонять покорную главу,
И за одно съ презрѣннымъ ханомъ
Позорить сильную Москву?
Не намъ, не намъ страшиться битвы
Съ толпами грозными враговъ:
За насъ и Сергія молитвы,
И прахъ замученныхъ отцовъ!
Летимъ—и возвратимъ народу
Залогъ блаженства чуждыхъ странъ:
Святую праотцевъ свободу
И древнія права гражданъ.
Туда—за Донъ!... Настало время!
Надежда наша—Богъ и Мечъ!
Сразимъ монголовъ и какъ бремя
Ярмо Мамая сбросимъ съ плечъ!“

наго молитвой преподобнаго Сергія на Куликовомъ полѣ. Поетъ онъ славу князей, стяжавшихъ себѣ вѣчную память бранными подвигами: Олега, прибившаго свой щитъ ко вратамъ Цареграда, Святослава, нагонявшаго страхъ на Цимисхія, и вѣрнаго царева слуги Долгорукаго, который вырвалъ изъ рукъ шведовъ цѣлый фрегатъ и привелъ его въ покоренный Ревель.

Но Рылѣевъ не только славилъ нашихъ князей: онъ и обличалъ ихъ за личные и гражданскіе ихъ пороки. Устами княгини Ольги онъ прочиталъ наставленіе Игорю за его алчность и чрезмѣрную воинственность, ставя властителю на видъ, что онъ долженъ быть болѣе князь и отецъ своимъ подданнымъ, чѣмъ воинъ; онъ потревожилъ тѣнь несчастнаго Святополка, чтобы доказать намъ, какъ «ужасно быть рабомъ своихъ страстей»; князьямъ удѣльнымъ онъ выговаривалъ за ихъ постоянныя распри, онъ описалъ послѣднія минуты жизни Дмитрія Самозванца, всѣ душевныя терзанія этого тирана, у котораго на свѣтѣ «одинъ другъ—его кинжалъ»; припомнилъ онъ и Анну Іоанновну, какъ она блуждала по своимъ хоромамъ, какъ въ тронной залѣ она увидала у своихъ ногъ голову казненнаго ею Волынскаго, которая посинѣлыми устами звала ее на Судъ Божій...

Поэтъ требовалъ отъ властителей чистоты сердца и помысловъ, и глубокую скорбь возбуждалъ въ немъ образъ Годунова. Рылѣевъ, очевидно, любилъ Годунова за его просвѣщенный образъ мыслей и его широкіе государственные взгляды. «Дума» Рылѣева «Борисъ Годуновъ»—едва ли не первая попытка реабилитировать въ памяти потомства этого похитителя престола. Поэтъ вѣритъ, что Годуновъ—убійца Дмитрія, и ему отъ всего сердца жаль, что душа столь гражданскі благомыслящаго царя должна нести такое бремя.

Дума «Борисъ» — одна изъ лучшихъ. Припомнимъ нѣсколько строфъ:

Предъ образомъ Спасителя, въ углу
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по челу,
Въ очахъ страдальца страшно блещетъ.

Тутъ зрѣлся скиптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы, лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало!...
Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубійства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожной оживлялось думой—
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдалъ въ душѣ своей угрюмой.
Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда, достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласъ,
Гласъ совѣсти, и вѣры, и закона.
„О, заблужденіе!“ онъ возопилъ:
„Я мнилъ, что гласъ сей сокровенный
Навѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!
Я мнилъ: взойду на тронъ—и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села;
Полезному открою всѣ пути,
И возвеличу блескъ престола.
Я мнилъ: народъ меня благословитъ,
Зря благоденствіе отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю: но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ.
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій...
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья!

Не раздирай страдальческую грудь:
Полна ужъ чаша наказанья!
Взываю я—но тщетны всѣ мольбы!
Не отгоню ужасной думы:
Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы
И слышу сердца гласъ угрюмый.
Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
Терзай! Но я восторжествую
И смою черное съ души пятно
И кровь царевича святую!
Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
Не утомлюся отъ страданья
И буду царствовать до гроба я
Для одного благодѣянья.
Святою мудростью и правотой
Свое правленіе прославлю
И прахъ несчастнаго почтить слезой
Потомка поздняго заставлю.
О, такъ! Хоть станутъ проклинать во мнѣ
Убійцу отрока святова,
Но не забудутъ же въ родной странѣ
И дѣлъ полезныхъ Годунова".
Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
И вдругъ, на гласъ святой надежды,
Къ царю слетѣлъ давно желанный сонъ
И осѣнилъ страдальца вѣжды.
И съ той поры державный Годуновъ,
Перенося гоненье рока,
Творилъ добро, былъ подданнымъ покровъ
И врагъ лишь одного порока.
Скончался онъ, и тихо приняла
Земля несчастнаго въ объятья...
И загремѣли за его дѣла
Благословенья и—проклятья!...

Рылѣевъ, читая мораль правителямъ, не обошелъ и ихъ подчиненныхъ. Его «Думы» не только—наставленіе для власть имущихъ, но и кодексъ морали для самихъ гражданъ. Какъ патріотъ, Рылѣевъ требовалъ отъ гражданина прежде всего любви къ родинѣ, какимъ бы эта любовь испытаніямъ ни подвергалась. Измѣна отечеству была въ его глазахъ самымъ

страшнымъ грѣхомъ, и онъ не скупился на изображеніе душевныхъ терзаній тѣхъ—хотя бы героевъ,—которые, враждуя съ порядкомъ, установившимся на родинѣ, рѣшились поднять противъ нея руку. Дума «Глинскій» даетъ намъ картину такихъ душевныхъ мукъ одного литовскаго вельможи, который предпочелъ службу у великаго князя московскаго—служенію своей отчизнѣ и своему королю, съ которымъ имѣлъ личные счеты. Мрачна была по описанію Рылѣева и душа князя Курбскаго, окруженнаго лаской и почетомъ въ Литвѣ, когда онъ сидѣлъ на пирахъ всегда угрюмый и для своей больной души все искалъ «чего-то».

Любовь къ родинѣ обязывала гражданина и преданностью къ ея вождю. Бѣда тому, кто, какъ царевичъ Алексѣй (Дума «Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ»), поддастся соблазну: возмнитъ себя защитникомъ старины и задумаетъ «собрать перуны противъ отца и царя». Слава тому, кто царя защититъ своей грудью, какъ это сдѣлалъ Иванъ Сусанинъ. Ему Рылѣевъ посвятилъ одну изъ самыхъ трогательныхъ думъ, и въ ней онъ не пощадилъ поляковъ *).

Но если гражданскій долгъ обязывалъ гражданина къ повиновенію и жертвѣ, то онъ же обязывалъ и къ откровенной честной борьбѣ противъ всѣхъ гражданскихъ пороковъ. Рылѣевъ очень подробно останавливается въ своихъ «Думахъ» на этой сторонѣ поведенія честнаго и смѣлаго гражданина.

Устами Артемона Матвѣева, сосланнаго въ Пустоозерскъ, поэтъ говоритъ:

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я;
Мнѣ честь сопутницей до гроба.

*) Эта дума, какъ указываетъ баронъ Розенъ, была написана Рылѣевымъ раньше переговоровъ членовъ тайнаго общества съ делегатами, имѣвшими инструкціи отъ Патріотическаго Варшавскаго Общества [112].

Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
Среди моей позорной ссылки
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій.
Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.
Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбѣ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царѣ жалѣю.
Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся месть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьей—потомство,
Увы, его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Нелицемѣрный сей судья
Творитъ свой приговоръ надъ прахомъ".

(Дума „Артемонъ Матвѣевъ").

Почти то же самое повторяетъ и Артемій Волынскій въ своей тюрьмѣ:

„Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.

Гласъ общій цѣну дастъ дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тотъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тотъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ презрѣннаго тщеславья!
Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный врагъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...
И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ:
Пѣвцы, герою въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье.
„Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!„
(Дума „Волынскій“).

Такимъ же глашатаемъ гражданской добродѣтели былъ въ глазахъ Рылѣева и Державинъ, къ которому онъ питалъ, какъ къ сатирику, великое уваженіе. Отдѣльное изданіе своихъ

«Думъ» Рылѣевъ заканчивалъ пѣснью въ честь этого барда. Стоя надъ могилой Державина, поэтъ говорилъ:

Не умеръ пламенный пѣвецъ:
Онъ пѣлъ и славилъ Русь Святую!
Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
Общественное благо ставилъ
И въ огненныхъ своихъ стихахъ
Святую добродѣтель славилъ.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Не въ силахъ отказать и рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ!
Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
И въ звукахъ лиры сладкогласной,
И гражданъ въ пламенныхъ сердцахъ
Ты оживляешься всечасно.
О, такъ! Нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
Избранникъ и посолъ Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, великій санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.
Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
Ярмо гражданъ его тревожитъ;
Какъ вольный славянинъ душой,
Онъ раболѣпствовать не можетъ.
Повсюду твердъ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Наперекоръ судьбѣ и року,
Повсюду честь ему законъ,
Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ тропомъ;
Ему невѣдомъ низкій страхъ,
На смерть съ презрѣньемъ онъ взираетъ
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.

Ему ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
Не осквернитъ онъ никогда
Порочной мыслію твореній.
Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы.
Поклонникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера
Въ нечестьѣ буйномъ не омочитъ.
Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
Онъ истину достойно цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ тайныхъ думахъ не измѣнитъ!
. . . . . .
Парилъ онъ мыслію въ вѣкахъ,
Сѣдую вызывая древность,
И воспалялъ въ младыхъ сердцахъ
Къ общественному благу ревность!“

(Дума „Державинъ“).

Такова гражданская мораль этихъ нѣкогда столь прославленныхъ «Думъ». Всякій согласится, что она необычайно скромна и сдержанна. Либеральная нота, и тѣмъ болѣе протестующая, въ нихъ почти совсѣмъ не слышна, хотя у Рылѣева было намѣреніе заставить звучать ее громче. Въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранились наброски двухъ думъ, по содержанію значительно болѣе смѣлыхъ, чѣмъ тѣ, которыя попали въ печать. Одна посвящена памяти «Марѳы Посадницы»— тогда очень популярной свободолюбивой героини, другая не менѣе либеральному и также тогда очень любимому образу— Вадима, возстающаго за свободу родины противъ ея утѣснителей-варяговъ *). Эти думы остались неоконченными и не

*) Грозенъ князь самовластительный!
Но наступитъ часъ ночной;
И настанетъ часъ рѣшительный,
Часъ для гражданъ роковой.

(Изъ „Вадима“).

были напечатаны, а въ тѣхъ, которыя напечатаны, мы можемъ выискать развѣ лишь самые туманные намеки на настоящій оппозиціонный либерализмъ. Въ думѣ «Рогнѣда» есть строфа, которая грозитъ «притѣснителямъ». Въ думѣ «Богданъ Хмѣльницкій» воспѣвается свобода украинской вольницы и, наконецъ, въ думѣ «Царевичъ Алексѣй», которая также своевременно въ печать не попала, есть самый невинный намекъ на крѣпостное состояніе *). Все остальное, что въ этихъ «Думахъ» Рылѣевымъ воспѣто и прославлено,—не возвышается надъ уровнемъ самой благомыслящей гражданской морали, очень общей по своей формулировкѣ.

Такая умѣренность понятна, такъ какъ почти всѣ «Думы» были сочинены Рылѣевымъ въ годы (1821—1823), когда его общественныя чувства еще не вполнѣ обострились. Это не мѣшало современникамъ восхищаться «Думами», и какъ цѣнной литературной новинкой, и какъ гражданскимъ подвигомъ.

Прослушаемъ нѣсколько такихъ отзывовъ, и мы увидимъ, какъ своевременна была эта, хотя и очень скромная, политическая пѣсня Рылѣева.

Что эти «Думы» хвалилъ А. Бестужевъ, который говорилъ, что Рылѣевъ «пробилъ новую тропу въ русскомъ стихотворствѣ, избравъ цѣлью возбуждать доблести сограждан подвигами предковъ» [113]. — то это само собою понятно. Хвалилъ ихъ и Гречъ, называя «умными, благородными и живыми думами» [114]; хвалилъ Булгаринъ, который отмѣчалъ въ нихъ «народность и благородныя чувствованія» [115]. Ѳ. Н. Глинка признавалъ, что «Думы» Рылѣева вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума [116]. Плетневъ говорилъ, что онѣ удовлетворяютъ любопытному вкусу чистотой и легкостью языка, наставительными истинами, прекрасными чувствованіями и картинами природы [117], хотя онъ и пола-

*) Говорится о „разбросанныхъ жилищахъ угнѣтенной нищеты".

галъ, что «исторію никакъ нельзя уломать въ лирическую пьесу»[118]. Ѳ. И. Іорданъ утверждалъ, что «Думы» Рылѣева заставляли въ свое время всѣхъ восхищаться[119]. Д. И. Хвостовъ, хоть и не былъ поклонникомъ «Думъ», но полагалъ, что стихи Пушкина «Къ морю» и «Наполеонъ» писаны «во вкусѣ думъ Рылѣева»[120]. Хвалилъ Рылѣева и кн. Вяземскій (правда, въ личномъ письмѣ къ нему) за то, что «Думы» «носятъ на себѣ печать отличительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ»[121].

Строже всѣхъ и правильнѣе отнесся Пушкинъ къ пѣснямъ своего добраго пріятеля. Ему «Думы» рѣшительно не нравились. Князю Вяземскому онъ писалъ, что «Думы»—дрянь, и названіе ихъ происходитъ отъ нѣмецкаго dumm, а не отъ польскаго[122].. Вяземскому же признавался онъ и раньше, прочитавъ только первыя «Думы», что онъ боится, какъ бы Плетневъ и Рылѣевъ не отучили его отъ поэзіи[123]. Въ письмѣ къ брату онъ «знаменитаго» Рылѣева приравниваетъ къ «знаменитому» Владиміру Панаеву[124]. А. Бестужеву замѣчалъ иронически, что Рылѣевъ—«планщикъ» (въ томъ смыслѣ, что составляетъ планы для своихъ стиховъ), что онъ, Пушкинъ, любитъ больше стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ[125]. Жуковскому онъ говорилъ, что «Думы» Рылѣева и цѣлятъ, а все невпопадъ[126] *).

---

*) Несмотря на эти строгіе отзывы Пушкина о „Думахъ“, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что эти „Думы“ могли самого Пушкина наталкивать на сюжеты. *В. В. Сиповскій* очень обстоятельно обслѣвалъ этотъ вопросъ и изъ его разысканія видно, что многія историческія темы Рылѣевъ разработалъ раньше Пушкина и что, напр., въ „Полтавѣ“ есть много отдѣльныхъ выраженій и отдѣльныхъ картинъ, которыя очень напоминаютъ сходныя выраженія и мѣста въ „Думахъ“ и поэмахъ Рылѣева. Изслѣдователь, конечно, признаетъ, что такіе намеки, данные Рылѣевымъ Пушкину, подъ его перомъ развертывались въ цѣлыя художественныя картины, неизмѣримо превосходившія въ художественномъ отношеніи заимствованное[127].

Самому Рылѣеву Пушкинъ писалъ, что въ его «Думахъ» встрѣчаются стихи живые, но что вообще они слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. «Всѣ они,—говорилъ онъ,—на одинъ покрой составлены изъ общихъ мѣстъ: описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ (исключая «Ивана Сусанина»—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ») 128.

Но кажется, что это строгое мнѣніе Пушкина сложилось у него не сразу. Въ одномъ изъ его черновыхъ писемъ есть любопытная замѣтка. Въ 1823 году, когда Пушкинъ боялся, что Рылѣевъ отучитъ его отъ поэзіи, онъ пишетъ Вяземскому: «Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился *такъ онъ вдругъ вырось*» 129.

Но Пушкинъ въ своихъ отзывахъ былъ все-таки ближе всѣхъ къ истинѣ, такъ какъ, дѣйствительно, первая попытка его друга перейти за границы чисто личнаго, лирическаго творчества оказалась не вполнѣ удачной. Это произошло потому, что талантъ Рылѣева не былъ талантомъ сильнымъ и оригинальнымъ, и навыкъ писательства для него очень много значилъ. Его талантъ обнаружилъ себя не сразу, а крѣпъ въ работѣ, и лучшимъ доказательствомъ этому служатъ его «Поэмы», къ созданію которыхъ онъ приступилъ съ 1824 года, когда съ «Думами» литературная школа была уже пройдена.

XII.

«Поэмы» Рылѣева, это—тѣ же «Думы», но только углубленныя въ содержаніи, расширенныя въ размѣрѣ и въ художественномъ смыслѣ значительно лучше выполненныя. Матеріалъ къ нимъ былъ собранъ раньше 1824 года, когда онѣ стали появляться въ печати. Увлеченіе Рылѣева малорусской стариной направило очень рано его вниманіе на исторію стараго казачества, которое для его вольнолюбивой души было полно вояческихъ приманокъ. Страницы старинной вольницы, изученныя на мѣстѣ, будили въ немъ и чувство, и фантазію.

Вмѣсто цѣлой галлереи миѳическихъ, легендарныхъ и историческихъ образовъ, взятыхъ изъ самыхъ различныхъ эпохъ нашей жизни и очень средственно обрисованныхъ въ «Думахъ», въ поэмахъ Рылѣева есть единство и цѣльность художественной концепціи,—одна полная историческая картина, съ исторически вѣрными фигурами на первомъ планѣ, съ разработанной психологіей дѣйствующихъ лицъ и съ обстановкой, по частямъ списанной съ натуры. Все это даетъ большой перевѣсъ поэмамъ Рылѣева надъ его первыми попытками въ эпическомъ родѣ.

Изъ этихъ поэмъ Рылѣевъ успѣлъ закончить только одну—поэму «Войнаровскій», остальныя дошли до насъ въ видѣ отрывковъ.

Сюжеты всѣхъ этихъ историческихъ лѣсенъ взяты изъ исторіи борьбы Малороссіи за вѣру и свободу *). Этотъ

*) За исключеніемъ лишь одного отрывка „Партизаны“, который указываетъ, что Рылѣевъ имѣлъ въ виду воспѣть Отече-

основной боевой кличъ становится съ каждой поэмой все сильнѣе и опредѣленнѣе, и надо пожалѣть, что кромѣ «Войнаровскаго» остальныя пѣсни остались недопѣтыми *).

ственную войну 1812 года. Въ отрывкѣ есть очень недурная партизанская пѣсня:

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами
Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...

*) А этихъ неоконченныхъ пѣсенъ было много. Послѣ „Войнаровскаго“, который былъ написанъ въ 1823 году, Рылѣевъ принялся писать поэму изъ жизни Наливайки, затѣмъ составилъ планъ для „Хмѣльницкаго“, въ 6 пѣсняхъ, проектировалъ также написать „Мазепу“. Изъ поэмы „Хмѣльницкій“ уцѣлѣлъ отрывокъ „Гайдамакъ“. Онъ характеренъ, какъ примѣръ „байроническаго письма“:

„Въ немъ [въ Гайдамакѣ] не волнуютъ уже кровь
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтный;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остылъ безчувственной душой;
Въ ней вѣетъ холодъ гробовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣетъ на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.

Избирая Андрея Войнаровскаго героемъ цѣлой эпической

Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы хотя на мигъ единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ замкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Какъ гнѣвъ небесный—саранча;
Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ"...

Много обѣщала, кажется, и поэма „Мазепа", отъ которой сохранились лишь два удачныхъ отрывка. Въ особенности удалась Рылѣеву „Пѣсня сторонниковъ Мазепы":

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

Рылѣевъ давно интересовался судьбой знаменитаго гетмана. Одно время онъ собирался написать драму изъ жизни Мазепы и

поэмы *), Рылѣевъ счелъ нужнымъ познакомить читателя съ этой мало извѣстной личностью, и потому въ изданіи, которое было напечатано въ Москвѣ осенью 1825 года, онъ помѣстилъ нѣсколько поясненительныхъ приложеній. Поэма открывалась посвященіемъ А. А. Бестужеву. Рылѣевъ говорилъ своему другу много нѣжностей и въ послѣднихъ строкахъ—желая заранѣе оградить себя отъ его строгаго суда—признавался открыто, что въ его поэмѣ «нѣтъ искусства», но что въ ней есть живыя чувства, и это потому, что онъ—Рылѣевъ—*«не поэтъ, а гражданинъ»*. За посвященіемъ слѣдовала краткая біографія Мазепы, составленная А. Корниловичемъ—также другомъ Рылѣева и вскорѣ декабристомъ. За этой біографіей слѣдовала другая—жизнеописаніе самого Андрея Войнаровскаго, составленное А. Бестужевымъ. Изъ этой краткой біографіи читатель узнавалъ, что Андрей Войнаровскій былъ родной племянникъ Мазепы и былъ посланъ Мазепой въ Германію учиться наукамъ и иностраннымъ языкамъ. Европейски образованнымъ человѣкомъ вернулся онъ на родину и поступилъ на службу къ своему дядѣ. Онъ сталъ участникомъ тайныхъ замысловъ Мазепы и, какъ врагъ Россіи, дѣйствовалъ въ Турціи и въ Крыму. Одно время онъ былъ коронным воеводою въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ, когда Мазепа проигралъ свое дѣло и умеръ, Войнаровскій проживалъ въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для по-

---

даже приступилъ къ разработкѣ сценарія [130]. О Мазепѣ говорилъ онъ и въ своей думѣ „Петръ Великій въ Острогожскѣ"; наконецъ и судьба Андрея Войнаровскаго была тѣсно связана съ судьбой Мазепы [131].

*) Сначала, какъ видно по черновымъ тетрадямъ, поэма „Войнаровскій" должна была называться „Ссыльный".

„22 мая 1823 года въ собраніи вольнаго общества любителей словесности читанъ былъ Рылѣева „Ссыльный". „Ссыльный", полный благородныхъ чувствъ и рѣзкихъ возвышенныхъ мыслей, — принятъ былъ съ душевнымъ ободреніемъ (одобреніемъ?)" [132].

лученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240.000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ, по требованію россійскаго резидента. Однако-жъ, вслѣдствіе протеста вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго отдаться милости Петра I предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступничество спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь, но когда и какъ—неизвѣстно. Знаменитый ученый Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ Войнаровскаго въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Исторію послѣднихъ дней его жизни и пожелалъ разсказать Рылѣевъ въ своей поэмѣ. Это была печальная исторія политическаго ссыльнаго, влачащаго одиноко свои безцвѣтные дни среди угрюмой сибирской природы, исторія медленнаго увяданія нѣкогда кипучаго сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть о быломъ, о годахъ счастливой и славной жизни на вольной Украйнѣ.

Поэма могла стать очень трогательной и патетичной, если бы авторъ не выбралъ для нея слишкомъ однообразной формы: она почти цѣликомъ состоитъ изъ разсказа Войнаровскаго о своемъ прошломъ и настоящемъ, разсказа, который выслушиваетъ, случайно съ Войнаровскимъ встрѣтившійся въ Сибири, историкъ Миллеръ.

«Нельзя читать безъ волненія,—писалъ одинъ современникъ [133],—*пророческой* поэмы Рылѣева «Войнаровскій», гдѣ Рылѣевъ себя олицетворяетъ подъ именемъ Мазепы, но самъ становится въ тѣнь, заслоненный поэтической фигурой Александра Бестужева—своего самаго близкаго друга» *). Трудно, ко-

*) Это мнѣніе Шницлера находитъ себѣ подтвержденіе и въ словахъ извѣстнаго путешественника по Сибири Ермана, который пишетъ: „Сочиненія Рылѣева и А. Бестужева — плоды благо-

нечно, уловить умышленное сходство между Мазепой и Рылѣевымъ, и Войнаровскимъ и Бестужевымъ, но если вспомнить, что одинъ погибъ за свое дѣло, другой былъ осужденъ въ ссылку, то при извѣстной живости фантазіи можно допустить такую аналогію. Она тѣмъ болѣе напрашивается, что въ стихахъ Рылѣева иногда, дѣйствительно, слышится какъ бы пророчество.

П. Бестужевъ утверждалъ, что Рылѣевъ имѣлъ предчувствіе той участи, которая его подстерегала [135]; быть можетъ, въ данномъ случаѣ П. Бестужевъ нѣсколько поддался обычному своему лиризму, какъ это съ нимъ случалось часто, но нельзя все-таки отдѣлаться отъ нѣкотораго страннаго чувства, когда, читая стихи Рылѣева, думаешь о томъ, что ожидало его и его товарищей. Смерть на плахѣ и ссылка—одно изъ любимыхъ драматическихъ положеній въ стихотвореніяхъ Рылѣева. Думы «Глинскій», «Курбскій», «Аргемонъ Матвѣевъ», «Волынскій», «Мининъ» — все разныя варіаціи на тему о пострадавшихъ «заговорщикахъ». Всего яснѣе сознаніе опасности

роднаго, въ своемъ развитіи заторможеннаго общественнаго чувства. Его „Войнаровскій" вытекъ изъ самой глубины его благороднаго духа. Происхожденіе этой поэмы можно объяснить только тѣмъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэту стало ясно и видимо, въ нервномъ ли возбужденіи или въ состояніи предвѣдѣнія, какъ оборвутся нити той ткани, надъ которой онъ втайнѣ работалъ. Онъ духомъ видитъ, какъ всѣ силы заговорщиковъ разсѣиваются; онъ видитъ, какъ друга его Бестужева вытолкнули изъ человѣческаго общества; каждую малѣйшую черту его многолѣтнихъ страданій предвидитъ онъ, и самого себя зритъ въ рукахъ палача. Но онъ пошелъ мужественно своей дорогой и въ безсмертныхъ словахъ выразилъ всѣ трагическія свои предчувствія: Мазепа и Войнаровскій—это только сравненіе. Войнаровскій—это Бестужевъ. Портретъ вѣренъ, какъ вѣрно изображенъ и Якутскъ и бытъ поселенцевъ. Для Рылѣева въ его поэмѣ самое главное былъ обликъ его друга, почему онъ себя и поставилъ въ тѣнь. Въ поэмѣ онъ обнаруживаетъ настроеніе заговорщика, который предвидитъ свою ужасную кончину, но все же идетъ впередъ [134].

и ожиданіе грядущей кары выражено—какъ мы увидимъ—въ поэмѣ «Наливайко»; есть оно и въ «Войнаровскомъ».

Если бы мы не знали, какъ кончилъ Рылѣевъ, то, читая «Войнаровскаго», мы могли бы подумать, что поэма написана по личнымъ воспоминаніямъ сибирскаго ссыльнаго *), такъ соблюденъ въ ней мѣстный колоритъ и такъ правдиво переданы чувства изгнанника. Въ этомъ колоритѣ, въ этой тонкой психологіи и, наконецъ, въ отдѣлкѣ внѣшней—вся литературная стоимость «Войнаровскаго».

Припомнимъ, напр., такую картину природы:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветъ сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода.
И часто мрачны облака...

или такое описаніе охоты, когда Войнаровскій, въ трескучій морозъ—

Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ!

---

*) Есть указаніе, что Рылѣевъ просилъ барона В. И. Штейнгеля, бывавшаго въ Якутскѣ, прослушать нѣкоторыя мѣста поэмы, чтобы провѣрить, нѣтъ ли погрѣшностей противъ мѣстнаго колорита [136].

Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтки ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворостъ, кочки и снѣга
Олень несется быстроногій,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летитъ... Вдругъ выстрѣлъ!.. Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался — и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ...

или такую параллель между вольнымъ сердцемъ и вольной рѣкой:

Видалъ ли ты, когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль, поднимая дикій вой,
Клубится и бугры вздымаетъ,
Утесы съ ревомъ отторгаетъ
И ихъ уноситъ за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Ниспровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей...

или, наконецъ, заключительныя строфы поэмы, въ которыхъ разсказывается, какъ Миллеръ шелъ возвѣстить Войнаровскому его освобожденіе, какъ онъ летѣлъ къ нему съ отрадной вѣстью о прощеньи и свободѣ, и какъ нашелъ своего друга замерзшимъ на могилѣ его жены, которая дѣлила съ нимъ его изгнаніе.

Но вотъ онъ [Миллеръ] къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.

Никто встрѣчать его нейдетъ...
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтный
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ;
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
„Все въ запустѣньи!—мыслитъ странникъ:—
Куда-жъ сокрылся ты, изгнанникъ?“
И, думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ—
И что же видитъ предъ собою?
Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины;
Какъ мраморъ, лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Когда читаешь всѣ эти строки, кажется, что онѣ писаны кѣмъ-нибудь, кто видѣлъ все это воочію.

Приходится удивляться также и той отчетливости, съ какой воспроизведены въ поэмѣ Рылѣева думы и чувства ссыльнаго.

Раннее туманное утро, крутой берегъ Лены, и одинокій печальный путникъ съ длинной винтовкой за спиной... Давно онъ привезенъ въ крытой кибиткѣ въ эту страну изгнанія, давно посѣдѣли примѣтно и его усъ, и борода; онъ—не уголовный преступникъ, и на лбу его нѣтъ постыдной печати, но видъ его вдвое суровѣе, чѣмъ дикій видъ каторжника:

Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днемъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,

Могильный огонекъ горитъ
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ.
Одинъ, какъ отчужденный бродитъ,
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ,
На всѣхъ сурово онъ глядитъ.

А между тѣмъ:

При строгой важности лица,
Слова, высокихъ мыслей полны,
Изъ устъ сѣдого пришлеца
Въ избыткѣ чувствъ текутъ, какъ волны.

Онъ весь—огонь и стремленіе подъ мертвой и льдистой оболочкой. «Я—Войнаровскій», говоритъ онъ своему нежданному собесѣднику:

Ты видишь—дикъ я и угрюмъ.
Брожу, какъ остовъ,—очи впали,
И на челѣ бразды печали,
Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
Страдальцу видъ суровый дали.
Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
Какъ вѣчный узникъ, безотраденъ,
Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
Ничто меня не веселитъ.
Любовь и дружество мнѣ чужды,
Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
Я не могу снести ихъ вида:
Ихъ жалость о судьбѣ моей —
Мнѣ нестерпимая обида.
Кто брошенъ въ дальные снѣга
За дѣло чести и отчизны,
Тому сноснѣе укоризны,
Чѣмъ сожалѣніе врага...
Но зналъ и я когда-то радость
И отъ души людей любилъ,

И полной чашею испилъ
Любви и тихой дружбы сладость.
Среди родной моей земли,
На лонѣ счастья и свободы,
Мои младенческіе годы
Ручьемъ игривымъ протекли;
Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнье,
За ними радость на мгновенье,
А вмѣстѣ съ нею суеты,
Война, любовь, печаль, волненье
И пылкой юности мечты...

Эти пылкія мечты юности пришлось Войнаровскому въ Сибири не только вспомнить, но какъ бы пережить вновь, когда нежданно въ его заточеніе къ нему вернулась его жена, чтобы дѣлить съ нимъ всю тягость изгнанія—правда, ненадолго, такъ какъ смерть поджидала ее въ этомъ сумрачномъ краѣ. Этотъ вводный, съ исторіей несогласный, эпизодъ въ поэмѣ, хоть и до-нельзя романтиченъ, сентименталенъ и условенъ, но безспорно трогателенъ и такъ же полонъ пророчества. Кто не вспомнитъ женъ декабристовъ, читая эти строфы:

Разъ у якутской юрты я
Стоялъ подъ сосной одинокой.
Буранъ шумѣлъ вокругъ меня,
И свирѣпѣлъ морозъ жестокій.
Передо мной скалы и лѣсъ
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку былъ виденъ черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... И что же?.. Узнаю
Въ несчастный сей, въ морозъ и вьюгу,
Казачку юную мою,

Мою прекрасную подругу!..
Узнавъ объ участи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнанье.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

И какъ послѣ всего, что выстрадано и передумано, не испугаться грядущаго, не застыть въ ужасѣ передъ призракомъ близкой и безвѣстной смерти и не задуматься надъ тѣмъ, во что раньше безотчетно вѣрилъ?

Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Въ слѣпомъ ожесточеньи
Тираномъ почиталъ царя?.. [Петра]
Быть можетъ, увлеченный страстью,
Не могъ я цѣну дать ему
И относилъ то къ самовластью,
Что свѣтъ отнесъ къ его уму?
Судьбѣ враждующей послушенъ,
Переношу я жребій свой;
Рожденный съ пылкою душой,
Полезнымъ быть родному краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я безполезно изнываю
Въ странѣ пустынной и чужой.
Какъ тѣнь, вездѣ тоска со мною...
Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распаляющихъ лучей...
Почто, почто въ битвѣ кровавой,
Летая гордо на конѣ,
Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?

Почто съ безславіемъ иль со славой
Я не погибъ въ родной странѣ?
Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
Мнѣ такъ судилъ жестокій рокъ;
Умру я—и чужой песокъ
Изгнанника засыплетъ очи!

Кто читалъ записки декабристовъ, тотъ вспомнитъ, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ навертывались подобныя мысли, очень схожія съ мыслями Войнаровскаго, и какъ часто въ заточеніи они спрашивали себя—какъ спрашивалъ и Войнаровскій:

Что сталось съ родиной моей?
Кого въ Петрѣ—врага иль друга
Она нашла въ судьбѣ своей?

Надъ всѣми этими намеками и параллелями читатель 1825 г., конечно, не задумывался. Поэма Рылѣева пріобрѣла особый смыслъ лишь послѣ 14 декабря, когда всѣ могли подивиться ея пророческому дару предвѣдѣнія; вѣроятно, въ силу этого она и подверглась цензурнымъ преслѣдованіямъ.

Но и помимо этихъ аналогій, которыя получили свой смыслъ значительно позже, основная мысль поэмы могла еще до 14 декабря возбудить бдительность цензуры *) и, по свидѣтельству самого Рылѣева, цензура, дѣйствительно, нѣсколько ощипала «Войнаровскаго» [138], и поэма была напечатана съ пропусками, которые, однако, были восполнены въ ходившихъ по рукахъ спискахъ [139].

Основная мысль поэмы на первый взглядъ не заключала въ себѣ ничего либеральнаго; она была скорѣе патріотическая. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ Войнаровскому, авторъ

*) „Впрочемъ, вообще говоря, „Войнаровскій“ пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимокъ немного—этому онъ обязанъ Петру Александровичу Муханову († 1854), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественной литературой, много самъ для нея работалъ, и, плѣнясь поэтическими красотами „Войнаровскаго“ употребилъ всѣ старанія, чтобы провести его сквозь цензурныя колодки“ [137].

остался на сторонѣ Петра и возстаніе и измѣну Мазепы считалъ государственнымъ преступленіемъ. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, онъ и предпослалъ своей поэмѣ «жизнеописаніе Мазепы», написанное Корниловичемъ. Въ этой біографіи Корниловичъ, отдавая должное таланту Мазепы, не признавалъ въ немъ защитника вольностей малороссійскихъ; его измѣну онъ объяснялъ, какъ расчетъ личныхъ выгодъ, и указывалъ на его личное мелочное честолюбіе. Біографъ отказывался признать въ предательскомъ сердцѣ Мазепы чувство любви къ родинѣ. Рылѣевъ, повидимому, раздѣлялъ этотъ взглядъ Корниловича, потому что въ своемъ предисловіи къ поэмѣ писалъ: «Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть (!), въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ Мазепа употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя—но истина восторжествовала, и Провидѣніе наказало измѣнника».

Были ли эти слова написаны для цензуры *) или во

*) Безспорно, для цензуры были въ текстѣ помѣщены нѣкоторыя примѣчанія. На слова Войнаровскаго о томъ, что онъ брошенъ въ дальніе снѣга за дѣло чести и отчизны,—замѣчено: „Такъ извиняетъ свое преступленіе справедливо и милосердно наказанный Войнаровскій". Къ словамъ Мазепы, сказаннымъ Войнаровскому: готовъ ли онъ не пожалѣть себя за Украйну, замѣчено: „Напрасная забота! о благѣ Украйны пекся Великій Преобразователь Россіи". Противъ словъ Мазепы о томъ, что онъ рѣшился на измѣну, стоитъ: „Какая слава озарила бы Мазепу, если бы онъ содѣйствовалъ Петру въ незабвенную битву полтавскую! какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!" Къ словамъ Мазепы: „И Петръ и я—мы оба правы" сдѣлано такое примѣчаніе: „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавой. Удивительная дерзость—сравнивать себя съ Петромъ".

взглядѣ Рылѣева на Мазепу, дѣйствительно, не было единства, но только въ самой поэмѣ, всякій разъ, когда рѣчь заходила про Мазепу, авторъ отдавался не историческимъ воспоминаніямъ, а порыву собственныхъ гражданскихъ чувствъ, и патріотизмъ переходилъ въ либеральный пафосъ. Съ этимъ пафосомъ Мазепа говорилъ, напр., Войнаровскому:

„Я зрю въ тебѣ Украйны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они—враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ!..
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ случая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждетъ, иль поношенье.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!“

И Войнаровскій остался вѣренъ своему дядѣ, любя въ немъ не столько человѣка и родственника, сколько именно борца за свободу родины. Онъ относился къ Мазепѣ, какъ къ человѣку, даже критически и какъ бы въ укоръ ему подчеркивалъ свой собственный образъ мыслей, мыслей свободныхъ, мужественныхъ, республиканскихъ въ античномъ духѣ:

Онъ [Мазепа] приковалъ къ себѣ сердца;
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Украйны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ—
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя
Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть
Но никогда не въ силахъ я
Былъ замысловъ его проникнуть.
Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней.
И, странникъ, повторю: не знаю,
Что въ глубинѣ души своей
Готовилъ онъ родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и гласъ природы,
Его сразилъ бы первый я,
Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

Мазепа умеръ, никому не открывъ своихъ замысловъ, и всѣ, кто шелъ за его гробомъ, остались при убѣжденіи, что они съ Мазепой хоронятъ свободу своей родины. Такъ думалъ и Войнаровскій, и память о Мазепѣ была для него единственнымъ утѣшеніемъ въ тяжелые дни тоски и уныніи на дальнемъ сѣверѣ: все мнилось ему, что какъ отпрыскъ славнаго, вольнолюбиваго рода, онъ, Войнаровскій, можетъ быть еще нуженъ для великаго дѣла. Онъ говорилъ:

Съ душой, для счастія увялой,
Я вѣру въ счастье потерялъ:
Я много горя испыталъ,

Но, тяжкой жизнью недовольный,
Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
Спасенья въ смерти самовольной.
Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
Она кругомъ меня ходила
И груды труповъ громоздила
Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
Но никогда, ей въ очи глядя,
Не содрогнулся я душой;
Не забывалъ, стремяся въ бой,
Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
Чтить Брута съ дѣтства я привыкъ:
Защитникъ Рима благородный,
Душою истинно-свободный,
Дѣлами истинно-великъ.
Но онъ достоинъ укоризны—
Согражданъ самъ онъ погубилъ:
Онъ торжества враговъ отчизны
Самоубійствомъ утвердилъ...
Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
Но жизнь и смерть я презираю...
Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
Горитъ любовь къ родной странѣ;
Еще, быть можетъ, другъ народа
Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
И—достояніе отцовъ—
Воскреснетъ прежняя свобода!“...

Избирая Мазепу и его племянника выразителями своихъ гражданскихъ чувствъ и идеаловъ, Рылѣевъ, какъ видимъ, долженъ былъ чувствовать себя не очень ловко. Онъ самъ колебался въ оцѣнкѣ гражданскихъ добродѣтелей Мазепы, а за Войнаровскимъ особыхъ боевыхъ заслугъ не было. Для роли борцовъ за свободу родины исполнители были на этотъ разъ выбраны не вполнѣ удачно.

Рылѣевъ понималъ это и, окончивъ «Войнаровскаго», рѣшилъ ту же тему разработать въ новой поэмѣ. На этотъ разъ онъ остановился на личности гетмана Наливайки, на

одной изъ самыхъ героическихъ фигуръ въ исторіи борьбы казачества за вѣру и вольность.

Надъ поэмой «Наливайко» Рылѣевъ работалъ очень усердно, и незадолго до 14 декабря значительная ея часть была готова 140. Поэма была широко задумана, какъ это видно изъ сохранившейся въ бумагахъ Рылѣева программы *).

Дошедшіе до насъ отрывки представляютъ, однако, слишкомъ незначительный матеріалъ, чтобы судить о литературныхъ достоинствахъ всего произведенія, хотя и на этихъ отрывкахъ можно замѣтить, насколько стихъ Рылѣева окрѣпъ и сталъ болѣе образенъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ важна не столько художественная отдѣлка, сколько основная тенденція поэмы...

Это—та же пѣсня въ честь свободы, но уже совсѣмъ безъ оговорокъ и всякихъ неясностей. Наливайко, — настоящій мститель за буйства и утѣсненія, которыя поляки себѣ позволили надъ Украйной; онъ готовъ идти на убійства ради своей идеи, и все: и любовь его, и дружба принесены въ жертву одному гражданскому чувству, его безграничной жаждѣ свободы для своей родины. «Ты правъ», говоритъ онъ одному изъ своихъ друзей,—

Люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ...
Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;

*) Программа: Сельская картина. Нравы малороссіянъ. Кіевъ. Чувства Наливайки. Картины Украйны. Уніаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ. Походъ [Церковь. Пещера. Походъ казаковъ. Молитва Наливайки. Онъ можетъ и не хочетъ бѣжать]. Сраженіе. Тризна. Миръ. Лобода и Наливайко въ Варшавѣ [Наливайко въ темницѣ]. Казнь ихъ. Эпилогъ.

Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать,
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!..

И если есть средство возродить сердце раба для новой жизни, то оно только въ пробужденіи таящагося въ немъ чувства свободы. Обозрѣвая лихіе полки казаковъ, выступившіе съ нимъ въ походъ, Наливайко говоритъ своему другу:

Какъ измѣнилось все! Давно ли
Казакъ съ печали увядалъ,
Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
Возьмутъ свое права природы;
Безсмертна къ родинѣ любовь;
Раздастся гласъ святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь!

Нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и печальнаго, чѣмъ чувства порабощеннаго человѣка: даже улыбка весны развеселить его не можетъ. Среди общей радости поляковъ, евреевъ и уніатовъ—

Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
Что за веселье безъ свободы,
Что за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красы природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.
Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленнаго лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводитъ.

На нихъ и на себя призываетъ Наливайко Божіе благословеніе, и за нихъ и за себя онъ молится:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа:
Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возросла.
Я невиновенъ, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровь рѣкой:
Войну воздвигъ я не для славы,—
Я поднялъ мечъ за край родной.
Ты лицемѣровъ ненавидишь,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видишь
Ты проницаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердецъ...

Когда, наконецъ, созрѣлъ его замыселъ, и Наливайко видитъ себя вынужденнымъ начать дѣло кроваваго освобожденія, онъ, «какъ благоговѣйный сынъ» церкви, очищаетъ душу свою постомъ и отдаетъ исповѣдь печерскому схимнику.

Эта «Исповѣдь»—самое сильное мѣсто въ поэмѣ *). Она была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 годъ и стала случайно предсмертнымъ стихотвореніемъ Рылѣева **). Самъ авторъ былъ ею очень доволенъ и писалъ Пушкину: «Въ «Исповѣди»—мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайко, хотя, наоборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла» [143].

*) „Рылѣевъ часто бывалъ у меня,—разсказываетъ Д. Завалишинъ,—но всегда одинъ, совѣтовался со мной даже насчетъ своихъ литературныхъ произведеній, и, конечно, никому неизвѣстно, что вся его тема для исповѣди Наливайки дана была мною, а Рылѣевъ только переложилъ ее въ стихи въ моемъ присутствіи и съ моими поправками" [143]. Но это едва ли вѣрно.

**) „Этотъ несчастный молодой человѣкъ (Рылѣевъ) подъ тайнымъ предчувствіемъ будущей судьбы своей разсказалъ собственную исторію въ „Исповѣди Наливайко". Слова Ансело, который въ 1826 году путешествовалъ по Россіи [142].

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокій, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссіи родной,
Чтобъ только русскому народу
Вновь возвратить его свободу [144] *).
Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужъ не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Мнѣ адъ—Украйну зрѣть въ неволѣ,
Ее свободной видѣть—рай!...
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда объятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ былъ,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ—
Какъ стая кровожадныхъ враговъ,
Терзаютъ безпощадно насъ.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышенъ гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.

---

*) Въ рукописи къ этимъ стихамъ такой варіантъ:

Ахъ, если бъ возвратить я могъ
Порабощенному народу
Блаженства общаго залогъ—
Былую праотцевъ свободу!

Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ:
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь, и день
Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь:
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
„Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
„Пора губить враговъ Украйны!“
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!“

Поэма «Наливайко», какъ и «Войнаровскій», тоже получила особый смыслъ послѣ 14 декабря 1825 года. Она была точнымъ поэтическимъ возсозданіемъ тѣхъ чувствъ, какими былъ полонъ Рылѣевъ въ послѣдній годъ своей жизни.

Достоинство «Поэмъ» и ихъ серьезное содержаніе были сразу замѣчены современниками.

Одинъ изъ современниковъ Н. А. Маркевичъ писалъ Рылѣеву: «До сихъ поръ я писалъ вамъ, какъ человѣкъ, который любитъ стихи, но знаетъ цѣну своимъ собственнымъ; теперь позвольте мнѣ вамъ писать, какъ истинный гражданинъ своего любезнаго отечества, какъ добрый малороссіянинъ... Итакъ, могу ли я хладнокровно читать «Войнаровскаго» и «Наливайку»? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Будьте увѣрены, что благодарность наша искренняя, что мы отъ души чув-

ствуемъ цѣну трудовъ вашихъ, которые васъ и предковъ нашихъ прославляютъ. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіянъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка. Примите нашу общую благодарность: вы много сдѣлали, очень много! Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на усмиреніе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть презрѣніемъ цѣлые народы, и они ему платятъ презрѣніемъ.. Но слава тому, кто прославляетъ величіе души человѣческой, и кому народы цѣлые должны воздавать благодарность. «Исповѣдь Наливайки» врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также» [145].

Приблизительно то же писалъ Рылѣеву и другой его пріятель П. А. Мухановъ (декабристъ). «Войнаровскій», твой почтенный дитятко,—писалъ онъ,—попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ здѣшнихъ любителей и съѣздилъ въ Одессу... «Войнаровскій» твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову (члену тайнаго общества), который имъ любовался; Пушкинъ тоже. И тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить [146]... Вообще находятъ въ твоей поэмѣ много чувства, пылкостп. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелитъ души, но много нагихъ мѣстъ, которыя ты долженъ бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ говоритъ, что, соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты бы чрезвычайно украсилъ свою поэму» [147].

Большой успѣхъ «Войнаровскаго» и «Наливайко» отмѣчаетъ и декабристъ А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ [148]. Н. Бестужевъ ставилъ «Войнаровскаго» по «соображенію и духу» выше всѣхъ поэмъ Пушкина [149], хотя и признавалъ, что по стихосложенію поэма Рылѣева не можетъ равняться даже съ самыми слабыми стихами Пушкина *).

*) Н. Бестужевъ въ оцѣнкѣ Пушкина держался вообще того мнѣнія, что Пушкинъ „не постигъ примѣненія своего таланта и

Въ большомъ восхищеніи отъ отрывковъ «Наливайки» былъ и Дельвигъ [150].

Пушкинъ относился къ поэмамъ Рылѣева болѣе сдержанно, чѣмъ другіе, но и онъ, прочитавъ ихъ, значительно повысилъ свое мнѣніе о Рылѣевѣ, какъ о поэтѣ. «Съ Рылѣевымъ мирюсь,—писалъ онъ брату:—«Войнаровскій полонъ жизни». «Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его «Думъ»,—говорилъ онъ Бестужеву:—слогъ Рылѣева возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ». «Если «Палѣй» пойдетъ, какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ (на Парнассѣ)», читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ Л. С. Пушкину. Ему же онъ писалъ изъ деревни, что «Войнаровскій» ему очень нравится, и что ему скучно, что его здѣсь нѣтъ у него». «Откуда ты взялъ,—писалъ онъ Бестужеву,—что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его «Думахъ» я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ: я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай: да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ «Войнаровскаго» и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Бога, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе!» «Чернецъ» Козлова полонъ чувства и умнѣе «Войнаровскаго», но въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ» [151].

Самому Рылѣеву Пушкинъ писалъ: «Жду «Полярной Звѣзды» съ нетерпѣніемъ: знаешь, для чего? для «Войнаровскаго». Эта поэма нужна была для нашей словесности»; и

употребилъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало", что онъ „искалъ вѣрныхъ, красивыхъ разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи, ласкающей ухо, и проходилъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли". Бестужевъ говорилъ, что если перевести сочиненія Рылѣева и Пушкина на иностранный языкъ, то Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева.

въ концѣ письма Пушкинъ прощается съ Рылѣевымъ словами: «Прощай, *поэтъ*» 152*).

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ **) видно, какъ единодушно былъ всѣми признанъ быстрый ростъ таланта Рылѣева ***).

---

*) Въ „Войнаровскомъ“ Пушкину особенно нравилось описаніе казни Кочубея, которую Мазепа видитъ во снѣ. „Есть у него,—писалъ Пушкинъ Вяземскому,—какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. Слова эти относятся къ слѣдующимъ стихамъ въ поэмѣ:

„Вотъ, вотъ они!... При нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!..“

Н. Бестужевъ утверждаетъ, что противъ стиха „вотъ засучилъ онъ рукава“ Пушкинъ написалъ на поляхъ своего экземпляра (который онъ вернулъ Рылѣеву со своими замѣтками): „Продай мнѣ этотъ стихъ“.

**) Ихъ немного, такъ какъ послѣ 14 декабря имя Рылѣева въ печати не попадалось.

***) Если вѣрить А. О. Смирновой, то „Войнаровскій“ понравился и императору Николаю Павловичу. Въ своихъ запискахъ она пишетъ: „Когда схватили бумаги Рылѣева, Одоевскаго, Кюхельбекера и Бестужевыхъ-Рюминыхъ [т. е., просто Бестужевыхъ], полиція отложила отдѣльно литературныя рукописи. Бенкендорфъ сохранилъ ихъ и отдалъ ихъ Государю только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса. Государь прочелъ ихъ. Мнѣ кажется, что Рылѣевъ напечаталъ „Войнаровскаго“ около 1825 г. „Думы“—раньше, но Государь не былъ знакомъ съ ними. Онъ говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя о томъ, что не зналъ, что у Конрада [sic] Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы—поэты. Онъ даже сказалъ Жуковскому, что „Дума о царевичѣ Алексѣѣ“ очень хороша и „Олегъ“ тоже, что „Дума объ

На поэта возлагались большія надежды, и онѣ, конечно, могли оправдаться, если бы не катастрофа, которая заставляетъ насъ теперь оцѣнивать значеніе Рылѣева, какъ поэта, въ сущности по первымъ опытамъ, а отнюдь не по произведеніямъ вполнѣ зрѣлымъ.

Анны Іоанновны" слишкомъ фантастична, что Пушкинъ гораздо лучше понялъ Мазепу и Карла XII, и что „Войнаровскій" былъ только авантюристъ, но что въ этой поэмѣ есть прекрасные стихи. Онъ хвалилъ стихотворенія Рылѣева и Одоевскаго. Тогда Жуковскій далъ ему копію со стихотвореній, написанныхъ ими въ крѣпости, и они очень тронули Государя. Онъ сказалъ ему тогда: „Я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ: мы еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ" [153].

XIII.

При всѣхъ своихъ недочетахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ поэзія Рылѣева, какъ мы могли убѣдиться, имѣла свои достоинства. Для развитія и блеска нашей стихотворной рѣчи, она, однако, успѣла мало сдѣлать.

Рылѣевъ въ той формѣ, которую онъ придавалъ своимъ стихамъ, былъ недурнымъ ученикомъ Жуковскаго и Пушкина. Но и въ этомъ смыслѣ его нельзя поставить на одну доску съ Языковымъ, Баратынскимъ, или Веневитиновымъ, изъ которыхъ каждый разработалъ самостоятельно извѣстную область художественнаго творчества,—кто элегію, кто веселую пѣсню, кто философскую лирику.

У Рылѣева не было такой пѣсни, которая бы носила на себѣ отпечатокъ его индивидуальности, именно какъ *художника*. Онъ писалъ недурныя лирическія пѣсни любовнаго типа, возвышался до патетической стихотворной рѣчи, умѣлъ при случаѣ набросать колоритный пейзажъ или пейзажъ съ настроеніемъ; ему удавался иногда эпическій разсказъ, и, конечно, всего сильнѣе, какъ поэтъ, бывалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ стихахъ говорилъ о своихъ гражданскихъ чувствахъ, но вездѣ и всегда въ этихъ стихахъ чувствовался недостатокъ поэзіи, и ни одно изъ стихотвореній не можетъ быть названо художественно законченнымъ или совершеннымъ.

«Въ поэтической дѣятельности Рылѣева,—говорилъ кн. Вяземскій,—не было ничего такого, что могло бы въ будущемъ обѣщать великія поэтическія созданія. Что было въ немъ поэтическаго, онъ все высказалъ. Стало быть, не въ литературномъ отношеніи можно сожалѣть о преждевременной погибели его. Можно въ немъ оплакивать только человѣка,

увлеченнаго при жизни фанатизмомъ политическимъ, возросшимъ до крайней степени и, вѣроятно (!), безкорыстнымъ»[154]. Этотъ отзывъ старика-Вяземскаго не согласуется съ тѣмъ, что говорилъ тотъ же Вяземскій въ дни своей юности, когда онъ хвалилъ поэзію Рылѣева за то, что она такъ выгодно выдѣлялась среди одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній того времени. И въ этомъ раннемъ отзывѣ больше правды, чѣмъ въ позднѣйшемъ. Если отъ Рылѣева, дѣйствительно, нельзя было ожидать великихъ поэтическихъ созданій, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ, какъ поэтъ, «все высказалъ, что имѣлъ сказать». Онъ умеръ на зарѣ своей литературной дѣятельности, и талантъ его—не только не остановился въ своемъ развитіи, но крѣпъ съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе обнаруживалась оригинальность этого таланта, потому что, при всей своей зависимости отъ учителей въ поэтической формѣ и въ языкѣ, онъ, какъ вѣрно выразился одинъ историкъ[155],—въ мотивахъ своей поэзіи былъ поэтомъ самостоятельнымъ.

Оригинальность поэзіи Рылѣева заключена, конечно, въ ея гражданскихъ мотивахъ. Уже давно установлено, что онъ имѣетъ право на названіе нашего перваго пѣвца гражданской скорби и гражданскаго гнѣва, и его давно уже признали предшественникомъ Некрасова. Какъ авторъ «Думъ», онъ можетъ быть названъ предшественникомъ и Алексѣя Толстого, который въ своихъ «Балладахъ» историческими воспоминаніями и образами стремился пояснить общественные идеалы своего времени.

Отмѣчая такую оригинальность поэзіи Рылѣева, необходимо, однако, оговориться. Литературное произведеніе съ рѣзкой общественной, гражданской и даже политической тенденціей не было новостью въ годы, когда Рылѣевъ выступалъ со своей пѣснью. По силѣ и рѣшимости пѣсня Рылѣева была даже слабѣе и сдержаннѣе многаго, что въ этомъ духѣ было писано до Рылѣева. Но за Рылѣевымъ остается одна большая заслуга,—онъ былъ первый популяризаторъ гражданскихъ

чувствъ, умѣвшій придавать имъ достаточно удачную поэтическую форму, и она, помимо своей литературной цѣнности, завоевала себѣ право на легкое, свободное обращеніе,—право, которымъ не пользовалось ни одно изъ произведеній, родственныхъ поэзіи Рылѣева и пущенныхъ въ оборотъ раньше его пѣсенъ.

Нѣсколько историческихъ справокъ помогутъ намъ опредѣлить значеніе поэзіи Рылѣева среди однородныхъ ей литературныхъ памятниковъ.

Общая связь поэзіи Рылѣева съ политической мыслью его времени ни для кого не была тайной. Одинъ изъ участниковъ движенія 14 декабря, баронъ В. И. Штейнгель, въ своемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу,—въ письмѣ, въ которомъ онъ излагалъ царю, насколько либеральный образъ мыслей былъ терпимъ и распространенъ наканунѣ 14 декабря,—писалъ:

«Хотя цензура постепенно сдѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ небывалый въ Россіи—IX томъ Исторіи Россійскаго государства, смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченнаго самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобнаго мало представляетъ исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ, ничего не значущимъ, какъ-то: «ангельская красота», «рокъ» и проч., она пропускала статьи, подобныя «Волынскому», «Исповѣди Наливайки» и «Братьевъ-Разбойниковъ» и пр. Передъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 22 № «Сѣв. Архива» показалась статья объ избраніи Годунова на царство» [156]. Въ подтвержденіе своей мысли баронъ Штейнгель указывалъ также на запрещенныя стихотворенія Пушкина и на басню Дениса Давыдова «Голова и ноги».

Этотъ списокъ можно было бы увеличить, и мы увидали бы, что поэзія Рылѣева имѣла весьма замѣтныхъ предшественниковъ.

Она, дѣйствительно, примыкала съ одной стороны. къ дозволенному кодексу гражданской морали, которую Карамзинъ проповѣдывалъ въ IX томѣ своей исторіи *), а также и Державинъ въ своихъ одахъ **); съ другой стороны, она примыкала къ самой настоящей свободомыслящей поэзіи, которая отъ прославленія гражданской добродѣтели смѣло переходила къ политической программѣ.

Въ этомъ смыслѣ прямой предшественницей стихотвореній Рылѣева была знаменитая ода «Вольность», которую Радищевъ въ 1790 году включилъ въ свое «Путешествіе». Эту оду въ Москвѣ не хотѣли печатать, потому что предметъ такихъ стиховъ былъ «несвойственъ нашей землѣ». Неуклюжая, литературно совершенно не отдѣланная ода взывала къ вольности, которая должна была исполнить своимъ жаромъ сердце рабовъ; она взывала къ Бруту и Теллю; по своему пересказывала цитаты изъ «Общественнаго договора» Руссо: воспѣвала «законъ» для всѣхъ равный; клеймила суевѣріе священное, которое въ союзѣ съ политическимъ суевѣріемъ крѣпнетъ и гнететъ общество; она говорила о властителѣ, который, сѣвши властно на грозномъ тронѣ, зритъ въ народѣ одну лишь «подлу тварь» и не думаетъ о томъ, что можетъ прійти мститель «склепанныхъ народовъ». Ода необычайно откровенно говорила объ этомъ мстителѣ, призывая всѣ громы на голову тирана; въ послѣднихъ строфахъ она вызывала кровавую тѣнь короля Карла I англійскаго и пророчила «вольности» великую будущность. Если со-

*) Рылѣевъ высоко цѣнилъ Карамзина за этотъ томъ. „Въ своемъ уединеніи, писалъ Рылѣевъ Булгарину лѣтомъ 1821 г.,— прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться: тиранству ли Іоанна или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома“ [Рылѣевъ посылалъ Булгарину свою Думу „Курбскій“].

**) Мы знаемъ [см. Думу „Державинъ“], какъ высоко Рылѣевъ ставилъ Державина, именно какъ гражданина.

брать изъ сочиненій Рылѣева все острое и жгучее, то оно окажется болѣе слабымъ и блѣднымъ (по смыслу, конечно), чѣмъ любая строфа этой старой вольнодумной оды, которая сохранилась, однако, въ памяти у весьма немногихъ, судя по тому, что ни въ сочиненіяхъ, ни въ частныхъ письмахъ либераловъ тѣхъ годовъ она слѣда почти не оставила.

Къ числу такихъ же предшественницъ пѣсни Рылѣева нужно отнести и знаменитую нѣкогда (1796) трагедію Княжнина «Вадимъ Новгородскій». Трагедія, въ конечномъ своемъ выводѣ, необычайно благонамѣренная,—она была направлена къ тому, чтобы убѣдить зрителей въ необходимости сильной и единой власти (въ лицѣ Рюрика). Но въ то же время устами Вадима (противника Рюрика), она высказывала необычайно смѣлыя сужденія о властителяхъ и власти и принимала на себя защиту вольности вообще и новгородской въ частности. Въ ней можно было прочитать настоящій призывъ къ возстанію противъ утѣснителей свободы, плачъ надъ судьбой народа, который утратилъ и силу, и доблесть, подчинившись владыкѣ, и гордое величаніе героя республиканца, который, не въ силахъ будучи пережить униженія отчизны, предпочитаетъ пронзить себя собственнымъ мечомъ, чѣмъ признать надъ собой какую-либо власть, въ выборѣ которой онъ не участвовалъ.

Всѣ такія вольныя рѣчи были сказаны задолго до того, какъ началъ говорить Рылѣевъ.

Но и среди своихъ сверстниковъ Рылѣевъ имѣлъ соперниковъ, очень сильныхъ. Назвать хотя бы молодого Пушкина—автора эпиграммъ и знаменитой «Вольности» (1817—1819).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Рылѣевъ читалъ всѣ эти поэтическіе памятники вольной русской мысли, хотя во всемъ, что онъ писалъ, о нихъ нѣтъ упоминанія.

Итакъ, новаторомъ въ поэзіи назвать Рылѣева нельзя. Основной гражданскій мотивъ его лирическихъ пѣсенъ и эпическихъ опытовъ былъ не новъ: въ общей сентиментальной и дидактической формѣ онъ встрѣчался у Карамзина и Державина, а въ формѣ болѣе частной, какъ политическая пропо-

вѣдь,—въ такъ называемыхъ запрещенныхъ сочиненіяхъ. Что же касается поэтической формы, въ которую облекся этотъ основной мотивъ поэзіи Рылѣева, то она, какъ мы видѣли, большой цѣнности не имѣла.

Порознь взятыя, и форма, и содержаніе стихотвореній Рылѣева не представляются чѣмъ-нибудь особенно сильнымъ, но именно въ сочетаніи этой формы и этого содержанія заключалось все значеніе его стиховъ. Рылѣевъ былъ первый, который пустилъ въ общій литературный оборотъ такія темы. Онъ придалъ новую окраску нашей лирикѣ и эпосу, стараясь пропитать насквозь гражданскимъ чувствомъ и оду, и посланіе, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую пѣснь, и даже пѣснь любовную. Вездѣ онъ желалъ быть гражданиномъ, не переставая быть поэтомъ,—чего до него никто не дѣлалъ *). Какъ гражданинъ, Рылѣевъ созрѣлъ очень рано, а какъ поэтъ,—опаздывалъ въ своемъ развитіи, и его поэзія заняла въ исто-

*) Н. Бестужевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ даетъ такую оцѣнку поэзіи Рылѣева въ ея цѣломъ. „Единственная мысль, постоянная его идея была,—пишетъ онъ,—пробудить въ душахъ своихъ соотечественниковъ чувствованіе любви къ отечеству. Такое намѣреніе уже само по себѣ носитъ отпечатокъ поэзіи, гдѣ бы оно ни было приведено въ исполненіе; но становится совершенно поэтическимъ, когда, окруженные шпіонами деспотизма, посреди рабскихъ похвалъ, посреди боязливой лести и трусливаго подобострастія, посреди цѣлой имперіи, стенящей подъ игомъ тяжкаго самоуправства, мы вдругъ внимаемъ голосу поэта, возвѣщающаго намъ высокія истины, впервые нами слышимыя, но знакомыя нашему сердцу. Сама природа влагаетъ въ насъ понятіе о свободѣ, и это понятіе, этотъ слухъ сердца такъ вѣрны, что какъ бы ни заглушали ихъ, они отзовутся при первомъ воззваніи“.

Такимъ образомъ поэтическая цѣнность стиховъ Рылѣева, по мнѣнію Бестужева, доказывалась политической ихъ ролью.

Если вѣрить Герцену, то „революціонные стихи Рылѣева и Пушкина были въ рукахъ у молодежи даже въ сѣрой, глухой провинціи. Ихъ знали наизусть всѣ болѣе или менѣе образованныя барышни, офицеры носили ихъ при себѣ, и сыновья священниковъ снимали съ нихъ копіи въ дюжинахъ экземпляровъ [157].

ріи нашего стихотворнаго творчества довольно неопредѣленное мѣсто. По своему содержанію она была не сильнѣе, чѣмъ многія предшествовавшія ей попытки въ этомъ родѣ, попытки, имѣвшія исключительно въ виду одну лишь гражданскую или политическую тенденцію; по своей формѣ она была менѣе совершенна, чѣмъ пѣсня или эпосъ его современниковъ, которые отдавались вполнѣ свободному творчеству и воспитывали въ себѣ прежде всего поэтовъ.

Пѣсня Рылѣева—недопѣтая пѣсня, торопливая и, главное, пѣсня, еще не достигшая той внутренней и внѣшней гармоніи, которую она обѣщала.

Эта пѣсня, какъ извѣстно, оборвалась трагично и неожиданно. Никто, конечно, не могъ предвидѣть, что поэтъ кончитъ такъ печально, но онъ самъ, со страшной быстротой увлекаемый политической агитаціей, какъ будто чуялъ бѣду и пріучалъ себя къ ней, стремясь мечтой проникнуть въ душу людей, погибшихъ въ борьбѣ за политическую идею или ссылкой искупающихъ свое увлеченіе ею.

Рѣшительность и смѣлость, съ какой Рылѣевъ перешелъ за предѣлъ пожеланій, мечтаній и словъ, были изумительны.

XIV.

Первое тайное общество, въ которое вступилъ Рылѣевъ, была масонская ложа. Попалъ онъ въ нее еще въ 1820 году, когда, только-что женившись, на короткій срокъ пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ вступилъ въ это общество, какъ вступали тогда весьма многіе молодые люди, побуждаемый, вѣроятно, болѣе общенравственными соображеніями, чѣмъ политическими. Ложа называлась «Пламенѣющей Звѣздой», и дѣла и пренія велись въ ней на нѣмецкомъ языкѣ. Рылѣевъ числился «братомъ первой степени». Какое участіе принималъ онъ въ масонской «работѣ» и часто ли онъ посѣщалъ свою ложу, мы не знаемъ, но есть основаніе думать, что эта работа была очень скромная, и о личности Рылѣева сами «братья» имѣли представленіе довольно смутное *).

Со вступленіемъ въ тайное политическое общество, Рылѣеву, конечно, уже не оставалось времени для другой тайной работы.

---

*) Такъ, въ спискѣ членовъ онъ названъ „офицеромъ гвардіи" [38], тогда какъ онъ въ 1820 году офицеромъ уже не былъ и въ гвардіи никогда не служилъ. Д. Кропотовъ держится противнаго мнѣнія и говоритъ о *дѣятельномъ* участіи Рылѣева въ масонскихъ дѣлахъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ минуту ареста Рылѣевъ просилъ свою жену озаботиться истребленіемъ однихъ только масонскихъ бумагъ, лежавшихъ особо въ его кабинетѣ, которыя къ утру 14 декабря и были сожжены [39]. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній на масонскую дѣятельность Рылѣева и потому не можемъ даже утверждать, что, числясь въ нѣмецкой ложѣ, онъ тѣмъ самымъ былъ обязанъ знать хорошо нѣмецкій языкъ.

Рылѣевъ былъ принятъ въ Петербургское или Сѣверное тайное общество въ началѣ 1823 года, когда общество состояло изъ немногихъ членовъ и готово было распасться. Главой общества сначала былъ Никита Муравьевъ, затѣмъ, въ концѣ 1823 года къ нему были присоединены князья Трубецкой и Оболенскій. Когда черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ Кіевъ, на его мѣсто членомъ директоріи или думы былъ назначенъ Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи директоры или правители были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ.

Со времени вступленія Рылѣева въ думу, общество стало обнаруживать бо́льшую и болѣе безпокойную дѣятельность. Принимая во вниманіе характеръ Рылѣева, этому легко повѣрить, но въ чемъ именно заключалась дѣятельность Рылѣева 1823-1824 годовъ — объ этомъ свѣдѣній очень мало. Настоящая его дѣятельность началась только въ 1825 году, а до этого года время уходило, кажется, главнымъ образомъ на организацію совѣщаній и на споры о политическихъ программахъ. Рылѣевъ принималъ въ этихъ совѣщаніяхъ и спорахъ близкое участіе, образъ мыслей его становился все радикальнѣе и радикальнѣе, рѣчи, достаточно, впрочемъ, неустойчивыя, все горячѣе и рѣшительнѣе.

Общество расширялось, но очень медленно, и даже ближайшее дѣло, которое само собой напрашивалось, т. е. объединеніе существующихъ тайныхъ обществъ сѣвернаго и южнаго, согласованіе ихъ дѣйствій—такъ и не двинулось впередъ до самаго критическаго момента, когда обѣ группы, вступивъ съ правительствомъ въ открытую борьбу, стали дѣйствовать безъ всякаго соглашенія и выработаннаго сообща плана.

Въ этомъ, впрочемъ, Рылѣевъ былъ виноватъ менѣе другихъ. Когда въ 1824 году П. И. Пестель—глава южнаго общества—пріѣзжалъ въ Петербургъ для переговоровъ о взаимномъ соглашеніи, Рылѣевъ встрѣтилъ его недружелюбно. Причины ихъ несогласія, даже, кажется, ссоры, лежали частью въ несходствѣ ихъ политическихъ программъ, частью въ ихъ пси-

хической организаціи---въ паосѣ Рылѣева и въ разсчетливости Пестеля *). «Пестель, — говорилъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ **), — пріѣзжалъ въ Петербургъ съ разными предложеніями, но они всѣ были отвергнуты, ибо правила, принятыя здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), не сходствовали съ тѣми, кои служили основаніемъ предложеній Пестеля: онъ былъ совершенно противъ конституціи, написанной Никитою Муравьевымъ. Я видѣлся съ Пестелемъ одинъ разъ. Онъ говорилъ о необходимости соединенія здѣшняго общества съ южнымъ и о недостаткахъ конституціи Никиты Муравьева. Замѣтивъ въ немъ хитраго честолюбца, я уже больше не хотѣлъ съ нимъ видѣться». Непріятное впечатлѣніе произвелъ Пестель не на одного только Рылѣева. Когда Рылѣевъ высказалъ свои подозрѣнія, что Пестель—человѣкъ опасный и для Россіи, и для видовъ общества, и когда Рылѣевъ предлагалъ даже соединеніе обществъ, но съ опредѣленной цѣлью—чтобы не выпускать Пестеля изъ виду и наблюдать за нимъ ***),—всѣ

---

*) Едва ли правъ кн. Оболенскій, который пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Пестель, познакомившись черезъ насъ съ Кондратіемъ Федоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ его къ собственному воззрѣнію на цѣль общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, это сближеніе имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева“ [160]. Этимъ словамъ противорѣчатъ показанія самого Рылѣева.

**) Всѣ свѣдѣнія о политической дѣятельности Рылѣева, поскольку они даны имъ самимъ, взяты изъ „дѣла“ о немъ, хранящагося въ Государственномъ Архивѣ. Самое существенное изъ этого „дѣла“ перепечатано *А. Бороздинымъ* въ его изданіи „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“ [161].

***) „Главнымъ препятствіемъ соединенію общества, — писалъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ.—Трубецкой предполагалъ конституцію Никиты Муравьева, которая не нравилась Пестелю потому, что она въ духѣ своемъ была совершенно противоположна образу мыслей и конституціи, составленной самимъ Пестелемъ. Причемъ я сказалъ, что въ этомъ находить препятствіе есть знакъ самолюбія..

*

члены сѣвернаго общества съ этимъ согласились, хотя честолюбивые замыслы Пестеля такъ ихъ напугали, что отъ мысли объединиться съ южнымъ обществомъ они въ концѣ концовъ все-таки отказались *). Такимъ образомъ, было упущена

„Во время совѣщанія, бывшаго у меня, о соединеніи обществъ, Трубецкой говорилъ также, что Пестель требуетъ настоятельно, дабы введеніе новаго порядка вещей произвесть черезъ временное правленіе и чтобы въ оное назначить директоровъ общества. Этотъ и прежній разговоръ мой съ Пестелемъ заставили меня объявить свое на него подозрѣніе. Причемъ сказалъ я, что Пестель—человѣкъ опасный для Россіи и для видовъ общества, и что и поэтому даже соединеніе обществъ необходимо, дабы не выпускать его изъ виду и знать всѣ его движенія. Съ этимъ также были согласны всѣ. Несмотря на то, соединеніе общества не послѣдовало потому, что члены думы стали подозрѣвать Пестеля въ честолюбивыхъ замыслахъ, а также почитали необходимымъ до соединенія освѣдомиться обстоятельнѣе о силахъ и настоящей цѣли южнаго общества“.

*) „Пестель,—говорилъ Рылѣевъ,—вѣроятно, желая вывѣдать меня, въ два часа разговора со мной былъ и гражданиномъ Сѣверо-Американской республики, и наполеонистомъ, и террористомъ, то защитникомъ англійской конституціи, то поборникомъ испанской. Напримѣръ, онъ соглашался со мной, что образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ есть самый приличный и удобный для Россіи. Когда же я замѣтилъ, что Россія къ сему образу правленія еще не готова, т. е. къ чисто республиканскому, Пестель сталъ выхвалять государственный уставъ Англіи, приписывая оному настоящее богатство, славу и могущество сего государства. Спустя нѣсколько времени онъ согласился со мной, что уставъ Англіи уже устарѣлъ, что теперешнее просвѣщеніе народовъ требуетъ большей свободы и совершенства въ управленіи, что англійская конституція имѣетъ множество пороковъ и обольщаетъ только слѣпую чернь, лордовъ, купцовъ „да близорукихъ англикановъ“—подхватилъ Пестель. Потомъ много говорилъ онъ въ похвалу испанскаго государственнаго устава и, наконецъ, зашла рѣчь о Наполеонѣ. Пестель воскликнулъ: „Вотъ истинно великій человѣкъ, по моему мнѣнію; уже если имѣть надъ собою деспота, то имѣть Наполеона. Какъ онъ возвысилъ Францію, сколько создалъ новыхъ фортунъ! онъ отличалъ незнатность и дарованія“. Понявъ, куда все это клонится, я сказалъ: „Сохрани

возможность болѣе согласованнаго и рѣшительнаго дѣйствія, которымъ Пестель по природѣ своей способенъ былъ руководить, и которое должно было затормозиться и запутаться, подъ руководствомъ такихъ совершенно не политическихъ и не организаторскихъ головъ, какими были Рылѣевъ и его сѣверные товарищи[163]. Сами главари сѣвернаго общества признавали впослѣдствіи, что «общество находилось подъ вліяніемъ правителей ревностныхъ и дѣятельныхъ, но не успѣвшихъ еще пріобрѣсти опытность въ дѣлахъ»[164].

Этой опытностью менѣе всего обладалъ Рылѣевъ, хотя въ минуты болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу и онъ понималъ всю слабость наличныхъ силъ, съ которыми приходилось дѣйствовать. Если въ частныхъ бесѣдахъ онъ стремился—какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ—«представлять дѣла общества въ лучшемъ видѣ, чѣмъ они были, и въ подлинныхъ разговорахъ говорилъ о распространеніи числа членовъ»[165] то, какъ видно изъ его показаній, онъ все-таки не самообольщался насчетъ силы, какой всѣ они располагали. Тотъ же Н. Бестужевъ заставляетъ Рылѣева признать всю слабость ихъ организаціи[166], а самъ Рылѣевъ въ бесѣдѣ съ Трубецкимъ признавался, что сѣверное общество «совершенно ничего не можетъ сдѣлать, если прочіе члены думы будутъ дѣйствовать по-прежнему». О себѣ же самомъ онъ говорилъ, что онъ «безполезная жертва» *).

насъ Богъ отъ Наполеона. Да, впрочемъ, этого и опасаться нечего,—въ наше время даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ". „Разумѣется, — отвѣчалъ Пестель.—Я только хотѣлъ сказать, что не должно опасаться честолюбивыхъ замысловъ, что если бы кто и воспользовался нашимъ переворотомъ, то ему должно быть вторымъ Наполеономъ, а въ такомъ случаѣ всѣ мы останемся не въ проигрышѣ". Въ Пестелѣ тогда, дѣйствительно, „подозрѣвали" Наполеона. Н. И. Тургеневъ сравнивалъ, напр., Рылѣева съ Вашингтономъ, а Пестеля - съ Бонапарте[162].

*) Злобствующій на Рылѣева Д. Завалишинъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Во всѣхъ оффиціальныхъ донесеніяхъ и разсказахъ

Несмотря на такой печальный взглядъ, энергія Рылѣева не ослабѣвала, и всѣ, кто помнитъ его на собраніяхъ,—сохранили въ своей памяти его восторженный обликъ и нервно напряженную рѣчь.

«Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ,—свидѣтельствуетъ Н. Бестужевъ,—и овладѣвалъ другими не тонкостями реторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что онъ хотѣлъ выразить, точно какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива, и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаніемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно вразумить; но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ». Онъ былъ «Шиллеръ заговора и всей молодой Россіи» какъ выражался—Герценъ [168].

Судьи отмѣтили въ своемъ обвиненіи эту востор-

партизановъ правительственной стороны старались представить движеніе 14-го декабря и участіе въ немъ войскъ ничтожнымъ. Это была положительная ошибка съ ихъ стороны, годная развѣ на то только, чтобы уменьшить вину распорядителей возстанія. Къ несчастью ихъ, безпристрастіе исторіи заставляетъ сказать, что силы, находившіяся въ ихъ распоряженіи, были огромныя (?), дѣйствія солдатъ и второстепенныхъ дѣятелей за малыми исключеніями не оставляли желать ничего лучшаго (?), но дѣйствія главныхъ распорядителей—Трубецкого, Рылѣева и Оболенскаго, были до того дурны и слабы, что они проиграли дѣло, несмотря на то, что и съ правительственной стороны были сдѣланы всевозможныя ошибки, такъ что я всегда говорилъ, что 14 декабря обѣ стороны играли какъ бы въ „поддавки“ [167].

женность Рылѣева и его суетливость, которыя дали имъ поводъ думать, что онъ былъ душой всего заговора. Рылѣевъ самъ укрѣпилъ ихъ въ этомъ мнѣніи, признавая себя главнымъ виновникомъ происшествій 14 декабря. «Я могъ все остановить, -говорилъ онъ своимъ судьямъ,—и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ее заслуживаю и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ, и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, отечеству и доброму Государю его великодушіемъ и милосердіемъ».

Если Рылѣевъ и кипятился, то само дѣло двигалось все-таки очень медленно.

Дѣятельность Рылѣева состояла, главнымъ образомъ, въ привлеченіи новыхъ членовъ и въ устройствѣ собраній. Онъ принялъ въ общество многихъ: А. Бестужева и Каховскаго (которые составляли его «отрасль»), Сутгофа, Кожевникова, князя Одоевскаго, Николая, Петра и Михаила Бестужевыхъ, Торсона, Батенкова, Панова, В. Кюхельбекера, Д. Завалишина, Арбузова и другихъ *).

---

*) У Рылѣева была, кажется, мысль пристегнуть къ обществу Грибоѣдова и Хомякова. Трубецкой утверждалъ, что онъ слышалъ, будто Рылѣевъ принялъ Грибоѣдова въ члены. Рылѣевъ на судѣ отвергъ это, говоря, что Грибоѣдовъ „полагалъ Россію къ конституціонному правленію не готовою и съ неохотой входилъ въ сужденіе о семъ предметѣ. Грибоѣдовъ же показалъ, что Рылѣевъ ему о тайныхъ политическихъ замыслахъ ничего не открывалъ“ 169.

Что касается Хомякова, то, „встрѣчаясь съ декабристами у своихъ родственниковъ Мухановыхъ, Хомяковъ вступалъ съ ними въ горячіе споры, утверждая, что изо всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная. Разъ онъ до поздней ночи проспорилъ съ Рылѣевымъ, доказывая ему, что войска, вооруженныя народомъ для его защиты, не имѣютъ права распоряжаться судьбами народа по своему произволу“ 170. „Хомяковъ,- говоритъ П. Бартеневъ, - бывалъ у Рылѣева въ 1825 г. и однажды до того раздразнилъ его своими возраженіями, что тотъ безъ шапки убѣжалъ отъ себя въ сосѣднюю квартиру“ 171.

Всѣмъ этимъ лицамъ Рылѣевъ несомнѣнно импонировалъ и они его вліянію поддавались *). Исключеніе составлялъ, кажется, лишь одинъ Завалишинъ, съ которымъ у Рылѣева были очень крупныя непріятности **).

---

*) Это очень сердило Н. Греча. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ говорилъ о пагубномъ вліяніи „слабоумнаго“ Рылѣева. „Батенковъ пошелъ въ заговоръ Рылѣева“, „попадись Руничъ въ руки Рылѣева“, „Якубовичъ вошелъ въ сношенія съ шайкою Рылѣева“. „А. Бестужевъ, познакомившись съ Рылѣевымъ, заразился его нелѣпыми идеями“. „Пущинъ познакомился на бѣду свою съ Рылѣевымъ, увлекся его сумасбродствомъ и фанатизмомъ“, „Штейнгель познакомился съ Рылѣевымъ и присталъ къ нимъ“. „Оболенскій увлеченъ былъ въ омутъ Рылѣевымъ и погибъ“ 172.

**) Объ ихъ столкновеніяхъ въ „дѣлѣ“ Рылѣева почти никакихъ слѣдовъ не осталось. Рылѣевъ говоритъ только, что онъ надѣялся при помощи Завалишина „многое“ сдѣлать въ Кронштадтѣ, но затѣмъ возымѣлъ на Завалишина подозрѣніе. Завалишинъ платилъ Рылѣеву тѣмъ же чувствомъ и затѣмъ въ своихъ воспоминаніяхъ отомстилъ Рылѣеву, стремясь во что бы то ни стало зачернить его образъ. Приведемъ эти обвиненія, но не забудемъ, что они выставлены человѣкомъ, очень пристрастнымъ.

Завалишинъ полагаетъ, что Рылѣевъ своимъ неумѣніемъ былъ прямо вреденъ для дѣла.

„Когда наступило время дѣйствовать, рѣшились поступать по плану, обдуманному съ давняго времени; но, къ сожалѣнію, исполненіе далеко не соотвѣтствовало его практическому достоинству. Самый вліятельный въ сѣверномъ обществѣ членъ, Рылѣевъ не имѣлъ ни достаточно сознанія въ отсутствіи въ себѣ самомъ честолюбія, чтобы открыто потребовать диктатуры для пользы дѣла, ни достаточно самоотверженія, чтобы передать власть способному человѣку. Онъ хотѣлъ скрыть свое честолюбіе за другими лицами, и, оставаясь, какъ говорится, душой дѣла облечь наружными знаками власти послушныя себѣ орудія. Вотъ почему, когда Никита Муравьевъ, бывшій третьимъ директоромъ и по собственной безхарактерности и по вліянію жены искавшій уклониться отъ дѣла, уѣхалъ въ деревню подъ предлогомъ болѣзни, на его мѣсто выбрали по вліянію Рылѣева Н. Бестужева, человѣка, искуснаго въ разныхъ механическихъ занятіяхъ и живописи, но безхарактернаго и радикально лишеннаго высшаго политическаго разумѣнія, которое одно даетъ самостоятельность идеямъ и дѣйствіямъ“ 173.

Будучи какъ политикъ менѣе образованъ чѣмъ, напр., Никита Муравьевъ, Лунинъ, Батенковъ, Николай Тур-

---

Завалишинъ считалъ Рылѣева кромѣ того нравственно непригоднымъ для дѣла.

„Я со своей стороны всячески старался, чтобы люди, принимаемые мною въ общество, понимали и убѣдились, что въ стремленіи къ общественному преобразованію и улучшенію надо начинать съ самого себя, возвышеніемъ въ самомъ себѣ нравственной силы и расширеніемъ круга образованія на истинныхъ основахъ его. Не такъ смотрѣли, къ прискорбію, на дѣло люди руководившіе въ то время движеніемъ, и въ рукахъ которыхъ находилась распорядительная вдасть общества, чѣмъ и объяснялась слабость дѣйствія его въ рѣшительную минуту. Когда я спрашивалъ Рылѣева, неужели онъ вѣритъ, что дѣйствительная свобода можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ не проявленіемъ нравственной силы, а эта можетъ быть прочна безъ религіи, и неужели онъ думаетъ, что народъ приметъ руководителей, которые могутъ быть предметомъ соблазна въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что относительно высшаго существа онъ мало размышлялъ, хотя и думаетъ, что есть „что-то такое“; что относительно нравственности ему мало дѣла, лишь бы были умны и способны, что относительно народа будетъ сначала сила, которая заставитъ его повиноваться, а тамъ онъ и самъ пойметъ свою пользу; т. е. Рылѣевъ и мыслившіе одинаково съ нимъ, какъ я не разъ имъ замѣчалъ, впадали въ тѣ же ошибки, принимали тѣ же правила, что и противная сторона. Послѣдствіемъ этого неминуемо было нравственное послабленіе въ выборѣ членовъ общества, что дозволяло втираться въ него людямъ неискреннимъ, но достаточно умнымъ, чтобы усвоить себѣ языкъ либерализма, и достаточно способнымъ, чтобы отсутствіе солиднаго образованія замѣнить шарлатанствомъ“ [174].

Завалишинъ хотѣлъ, какъ извѣстно, основать свое собственное общество съ широкой гуманной программой, которая была разсчитана на постепенное образованіе и воспитаніе гражданина. Рылѣевъ, если вѣрить Завалишину, возставалъ противъ такой затѣи. „Мы смѣло можемъ дѣйствовать противъ васъ,—говорилъ Рылѣевъ,—не боясь содѣйствовать противной сторонѣ, такъ какъ ваши дѣйствія не ослабляютъ въ ближайшее время правительства и имѣютъ въ виду улучшеніе его въ отдаленномъ будущемъ, и вы не можете дѣйствовать противъ насъ, потому, что ослабляя

геневъ (который, впрочемъ, тогда жилъ за границей), Рылѣевъ былъ среди нихъ наибольшій сангвиникъ и человѣкъ

насъ, вы будете тѣмъ самымъ усиливать зло деспотизма, а мы убѣждены, что этого ужъ, конечно, вы и не хотите и не сдѣлаете. Нейтралитета мы вамъ никакъ не допустимъ, мы говоримъ вамъ это прямо. Вы можете лишь быть намъ полезнымъ союзникомъ, и мы охотно примемъ васъ въ число главныхъ дѣятелей, но если вы не будете дѣйствовать съ нами, мы будемъ дѣйствовать противъ васъ и вынудимъ васъ или отказаться отъ вашего дѣйствія или выдать насъ правительству,—а на это, нечего и говорить, вы никогда не рѣшитесь. Я не отвергаю, что ваши идеи могутъ быть очень возвышенны и принесть пользу въ будущемъ, но намъ нужна немедленная помощь. Вы сами видите, какое усиліе дѣлаютъ, чтобы обратить Россію назадъ. Готова ли Россія или нѣтъ къ новому порядку вещей—теперь объ этомъ можно, конечно, спорить, но ужъ никакъ зато нельзя сомнѣваться, что при теперешнемъ направленіи, чѣмъ дольше это продолжится, тѣмъ менѣе она будетъ готова". „Я мало размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ,—продолжалъ Рылѣевъ,—и мало ученъ; можетъ быть поэтому и не понимаю, какъ можно приложить ваши идеи къ настоящимъ обстоятельствамъ и на какихъ основаніяхъ могутъ быть примирены противныя стороны. Но я боюсь, что если мы допустимъ ваши идеи, то наши противники воспользуются ими только какъ орудіемъ противъ насъ, а на нихъ онѣ нисколько не подѣйствуютъ и они останутся при своемъ и не измѣнятъ своего образа дѣйствій. Мы начали дѣйствовать прежде васъ, и за насъ всѣ историческіе примѣры и не будетъ ли самолюбіемъ съ вашей стороны, что вы справедливѣе думаете и будете лучше дѣйствовать, нежели какъ думали и дѣйствовали всегда и вездѣ всѣ другіе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Мы мало того, что не признаемъ законнымъ настоящее правительство, мы считаемъ его измѣнившимъ и враждебнымъ своему народу, а потому дѣйствія противъ него не только не считаемъ незаконными, но глядимъ на нихъ, какъ на обязательныя для каждаго русскаго, какъ если бы пришлось дѣйствовать противъ непріятеля, силой или хитростью вторгнувшагося въ страну и захватившаго ее" [175].

Когда, наконецъ, Завалишину пришлось съ Рылѣевымъ работать надъ однимъ дѣломъ, Завалишину всегда казалось, что Рылѣевъ его оттираетъ.

„Такъ, когда я предложилъ заняться прежде всего изслѣдова-

наиболѣе рѣзкаго слова. Уступалъ онъ въ этомъ отношеніи одному лишь Якубовичу, про котораго и слѣдственная комиссія говорила, что онъ «сильно дѣйствовалъ на Рылѣева».

ніемъ расположенія умовъ въ провинціи, эту мысль многіе нашли весьма основательной, но Рылѣевъ сейчасъ же воспользовался ею для удаленія меня и другихъ оппонентовъ изъ Петербурга съ почетнымъ порученіемъ, именно для подобнаго рода изслѣдованій. „Кто же лучше васъ можетъ исполнить то, что вы сами предложили?"—говорилъ мнѣ Рылѣевъ въ собраніи по этому поводу 176.

„Рылѣевъ всячески искалъ подавить возрастающее мое вліяніе, какъ удаленіемъ меня, хотя подъ почетнымъ предлогомъ, изъ центра дѣйствія, такъ и захватомъ въ свое распоряженіе во время моего отсутствія тѣхъ членовъ общества, которые были приготовлены мною" 177.

Завалишинъ объяснялъ эту злобу Рылѣева тѣмъ, что его (Завалишина) вліяніе росло въ общихъ совѣщаніяхъ до того быстро, что возбудило наконецъ зависть въ Рылѣевѣ 178. Эта зависть, по увѣренію Завалишина, подбивала Рылѣева прямо на подлость.

„Грустно сказать, до чего увлекало людей желаніе „сбить меня съ поля", какъ выражались они. Вѣрите, люди изъ числа членовъ, негодующихъ на подобный образъ дѣйствій, сообщили мнѣ, что Рылѣевъ предлагалъ даже донести на меня Милорадовичу, съ тѣмъ, чтобы меня куда нибудь „запрятали", а донесшій пріобрѣлъ бы въ глазахъ правительства болѣе довѣрія 179.

„При той жалкой роли, которую Рылѣевъ принялъ на себя въ комитетѣ, не только открывать комитету все, что зналъ, но и содѣйствовать ему всячески въ изысканіяхъ и указывать средства къ раскрытію всего, только тѣ члены и уцѣлѣли, которые не были ему извѣстны и не подпали его соображеніямъ, что они могли быть членами" 180.

Всѣ эти злостныя слова Завалишина, въ которыхъ нѣтъ правды, находятъ себѣ опроверженіе въ самомъ „дѣлѣ" Завалишина. Изъ этого „дѣла" видно, что Рылѣевъ показывалъ на Завалишина, что и подтвердилъ на очной ставкѣ, „что кромѣ общихъ разговоровъ съ Завалишинымъ онъ въ духѣ общества съ нимъ никогда не имѣлъ и имѣть не могъ, „подозрѣвая его", что онъ не могъ говорить о конституціи Завалишину, какъ человѣку „не только постороннему, а еще подозрительному". Рылѣевъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ: „Какъ я, такъ и всѣ наши члены мной предупрежденные были съ Завалишинымъ весьма осторожны

Кромѣ дѣятельной вербовки членовъ, Рылѣевъ былъ тогда занятъ устройствомъ собраній и совѣщаній. Въ особенности часты и многолюдны стали эти сборища въ ноябрѣ 1825 г. «Квартира ваша,—гласило обвиненіе,—сдѣлалась мѣстомъ совѣщаній и сборища заговорщиковъ, откуда и исходили всѣ приготовленія и распоряженія къ возмущенію, которыя хотя

и не только не открывались ему, но даже старались избѣгать съ нимъ короткихъ сношеній. Многихъ онъ вовсе не зналъ“ [181].

Мотивы всѣхъ этихъ обвиненій, которыя Завалишинъ возвелъ такъ безцеремонно на покойнаго своего товарища, хорошо поясняются слѣдующими строками изъ воспоминаній А. Фролова.

„Во время производства слѣдствія положеніе Д. И. Завалишина оказалось весьма неловкимъ,—пишетъ Фроловъ.—Выдавая себя передъ коммиссіей и въ своихъ письменныхъ показаніяхъ приверженцемъ правительства, дѣйствовавшимъ въ его интересахъ, очными ставками онъ изобличался въ самомъ крайнемъ республиканскомъ направленіи... Д. И. Завалишинъ, имѣвшій объ обществѣ только смутное понятіе, долженъ былъ стать особнякомъ, и вначалѣ, понятно, что нѣкоторые (изъ его товарищей по ссылкѣ) его остерегались. Лучшимъ доказательствомъ непринадлежности его къ обществу и очень малаго знакомства съ членами, а тѣмъ болѣе съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, служитъ то, что послѣ 14-го декабря не только члены, но и имѣвшіе какое-либо съ Рылѣевымъ сношеніе—были арестованы, а Д. И. Завалишинъ оставался на свободѣ и едва не попалъ въ флигель-адъютанты, и только случайное неосторожное показаніе одного изъ морскихъ офицеровъ Дивова привело его передъ слѣдственной комиссіею, гдѣ раскрылась его дѣятельность, какъ основателя особаго тайнаго общества. Въ средѣ людей, быть можетъ, слишкомъ увлекшихся, но горячо любившихъ свое отечество, преслѣдовавшихъ лишь одну цѣль—общее благо, людей, гордившихся своими цѣпями и судьбой, онъ не могъ, не долженъ былъ чувствовать себя въ своемъ кругу. Цѣпи для него были позорны, положеніе свое онъ называлъ паденіемъ. Но несчастіе уравниваетъ всѣхъ. Поэтому къ его положенію относились снисходительно и съ сожалѣніемъ. Его не чуждались, но онъ себя внутренно сознавалъ чужимъ посреди насъ“.

Этимъ-то снисхожденіемъ и сознаніемъ нравственнаго превосходства товарищей онъ тяготился цѣлыя 12 лѣтъ. Это естественно должно было развить въ немъ озлобленіе... [182]

дѣлались отъ имени Трубецкого, но были непосредственно слѣдствія вашей воли». Рылѣевъ призналъ правильность обвиненія, согласился, что, дѣйствительно, его квартира сдѣлалась мѣстомъ совѣщанія, но говорилъ, что произошло это случайно, по причинѣ его болѣзни, которая не дозволяла ему выѣзжать *). Иначе, конечно,—добавлялъ онъ,—онъ не допустилъ бы у себя такихъ собраній, какъ ради собственной безопасности, такъ и безопасности самого общества **).

Если на эти собранія заговорщики и не стекались «сотнями», какъ утверждалъ Пржецлавскій [183], то собранія были все-таки многолюдны. Послѣ смерти императора Александра члены собирались ежедневно, и разговоры принимали все болѣе и болѣе рѣшительный характеръ. Самыя бурныя собранія происходили 12 и 13 декабря, первое у Оболенскаго, второе и послѣднее у Рылѣева. На этомъ собраніи и былъ выработанъ планъ вывести войска на площадь и, въ случаѣ неудачи, отступить съ ними къ Новгороду и поднять военныя поселенія [184].

Кромѣ этой роли хозяина и оратора на столичныхъ собраніяхъ, Рылѣевъ исполнялъ также иногородныя порученія. Лѣтомъ 1825 года онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ съ цѣлью устроить тамъ филіальное отдѣленіе общества ***).

---

*) Съ 26 ноября 1825 г. онъ двѣ недѣли не выѣзжалъ изъ дома. У него была жаба.

**) Объ этихъ собраніяхъ зналъ генералъ-губернаторъ Милорадовичъ, но не обратилъ на нихъ вниманія, полагая, что это собранія „редакціонныя“ при „Полярной Звѣздѣ“.

***) Попытка эта не привела ни къ чему.

„Стараясь увѣрить Бестужева въ благоразуміи и разсудительности распоряженій общества, Рылѣевъ внушалъ ему заняться распространеніемъ членовъ во флотѣ и въ Кронштадтѣ, надѣясь, что Кронштадтъ, въ случаѣ неудачи, могъ бы служить тѣмъ же, что островъ Леонъ для гишпанцевъ. Но Бестужевъ послѣ поѣздки Рылѣева въ Кронштадтъ рѣшительно отказался отъ распространенія членовъ во флотъ, и Рылѣевъ отрекся отъ своихъ на то притязаній“ [185].

Былъ онъ въ этомъ же году и въ Москвѣ, гдѣ вращался въ кружкѣ архивныхъ юношей, кажется, тоже съ цѣлью пропаганды. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что на вечерѣ у М. М. Нарышкина онъ слушалъ, какъ Рылѣевъ читалъ свои «Думы» и «рѣзко выражался». Впечатлѣніе отъ рѣчей и стиховъ Рылѣева было очень сильное. Кошелевъ подѣлился этимъ впечатлѣніемъ съ Кирѣевскимъ, Веневитиновымъ и Рожалинымъ, и молодые московскіе философы стали интересоваться русской политикой[186], къ которой раньше относились равнодушно.

О какой-либо другой работѣ Рылѣева въ обществѣ—у насъ нѣтъ свѣдѣній. Если не считать его стихотвореній, «Думъ» и вышеупомянутыхъ революціонныхъ пѣсенъ,—то Рылѣевъ, кажется, не принималъ участія въ какихъ-либо письменныхъ трудахъ общества. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что онъ вмѣстѣ съ Александромъ и Николаемъ Бестужевыми занимался составленіемъ прокламацій къ войску; они хотѣли тайно разбросать ихъ по казармамъ, но признали это неудобнымъ и прокламаціи изорвали [187].

Отъ сочиненія конституціоннаго манифеста—на случай удачи — Рылѣевъ также отказался и поручилъ это дѣло бар. Штейнгелю.

Наконецъ, обвиненіе ставило Рылѣеву въ вину сочиненіе «Катехизиса вольнаго человѣка», начатаго Н. Муравьевымъ. Рылѣевъ, однако, показывалъ, что онъ только обѣщалъ продолжать этотъ катехизисъ, но за разными обстоятельствами исполнить этого не успѣлъ и возвратилъ Муравьеву катехизисъ неоконченнымъ.

Изъ всѣхъ этихъ краткихъ свѣдѣній видно, что роль Рылѣева до 14 декабря ограничивалась, главнымъ образомъ, тѣмъ экзальтирующимъ вліяніемъ, какое онъ оказывалъ на товарищей. Онъ былъ «душой» заговора въ этомъ именно смыслѣ. Мы увидимъ дальше, что и въ выработкѣ политической программы онъ участвовалъ больше своимъ темпераментомъ, чѣмъ политическимъ глубокомыслiемъ.

Этотъ темпераментъ поддерживалъ въ немъ энергію въ

самыя критическія минуты: казалось, ничто не могло его обезкуражить. Когда, наканунѣ 14 декабря, членамъ общества стало извѣстно, что Вел. Кн. Николай Павловичъ знаетъ объ ихъ заговорѣ изъ доклада І. И. Ростовцева, Рылѣевъ, при встрѣчѣ съ Ростовцевымъ, въ своемъ намѣреніи и своей рѣшимости не поколебался и не хотѣлъ понять всей важности совершившагося факта *). Такую же смѣлую ретивость обнаружилъ онъ и при конечной оцѣнкѣ силъ, съ какими намѣревался дѣйствовать на площади. Когда Трубецкой съ наивностью говорилъ ему, что для совершенія ихъ намѣреній вполнѣ довольно одного полка, Рылѣевъ успокоился и отвѣчалъ, что тогда и хлопотать нечего, потому что ужъ два полка выйдутъ навѣрное. А когда тотъ же Трубецкой, уступая закон-

*) О поведеніи Рылѣева въ эту рѣшительную минуту свидѣтельства расходятся.

По разсказу самого Ростовцева, 13 декабря 1825 г. въ 5 часовъ вечера Ростовцевъ отдалъ Оболенскому въ присутствіи Рылѣева переписанное имъ самимъ письмо въ великому князю и записанный ихъ разговоръ[188].

Рылѣевъ сказалъ при этомъ Оболенскому: „Нѣтъ, Оболенскій, Ростовцевъ не виноватъ, что различнаго съ нами образа мыслей. Не спорю, что онъ измѣнилъ твоей довѣренности, но какое имѣлъ ты основаніе быть съ нимъ излишне откровеннымъ? Онъ дѣйствовалъ по долгу своей совѣсти, жертвовалъ жизнью, идя къ великому князю [какъ извѣстно, Ростовцевъ при докладѣ не назвалъ ни одного изъ участниковъ заговора по имени], вновь жертвуетъ жизнью, придя къ намъ: ты долженъ обнять его какъ благороднаго человѣка". Оболенскій сказалъ на это: „Я бы желалъ задушить его въ моихъ объятіяхъ" [189].

По разсказу барона В. И. Штейнгеля, утромъ 14-го числа Ростовцевъ принесъ ему описаніе своего поступка и сказалъ: „Дѣлай со мной, что хочешь; я не могъ иначе поступить". Рылѣевъ былъ озлобленъ на него чрезвычайно и при свиданіи съ бар. Штейнгелемъ, тотчасъ послѣ посѣщенія Ростовцева передалъ Штейнгелю о случившемся, показалъ записку Ростовцева и съ сердцемъ проговорилъ: „Его надо убить для примѣра". Штейнгель постарался однако же его успокоить и упросилъ ничего противъ Ростовцева не предпринимать. „Ну, чортъ съ нимъ, пусть живетъ!" — сказалъ Рылѣевъ съ тономъ болѣе презрительнымъ, нежели злобнымъ [190].

нымъ сомнѣніямъ, сказалъ: «Что, если выйдетъ мало войска? рота или двѣ? зачѣмъ идти и другихъ вести на гибель?»— Рылѣевъ какъ будто соглашался съ нимъ, но потомъ замѣтилъ: «Если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними».

Странно, однако, что, при такой бѣшеной храбрости и рѣшимости, Рылѣевъ отклонилъ отъ себя руководящую роль въ самомъ возмущеніи. Диктаторомъ былъ назначенъ, какъ извѣстно, князь Трубецкой, и притомъ по предложенію Рылѣева. Одинъ современникъ утверждаетъ, что Рылѣевъ имѣлъ нужду въ имени Трубецкого, за которымъ онъ намѣревался скрыть собственный авторитетъ,—что будто бы и призналъ Трубецкой при допросѣ [191]. Но зачѣмъ было скрывать авторитетъ въ самый рѣшительный моментъ, это—непонятно. Во всякомъ случаѣ поведеніе Рылѣева въ этотъ опасный моментъ не соотвѣтствовало той энергіи и рѣшимости, съ какой онъ выступалъ на собраніяхъ. Тотъ аргументъ, что онъ былъ статскій, а Трубецкой—гвардейскій офицеръ, едва ли можетъ быть принятъ во вниманіе, такъ какъ диктаторъ могъ руководить своими ближайшими помощниками и не обязанъ былъ вступать въ непосредственное сношеніе съ войсками. Кромѣ того, выборъ Трубецкого, котораго Рылѣевъ зналъ довольно близко, указываетъ лишній разъ на политическую недальновидность нашего поэта.

И въ поэтической натурѣ Рылѣева, пожалуй, и кроется разгадка всѣхъ этихъ странностей.

Въ мечтахъ и планахъ смѣлый, онъ для рѣшительнаго и длительнаго выступленія былъ мало пригоденъ. Нервный человѣкъ, онъ рисковалъ ослабѣть въ самую нужную минуту, и онъ, дѣйствительно, палъ духомъ тотчасъ же, какъ очутился на площади.

Съ какими же планами шелъ онъ на Сенатскую площадь и каковы были тѣ политическія убѣжденія или просто мысли, на которыхъ онъ остановился послѣ трехлѣтнихъ жаркихъ споровъ?

XV.

Рылѣевъ не оставилъ намъ письменнаго изложенія своей политической доктрины; онъ высказывался лишь при случаѣ, несистематично, иногда сбивчиво, и потому исчерпывающая оцѣнка его политическаго ученія при наличномъ матеріалѣ невозможна.

Съ увѣренностью можно намѣтить лишь самыя общія положенія. «Программа Рылѣева была та же самая программа, что и у другихъ членовъ общества: онъ также желалъ учрежденія постояннаго правленія съ выборными отъ народа, уравненія воинской повинности между всѣми сословіями, мѣстнаго самоуправленія, гласности суда, введенія присяжныхъ, свободы печати, уничтоженія монополій, отмѣны крѣпостного права, свободы въ выборѣ занятій, равенства всѣхъ гражданъ передъ судомъ; но онъ подходилъ къ этимъ вопросамъ съ своей особенной, демократической точки зрѣнія, и эта демократичность его убѣжденій всего рѣзче и яснѣе выступала въ сравненія съ мнѣніями его сотоварищей» [192].

«Въ этомъ отношеніи любопытны замѣчанія Рылѣева на преобразовательный проектъ Никиты Муравьева, гораздо болѣе склоннаго къ аристократическимъ началамъ. Оба, напримѣръ, одинаково желали, чтобы народъ самъ избиралъ себѣ представителей; но Муравьевъ думалъ ограничить какъ самое право быть избираемымъ, такъ и право избирать установленіемъ особаго имущественнаго ценза: избираемые должны были имѣть или недвижимое имѣніе въ 1500 фунтовъ чистаго серебра, или движимое въ 3000 фунтовъ, а избиратели—недвижимое въ 250 фунтовъ, а движимое въ

500 фунтовъ. Рылѣевъ съ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, заявляя, что «это не согласно съ законами нравственными» [193]. Въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ опять проглядываетъ его демократическая жилка, и въ то время, какъ иные стояли лишь за личное, безземельное освобожденіе крестьянъ, а Муравьевъ за оставленіе имъ въ собственность только домовъ и огородовъ, Рылѣевъ желалъ полнаго освобожденія съ землей, не только огородной, но и полевой. Даже самыя мелкія обстоятельства политической дѣятельности Рылѣева носятъ на себѣ эту своеобразную демократическую печать. Такъ, поступивъ въ члены тайнаго общества, онъ уже предлагаетъ принимать въ него и купцовъ, и мѣщанъ. Правда, это предложеніе не прошло, такъ какъ рѣшили, что «это невозможно, что купцы—невѣжды»; но для насъ важно уже то обстоятельство, что вездѣ и всюду Рылѣевъ являлся истиннымъ демократомъ, вполнѣ свободнымъ отъ аристократическихъ замашекъ своихъ товарищей».

Къ этому общему обзору мнѣній Рылѣева нужно добавить еще его патріотическую тенденцію. Онъ не раздѣлялъ политическихъ польскихъ симпатій своихъ товарищей и о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года не думалъ [194].

На допросѣ онъ по этому поводу показывалъ: «О существованіи тайныхъ обществъ въ Польшѣ слышалъ я отъ Трубецкого, причемъ онъ говорилъ, что южное общество чрезъ одного изъ своихъ членовъ имѣетъ съ оными постоянныя сношенія; что южными директорами положено признать независимость Польши и возвратить ей отъ Россіи завоеванныя провинціи: Литву, Подолію и Волынь. Я сильно возставалъ противъ сего, утверждая, что никакое общество не въ правѣ сдѣлать подобнаго условія, что подобныя дѣла должны быть рѣшены на великомъ соборѣ. Говорилъ, что и настоящее правительство наше дѣлаетъ великую погрѣшность, называя упомянутыя провинціи въ актахъ своихъ «польскими» или вновь присоединенными отъ Польши, и въ продолженіе 30 лѣтъ ничего не сдѣлавъ—даже нравственно присоединить оныя къ Россіи;

что границы Польши собственно начинаются тамъ, гдѣ кончается нарѣчіе малороссійское к русское или—по-польски—хлопское; гдѣ же большая часть народа говоритъ упомянутыми нарѣчіями и исповѣдуетъ греко-россійскую или уніатскую религію, тамъ—Русь, древнее достояніе наше».

Таковы общіе политическіе и общественные взгляды Рылѣева. Въ нихъ нѣтъ противорѣчій и колебаній, но они должны были получиться, когда Рылѣевъ отъ общихъ положеній сталъ переходить къ частностямъ.

Приступая къ обзору этихъ частностей, не будемъ, однако, упускать изъ виду скудости свѣдѣній, какими мы располагаемъ.

На сторонѣ какой формы правленія стоялъ Рылѣевъ?

Цѣль общества,—говорилъ онъ въ своихъ показаніяхъ,—было установленіе конституціонной монархіи. На вопросъ генералъ-адъютанта барона Толя (при первомъ допросѣ 14-го декабря): «Не вздоръ ли затѣваетъ молодость? не достаточны ли для нихъ примѣры новѣйшихъ временъ, гдѣ революціи затѣваютъ для собственныхъ разсчетовъ?»—Рылѣевъ холодно отвѣчалъ: «Не взирая на то, что я вамъ всѣхъ виновныхъ выдалъ (!), я вамъ скажу, что я для счастія Россіи полагаю конституціонное правленіе самымъ выгоднѣйшимъ и остаюсь при семъ мнѣніи». Въ письмѣ Государю отъ 16 декабря 1825 г. онъ говоритъ то же самое, только, конечно, въ другихъ выраженіяхъ: «Мы надѣялись,—пишетъ онъ,—что дѣло кончится безъ кровопролитія, что другіе полки пристанутъ къ намъ, и что мы въ состояніи будемъ посредствомъ сената предложить Вашему Величеству или Государю Цесаревичу о собраніи великаго собора, на который должны были съѣхаться выборные изъ каждой губерніи, съ каждаго сословія по два. Они должны были рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Приговору великаго собора положено было безпрекословно повиноваться, стараясь только, чтобы народнымъ уставомъ былъ введенъ представительный образъ правленія, свобода книгопечатанія, открытое судопроизводство и личная безопа-

*

сность. Проектъ конституціи, составленный Муравьевымъ, должно было представить народному собору, какъ проектъ».

Рѣчь идетъ, очевидно, о конституціонной монархіи, которую Рылѣевъ и въ частныхъ бесѣдахъ признавалъ наиболѣе желательной формой правленія. Такъ, напримѣръ, онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что «во второй арміи въ южномъ обществѣ хотятъ демократіи: «Это вздоръ,—говорилъ онъ,—невозможное дѣло: мы желаемъ монархіи ограниченной». Но почти въ то же время онъ при Батенковѣ восклицалъ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ; что въ Америкѣ только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся, и самая Англія, въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія: «Южные отвергаютъ монархію, ихъ мнѣніе принято и здѣсь» *).

Если и предположить, что Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ имѣлъ нѣкоторое основаніе затемнять свой «республиканскій» образъ мыслей, то такія слова, сказанныя въ частной бесѣдѣ, все-таки показываютъ, что главнаго—вопроса о формѣ правленія—Рылѣевъ себѣ какъ будто не выяснилъ. Рылѣевъ самъ чувствовалъ это и выдвигалъ въ свою защиту аргументъ очень вѣскій: онъ утверждалъ, что установленіе новаго порядка не должно было быть дѣломъ частныхъ лицъ, а могло принадлежать лишь волѣ народа **). Но дѣло идетъ не объ установленіи правленія, а о взглядахъ самого Рылѣева, и эти взгляды, насколько они намъ извѣстны, были очень неустойчивы. По его словамъ, онъ въ частныхъ бесѣдахъ всегда придерживался того мнѣнія, что Россія еще

---

*) А. Бестужевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что въ концѣ 1824 года онъ увидѣлъ въ Рылѣевѣ перемѣну мыслей на республиканское правленіе и предположилъ, что это вліяніе южанъ.

**) „Я не соглашался съ Муравьевымъ только въ одномъ,—говоритъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ:—онъ полагалъ, что въ Россіи можно прямо ввести республиканское правленіе и должно о томъ стараться. Я же говорилъ, что Россія къ тому еще не готова, и что я на республику только тогда соглашусь, когда уставъ оной одобрится большинствомъ народныхъ представителей".

не созрѣли для республиканскаго правленія, онъ всегда защищалъ ограниченную монархію, хотя *душевно* и предпочиталъ ей образъ правленія сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатовъ, предполагая, что образъ правленія сей республики есть самый удобный для Россіи по обширности ея и разноплеменности населяющихъ ее народовъ. Онъ склонялъ даже Никиту Муравьева сдѣлать въ написанной имъ конституціи нѣкоторыя измѣненія, придерживаясь устава соединенныхъ штатовъ. *оставивъ, однако-жъ, формы монархіи.* Объ англійской конституціи онъ говорилъ, что она устарѣла и имѣетъ множество пороковъ. Введеніе въ Россіи устава штатовъ онъ также признавалъ возможнымъ лишь при условіи, если вмѣсто президента будетъ императоръ, такъ какъ онъ для Россіи нуженъ.

Но въ концѣ концовъ, съ самаго своего вступленія въ общество до 14 декабря, Рылѣевъ всегда говорилъ одно,—что никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выбраннымъ отъ народа представителямъ, рѣшенію коихъ повиноваться безпрекословно есть обязанность каждаго.

Изъ этихъ словъ видно, что Рылѣевъ позволялъ себѣ иногда помечтать о республикѣ, и что эти мечты запутывали и туманили его понятіе о монархіи конституціонной, въ возможности осуществить которую онъ не сомнѣвался.

Такое же колебаніе, въ данномъ случаѣ вполнѣ законное и понятное, замѣтно и въ его мысляхъ о способѣ осуществленія переворота.

Степень участія Рылѣева въ выработкѣ самаго плана возмущенія установить невозможно. Планъ вырабатывался сообща, подвергался многимъ измѣненіямъ и до самаго 14 декабря, кажется, не былъ установленъ, за исключеніемъ лишь одного пункта, именно—рѣшенія воспользоваться военной силой для его проведенія.

При совѣщаніи о средствахъ возмущенія солдатъ, какъ

говоритъ обвиненіе, Рылѣевъ полагалъ полезнымъ распустить слухъ, будто въ сенатѣ хранится духовное завѣщаніе покойнаго государя, въ коемъ срокъ службы нижнимъ чинамъ уменьшенъ десятью годами; что цесаревичъ отъ престола не отказывается, что, присягнувъ одному государю, присягать другому черезъ нѣсколько дней—грѣхъ. Мнѣніе сіе было принято единодушно и поручено было офицерамъ, принадлежащимъ къ обществу, привести оное въ исполненіе. Рылѣевъ думалъ, что въ каждомъ полку достаточно одного рѣшительнаго капитана для возмущенія всѣхъ нижнихъ чиновъ по причинѣ негодованія ихъ противъ взыскательности начальства.

Но тотъ же Рылѣевъ, какъ мы знаемъ, минутами смотрѣлъ очень скептически на силу такихъ рѣшительныхъ капитановъ. Онъ предполагалъ возможность неудачи и въ этомъ случаѣ предлагалъ отступить съ войсками къ военнымъ новгородскимъ поселеніямъ, а если бы и тамъ не удалось, то стараться взволновать крестьянъ объявленіемъ „вольности“ 195 *).

Все это казалось Рылѣеву, очевидно, весьма легко достижимымъ, и въ особую тревогу его не повергало **). Онъ все-таки надѣялся, что дѣло обойдется какъ-нибудь само собой, и, вѣроятно, какъ Трубецкой, думалъ: «Только бы удалось, а тамъ явятся люди».

Но былъ одинъ вопросъ, стоявшій на первой очереди, въ рѣшеніи котораго ему не помогли ни его легковѣріе, ни его возбужденность; этотъ вопросъ его мучилъ, потому что требовалъ отъ него жестокаго поступка ***).

---

*) Имѣя этотъ планъ въ виду, Рылѣевъ совѣтовалъ Каховскому идти служить въ военныхъ поселеніяхъ.

**) Нѣкоторые планы Рылѣева поражаютъ своей наивностью. „Созвать великій соборъ,—признавался онъ,—мы надѣялись посредствомъ сената, а сенатъ принудить къ тому силою. Зная то высокое уваженіе, какое имѣетъ народъ лишь къ сенату, мы увѣрены были, что достаточно одного сенатскаго указа, чтобы созвать соборъ“.

***) Рылѣевъ былъ вообще противъ мѣръ отчаянныхъ и такихъ, которыя могли бы бросить неблаговидную тѣнь на начи-

Это былъ вопросъ о томъ, что дѣлать съ царемъ и его семействомъ? Различныя мнѣнія, высказанныя по этому поводу членами общества, послужили главнѣйшимъ пунктомъ, на которомъ «Донесеніе слѣдственной комиссіи» строило свое обвиненіе. Составитель донесенія при каждомъ удобномъ случаѣ подчеркивалъ «злодѣйскій» умыселъ заговорщиковъ—истребить царя и всю его фамилію.

Такой умыселъ былъ, но, какъ вѣрно замѣчаютъ Н. Муравьевъ и Лунинъ, онъ не входилъ въ программу «тайнаго союза». «Въ частныхъ разговорахъ или въ настоящихъ совѣщаніяхъ, нѣкоторые члены могли излагать неправильныя мнѣнія или даже предаваться порыву страстей. На этихъ-то изъявленіяхъ комиссія и основывается, чтобы приписать тайному союзу предположенія о цареубійствѣ. Надлежитъ, однако-жъ, взять въ уваженіе, что союзъ, не имѣя понудительной власти, не могъ подлежать отвѣтственности за временныя отклоненія нѣкоторыхъ его членовъ. Притомъ главные дѣйствователи принуждены были иногда для виду уступать страстямъ, возникавшимъ въ союзѣ, чтобы направить его къ высокой цѣли своей. Тайный союзъ не могъ ни одобрять, ни желать покушеній на царствующія лица, ибо таковыя предпріятія даже подъ руководствомъ... не приносятъ у насъ никакой пользы и

нанія общества. „Когда Якубовичъ говорилъ, что надобно разбить кабаки, позволить солдатамъ и черни грабежъ, потомъ вынесть изъ какой-нибудь церкви хоругви и идти ко дворцу, Оболенскій и другіе согласились съ этимъ предложеніемъ, основаннымъ на опытѣ Якубовича о русскомъ солдатѣ, которому нужны средства для возбужденія къ дѣйствію. Но Рылѣевъ первый возсталъ противъ сей мысли, говоря, что мы „подвизаемся за дѣло великое и не должны употреблять такія средства“.

А. Бестужевъ въ своихъ показаніяхъ пишетъ: „Я сказалъ, что для марша (на военныя поселенія) надобны деньги и для этого не худо захватить положенныя въ губернскомъ правленіи заимообразно. Рылѣевъ очень разсердился за такое мнѣніе и сказалъ, что это будетъ грабежъ, что собственность должна быть неприкосновенна [196].

несовмѣстны съ началами, которыя союзъ огласилъ и въ которыхъ заключалось все его могущество. Союзъ стремился водворить въ отечествѣ владычество законовъ, дабы навсегда отстранить необходимость прибѣгать къ средству, противному и справедливости, и разуму. Обвиненіе въ помыслѣ на цареубійство основано лишь на отдѣльныхъ изреченіяхъ, случайныхъ разговорахъ и на мечтаніяхъ разстроенныхъ умовъ» 197.

Насколько Рылѣевъ предавался порыву своихъ страстей въ обсужденіи этихъ плановъ,—можно установить съ достаточной ясностью по его показаніямъ на судѣ.

Мысль о цареубійствѣ возникла еще въ концѣ царствованія Александра Павловича и затѣмъ, послѣ его смерти, мѣтила въ его брата. Зародилась она, кажется, въ южномъ обществѣ и была сообщена членамъ сѣвернаго, большинство которыхъ съ нею согласилось. Согласившіеся находили удобнѣе привести эту мысль въ исполненіе отдѣльнымъ заговоромъ, какъ бы внѣ общества, и для сего хотѣли составить отдѣльную партію, подъ названіемъ «une cohorte perdue», и поручить оную подполковнику Лунину. Среди согласныхъ на эту мѣру былъ и Рылѣевъ. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, его обвиняли. Онъ самъ отвергъ это обвиненіе, сказавъ, что «обо всемъ этомъ, можетъ быть, говорено было до его вступленія въ общество или на тѣхъ совѣщаніяхъ, на которыхъ онъ не участвовалъ. О cohorte perdue онъ никогда ни отъ кого ничего не слышалъ». Едва ли, однако, Рылѣевъ въ данномъ случаѣ говорилъ правду, — не слышать о безспорно существовавшемъ проектѣ онъ не могъ, но что онъ не одобрялъ его вначалѣ, на это есть прямыя доказательства.

Въ одномъ изъ собраній, еще при жизни императора Александра Павловича, Якубовичъ высказалъ рѣшительно и возбужденно свое намѣреніе убить императора Александра. «Тогда пользуйтесь случаемъ,—сказалъ онъ товарищамъ,—дѣлайте, что хотите; созывайте вашъ великій соборъ и дурачьтесь досыта». «Слова его, голосъ, движенья,—говоритъ Рылѣевъ,—произвели сильное на меня впечатлѣніе, которое я, однако-жъ,

старался сокрыть отъ него и представлялъ ему, что подобный поступокъ можетъ его обезславить, что съ его дарованіями, и сдѣлавъ себѣ уже имя въ арміи, онъ можетъ для отечества своего быть полезнѣе и удовлетворить другія страсти свои. На это Якубовичъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ знаетъ только двѣ страсти, которыя движутъ міръ: это—благодарность и мщеніе; что всѣ другія не страсти, а страстишки, что онъ словъ на вѣтеръ не пускаетъ, что онъ дѣло свое совершитъ непремѣнно и что у него для сего назначено два срока: маневры или праздникъ Петергофскій. Въ это время кто-то вошелъ и прервалъ разговоръ нашъ. Я ушелъ съ А. Бестужевымъ и на дорогѣ говорилъ ему, что надо будетъ стараться всячески остановить Якубовича. Бестужевъ былъ согласенъ, и мы уговорились на другой же день увидѣться съ нимъ опять. Въ тотъ же день я увѣдомилъ о намѣреніи Якубовича Оболенскаго, Н. Муравьева и Бригена. Всѣ были того мнѣнія, что надо всячески стараться отклонить Якубовича отъ его намѣренія, что и возложено было на меня. Увидѣвшись съ Якубовичемъ, я опять представлялъ ему, сколь обезславитъ его цареубійство, но онъ повторялъ всегда одно и то же, что онъ рѣшился на это и что никто и ничто не отклонитъ его отъ сего намѣренія, что онъ восемь лѣтъ носитъ и лелѣетъ оное въ своей груди. Пробившись съ нимъ около двухъ часовъ, я вышелъ въ чрезвычайномъ волненіи и негодованіи. При этомъ были: А. Бестужевъ и Одоевскій; сей послѣдній почелъ Якубовича сумасшедшимъ, и пустымъ говоруномъ. Я утверждалъ противное и почиталъ Якубовича самымъ опаснымъ человѣкомъ и для общества нашего, и для видовъ онаго. Мы долго объ этомъ говорили и разсуждали, какія бы взять мѣры, дабы не допустить Якубовича къ совершенію своего намѣренія, и помню, что я сказалъ, прощаясь съ Одоевскимъ и Бестужевымъ: «Я рѣшился на все: его (т. е. Якубовича) завтра же вышлютъ. Прощайте, господа!» На другой день рано и Бестужевъ, и Одоевскій приходятъ ко мнѣ и первый говоритъ: «Рылѣевъ, на что ты рѣшаешься? Подумай, любезный, ты обез-

славишь себя. Чѣмъ доносить, не лучше ли взять какія-нибудь другія мѣры? Лучше драться съ Якубовичемъ». Я отвѣчалъ, что Якубовича я избить не хочу, что я еще испытаю средство остановить его, но, въ случаѣ неудачи,—прибавилъ я,—повторяю—я готовъ на все. Потомъ предложилъ я стараться, по крайней мѣрѣ, уговорить Якубовича отложить свое намѣреніе на нѣкоторое время, поставивъ ему причиною, будто общество рѣшилось воспользоваться убійствомъ государя, но что оно еще теперь не готово. Всѣ согласились на это и въ то же время отправились къ Якубовичу, и послѣ продолжительныхъ убѣжденій, наконецъ, склонили его отложить свое намѣреніе на годъ, а впослѣдствіи я успѣлъ его уговорить отложить оное на неопредѣленное время».

Такъ потерпѣлъ неудачу первый проектъ цареубійства. Приблизительно та же сцена, какая произошла между Рылѣевымъ и Якубовичемъ, повторилась у Рылѣева и съ Каховскимъ *). «Каховскій,—показывалъ Рылѣевъ,—пріѣзжалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ отправиться отсюда въ Грецію и совершенно случайно познакомился со мною. Примѣтивъ въ немъ образъ мыслей совершенно республиканскій и готовность на всякое самоотверженіе, я, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился его принять, что и исполнилъ, сказавъ, что цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи. Болѣе я ему не сказалъ ничего, ни силы, ни средствъ, ни плана общества къ достиженію преднамѣренія онаго. Пылкій характеръ его не могъ тѣмъ удовлетвориться, и онъ при каждомъ свиданіи докучалъ мнѣ своими нескромными вопросами, но это самое было причиной, что я рѣшился навсегда оставить его въ невѣдѣніи. Въ началѣ 1824 года Каховскій входитъ ко мнѣ и говоритъ: «Послушай, Рылѣевъ, я пришелъ тебѣ сказать, что я рѣшился убить царя. Объяви объ этомъ думѣ, пусть она назначитъ мнѣ срокъ». Я въ смятеніи вскочилъ съ софы, на которой лежалъ, сказавъ

*) „Рылѣевъ видѣлъ въ Каховскомъ второго Занда“ — слова кн. Е. П. Оболенскаго [198].

ему: «Что ты, сумасшедшій! Ты вѣрно хочешь погубить общество. И кто тебѣ сказалъ, что дума одобритъ такое злодѣяніе?» Засимъ старался я отклонить его отъ сего намѣренія, доказывая, сколь оно можетъ быть пагубно для цѣли общества, но Каховскій никакими моими доводами не убѣждался и говорилъ, чтобы я насчетъ общества не безпокоился, что онъ никого не выдастъ, что онъ рѣшился и намѣреніе свое исполнитъ непремѣнно. Опасаясь, дабы онъ на самомъ дѣлѣ того не совершилъ, я, наконецъ, рѣшился прибѣгнуть къ чувствамъ его. Мнѣ нѣсколько разъ удалось помочь ему въ его нуждахъ. Я замѣтилъ, что онъ всегда тѣмъ сильно трогался и искренно любилъ меня, почему я и сказалъ ему: «Любезный Каховскій, подумай хорошенько о своемъ намѣреніи. Схватятъ тебя, схватятъ и меня, потому что ты у меня бывалъ часто. Я общества не открою, но вспомни, что я—отецъ семейства. За что ты хочешь губить мою бѣдную жену и дочь?» Каховскій прослезился и сказалъ: «Ну, дѣлать нечего, ты убѣдилъ меня». «Дай же мнѣ честное слово,—продолжалъ я,—что не исполнишь своего намѣренія!» Онъ далъ мнѣ оное. Но послѣ сего разговора онъ часто сталъ задумываться. Я охладѣлъ къ нему, мы часто стали спорить другъ съ другомъ, и, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ снова обратился къ своему намѣренію и настоятельно требовалъ, чтобы я его представилъ членамъ думы. Я рѣшительно отказалъ ему въ томъ и сказалъ, что жестоко ошибся въ немъ и раскаиваюсь, принявъ его въ общество. Послѣ сего мы разстались въ сильномъ неудовольствіи другъ на друга... Между тѣмъ, при свиданіяхъ мы продолжали спорить и даже ссориться. И, наконецъ, видя его непреклонность, я сказалъ однажды ему, чтобы онъ успокоился, что я извѣщу думу о его намѣреніи, и что если общество рѣшится начать дѣйствія свои покушеніемъ на жизнь государя, то никого кромѣ него не употребитъ къ тому. Онъ этимъ удовлетворился. Это происходило за мѣсяцъ до кончины покойнаго Государя Императора».

Изъ показаній Рылѣева видно, что дня за два до 14 декабря Каховскій опять возобновилъ свое предложеніе, но что Рылѣевъ и на этотъ разъ его успокоилъ.

Члены общества долго и подробно дебатировали также вопросъ о томъ, какъ поступить съ царской семьей въ случаѣ удачи возмущенія, и взгляды Рылѣева въ этихъ дебатахъ мѣнялись, сообразно степени его возбужденности. «Въ рѣшительномъ совѣщаніи,—признавался Рылѣевъ,—никогда не полагали истребить императорскую фамилію и провозгласить республику. Равно и того, что если на нашей сторонѣ будетъ только перевѣсъ, то чтобы послать депутацію къ государю цесаревичу съ просьбою царствовать съ нѣкоторыми ограниченіями. Положено же было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора, который долженствовалъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ».

«А что дѣлать съ императоромъ,—спрашивалъ Рылѣевъ своихъ товарищей,—если онъ откажется утвердить уставъ представителей народныхъ?» Всѣ были озадачены этимъ вопросомъ, и Рылѣевъ, воспользовавшись мнѣніемъ Пестеля, сказалъ: «Не вывезти ли за границу?» Проектъ этотъ всѣмъ понравился, и отъ членовъ думы возложено было на Рылѣева порученіе стараться приготовить для исполненія упомянутой мысли нѣсколько морскихъ надежныхъ офицеровъ. Къ выполненію этого порученія Рылѣевъ и приступилъ. «При свиданіи съ Торсономъ,—говоритъ онъ,—я спрашивалъ его: «Можно ли имѣть фрегатъ съ надежнымъ капитаномъ и офицерами»? На вопросъ же его: «Для чего это?» я отвѣтилъ: «Чтобы отправить въ случаѣ надобности царствующую фамилію за границу». Торсонъ находилъ это опаснымъ и полагалъ, что даже лучше оставить императорскую фамилію во дворцѣ. Тутъ она подъ надзоромъ. Я же точно сказалъ на это: «Нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя; развѣ въ Шлиссельбургѣ. Тамъ можно приставить старый Семеновскій полкъ. Въ случаѣ же возмущенія, примѣръ Мировича».

До сихъ поръ теченіе мыслей Рылѣева по данному вопросу представляется выдержаннымъ и спокойнымъ.

Но вдругъ, 13 декабря, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій, происходитъ совсѣмъ неожиданная сцена. По показанію Оболенскаго—который, правда, утверждаетъ, что Рылѣевъ находился въ изступленіи—«Рылѣевъ 13 декабря въ вечеру обнимаетъ Каховскаго и говоритъ ему: «Любезный другъ! Ты спръ на сей землѣ, я знаю твое самоотверженіе: ты можешь быть полезнѣе, чѣмъ на площади: истреби царя!» На вопросъ Каховскаго, какія можетъ онъ найти къ тому средства, Рылѣевъ предлагаетъ ему надѣть офицерскій мундиръ и рано поутру, прежде возмущенія, идти во дворецъ и тамъ убить государя или на площади, когда выйдетъ его величество» *). Спрошенный по этому поводу, Рылѣевъ показываетъ: «13 декабря въ вечеру я, дѣйствительно, предлагалъ Каховскому убить нынѣ царствующаго государя и говорилъ, что это можно исполнить на площади. Поутру того дня, долго обдумывая планъ нашего предпріятія, я находилъ множество неудобствъ къ счастливому окончанію онаго. Болѣе всего страшился я, если нынѣ царствующій государь императоръ не будетъ схваченъ нами, думая, что въ такомъ случаѣ непремѣнно послѣдуетъ междоусобная война. Тутъ пришло мнѣ на умъ, что для избѣжанія междоусобія должно принести его на жертву, и эта мысль была причиною моего злодѣйскаго предложенія».

Въ заключеніе,—кончаетъ свое показаніе Рылѣевъ,—«дабы совершенно успокоить себя, я долженъ сознаться, что послѣ того, какъ я узналъ о намѣреніяхъ Якубовича и Каховскаго, мнѣ самому часто приходило на умъ, что для прочнаго введенія новаго порядка вещей необходимо истребленіе всей царствующей фамиліи. Полагалъ я, что убіеніе одного импе-

*) Есть указаніе, что Рылѣевъ питалъ „сильную ненависть“ къ великому князю Николаю Павловичу [199]. Объ этой ненависти однако, ни изъ словъ самого Рылѣева, ни изъ того, что о немъ говорили другіе, ничего не извѣстно.

ратора не только не произведетъ никакой пользы, но, напротивъ, можетъ быть пагубно для самой цѣли общества, что оно раздѣлитъ умы, составитъ партіи и взволнуетъ приверженцевъ августѣйшей фамиліи, и что все это совокупно неминуемо породитъ междоусобіе и всѣ ужасы народной революціи. Съ истребленіемъ же всей императорской фамиліи я думалъ, что поневолѣ всѣ партіи должны будутъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, ихъ легче можно будетъ успокоить. Но сего преступнаго мнѣнія, сколько могу припомнить, я никому не открывалъ, да и самъ, наконецъ, рѣшительно обратился къ прежней мысли своей, что участь царствующаго дома, а равно и то, какой образъ правленія ввести въ Россіи, въ правѣ только рѣшить великій соборъ, что постоянно и старался внушать всѣмъ извѣстнымъ мнѣ членамъ».

Показаніе это—во всякомъ случаѣ вполнѣ искреннее, такъ какъ никто его не требовалъ—свидѣтельствуетъ о томъ, что мысль объ убійствѣ, впервые высказанная товарищами, хоть и мелькала въ головѣ Рылѣева, но не переходила въ рѣшеніе; онъ всегда былъ противъ нея и, только въ самый разгаръ своей революціонной изступленности, онъ ухватился за эту мысль и, дѣйствительно, какъ изступленный, бросился на шею тому человѣку, котораго самъ за нѣсколько часовъ передъ этимъ считалъ сумасшедшимъ *).

*) Показанія Рылѣева до того разсердили Каховскаго, что онъ на допросѣ сталъ безъ стѣсненія оговаривать Рылѣева. Онъ приписывалъ ему планъ убіенія цесаревича Константина; планъ заключить въ крѣпость царскую фамилію съ цѣлью тамъ умертвить ее, или умертвить ее въ Москвѣ при коронаціи; онъ говорилъ, что Рылѣевъ думалъ послѣ убіенія цесаревича Константина распустить слухъ, что это убійство совершено по приказанію императора Николая Павловича; онъ приписывалъ ему планъ поджечь городъ, чтобы и праха нѣмецкаго не было; говорилъ, что онъ, Рылѣевъ, снабдилъ его, Каховскаго, кинжаломъ...

Рылѣевъ, отвѣчая на эти пункты обвиненія, утверждалъ, что все, показанное Каховскимъ, преисполнено несправедливости и клеветы, и во всемъ видно явное намѣреніе мстить ему, Рылѣеву, за сдѣланныя на него, Каховскаго, показанія.

Во всякомъ случаѣ никакого опредѣленнаго и выработаннаго плана цареубійства у Рылѣева не было, и на площадь онъ пошелъ, вѣроятно, съ тою же мыслію, на которой часто останавливался, когда сталкивался съ какимъ-нибудь необычайно сложнымъ вопросомъ: «Обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно».

XVI.

О томъ, какъ Рылѣевъ провелъ канунъ 14 декабря и какъ онъ себя велъ на площади — сохранилось немало свѣдѣній.

Достовѣрность этихъ, иногда очень лирическихъ разсказовъ провѣрить трудно, но несомнѣнно, что въ нихъ сохранилась если не правда самихъ фактовъ, то правда настроенія. Соберемъ ихъ безъ всякихъ оговорокъ.

«Шумно и бурливо,—разсказываетъ М. Бестужевъ,—было совѣщаніе, наканунѣ 14 декабря въ квартирѣ Рылѣева. Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно-высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобоисполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго...

«Зато, какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему—на любовь къ родинѣ—физіономія его оживлялась, черные какъ смоль глаза, озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда бывало, не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшившій туманный вопросъ: «To be or not to be». Его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъестественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгова, съ которымъ мы бесѣдовали, по-

вѣряя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ, сказалъ: «Миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете свое дѣло» [200].

«Всѣ изъ присутствовавшихъ (на послѣднемъ собраніи),— разсказываетъ другой современникъ, баронъ Розенъ,—были готовы дѣйствовать, всѣ были восторжены, всѣ надѣялись на успѣхъ и только одинъ изъ всѣхъ поразилъ меня совершеннымъ самоотверженіемъ; онъ спросилъ меня наединѣ: «Можно ли положиться навѣрное на содѣйствіе 1-го и 2-го баталіоновъ нашего полка?» и когда я представилъ ему всѣ препятствія, затрудненія, почти невозможность, то онъ съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ голосѣ сказалъ мнѣ: «Да, мало видовъ на успѣхъ, но все-таки надо, все-таки надо начать; начало и примѣръ принесутъ плоды». Еще теперь слышу звуки, интонацію: «Все-таки надо». То сказалъ мнѣ Кондратій Оедоровичъ Рылѣевъ» [201].

Это смутное состояніе духа Рылѣева, наканунѣ рѣшительнаго шага—состояніе, идущее въ разрѣзъ съ общимъ приподнятымъ, экзальтированнымъ настроеніемъ, въ какомъ онъ находился на совѣщаніяхъ, отмѣтилъ и Н. Бестужевъ: «Лучше быть взятымъ на площади,—говорилъ Рылѣевъ,—нежели на постели. Пусть лучше узнаютъ, что мы погибнемъ, нежели будутъ удивляться, когда мы тайкомъ исчезнемъ изъ общества, и никто не будетъ знать, гдѣ мы и за что пропали». «Судьба наша рѣшена, къ сомнѣніямъ нашимъ теперь, конечно, прибавятся всѣ препятствія. Но мы начнемъ. Я увѣренъ, что погибнемъ, но примѣръ останется» [202].

Рано по утру 14 числа Н. Бестужевъ пришелъ къ Рылѣеву и они вмѣстѣ пошли на площадь *).

*) Мы простились и пошли,—разсказываетъ Н. Бестужевъ,— но здѣсь ожидала насъ очень трудная сцена. Жена его выбѣжала къ намъ навстрѣчу, и когда я съ нею хотѣлъ поздороваться, она схватила мою руку, и заливаясь слезами, едва могла выговорить:

Опасенія Рылѣева оправдались, и на площади его ожидало полное разочарованіе; впрочемъ, онъ на самой площади оставался очень недолго. «14 декабря, прежде присяги,—показываетъ онъ,—былъ я у воротъ Московскаго полка вмѣстѣ съ Пущинымъ, но въ роты не входили мы и ни одного офицера, ни солдата не видѣли; пріѣзжали же узнать, что дѣлается. Потомъ проѣзжали мы мимо Измайловскаго полка къ казармамъ экипажа, но послѣ возвратились на мою квартиру. Послѣ сего я еще ѣздилъ къ лейбъ-гренадерскимъ казармамъ, но, не доѣхавъ до нихъ, встрѣтился я съ Корниловичемъ и узнавъ отъ него, что Сутгофъ со своей ротой уже пошелъ на площадь, воротился. На площади же, увидѣвъ безначаліе и неустройство, отправился искать Трубецкого и уже не возвращался». Съ этимъ показаніемъ согласно и то, что разсказываетъ И. Пущинъ. Онъ говоритъ, что онъ и Рылѣевъ пріѣхали утромъ на сборное мѣсто, но, не нашедши тамъ ни-

---

— Оставьте мнѣ моего мужа, не уводите его,—я знаю, что онъ идетъ на погибель!

Кто изъ моихъ товарищей испыталъ чувствованія, одушевлявшія каждаго изъ насъ въ эти незабвенные дни, тотъ можетъ представить, что напряженная душа готова была ко всѣмъ пожертвованіямъ, и потому я уговаривалъ ее такими словами, какъ будто супруга и мать должна была понимать мои чувствованія; но это было холодно для ея сердца.

Рылѣевъ подобно мнѣ старался успокоить ее: что онъ возвратится скоро, что въ намѣреніяхъ его нѣтъ ничего опаснаго. Она не слушала насъ; но въ это время дикій, горестный и испытующій взглядъ большихъ черныхъ ея глазъ непремѣнно устремлялся на обоихъ. Я не могъ выносить этого взгляда и смутился. Рылѣевъ примѣрно былъ въ замѣшательствѣ. Вдругъ она отчаяннымъ голосомъ вскрикнула:

— Настенька! проси отца за себя и за меня!..

Маленькая дѣвочка выбѣжала, рыдая, обняла колѣни отца, а мать почти безъ чувствъ упала къ нему на грудь. Рылѣевъ положилъ ее на диванъ, вырвался изъ ея и дочернихъ объятій и убѣжалъ.

какихъ войскъ, отправились въ казармы Измайловскаго полка. Встрѣтили они по дорогѣ мичмана Чижова, который ихъ увѣрилъ, что никакая попытка поднять Измайловскій полкъ не можетъ быть удачна. Они возвратились тогда вспять, и на этотъ разъ нашли на сборномъ мѣстѣ двухъ Бестужевыхъ и Щепина впереди солдатъ. Пущинъ примкнулъ къ нимъ, а Рылѣевъ сказалъ, что онъ отправится въ Финляндскій полкъ, и потомъ никто его уже больше не видалъ. «Рылѣевъ,—говоритъ Пущинъ,—былъ всегда готовъ служить тайному обществу и словомъ, и дѣломъ, но въ рѣшительную минуту онъ потерялся, конечно, не изъ опасенія за свою жизнь» [203].

Баронъ Розенъ толкуетъ, впрочемъ, нѣсколько иначе эту суетливость Рылѣева. «Рылѣевъ, какъ угорѣлый,—говоритъ, онъ,—бросался во всѣ казармы, ко всѣмъ карауламъ, чтобы набрать больше матеріальной силы, и возвращался на площадь съ пустыми руками». «Ему незачѣмъ было долго оставаться на Сенатской площади, потому что онъ дѣятельнѣе всѣхъ другихъ собиралъ силы со всѣхъ сторонъ, искалъ отдѣльныхъ лицъ, не явившихся къ сборному мѣсту. Онъ только не могъ принять начальства надъ войскомъ, не полагаясь на свое умѣнье распорядиться, и еще наканунѣ избралъ для себя обязанность рядового» [204].

Быть можетъ, Рылѣевъ, дѣйствительно, старался собирать если не силы, которыми онъ не располагалъ, то отдѣльныхъ лицъ *), но во всякомъ случаѣ онъ на площади не игралъ никакой видной роли.

Сталъ ли онъ на нѣкоторое время въ ряды солдатъ, съ сумкой черезъ плечо и съ ружьемъ въ рукахъ **), какъ онъ

*) Какъ, напримѣръ, кн. Трубецкаго, который на площадь не явился.

**) „Онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь, и готовился стать въ ряды солдатскіе“—слова Е. П. Оболенскаго [205].

хотѣлъ *); отходилъ ли онъ въ сторону, чтобы привѣтствовать Н. Бестужева первымъ цѣлованіемъ свободы и сказать ему, что послѣднія ихъ минуты близки [208], старался ли онъ оградить какого-то «почетнаго чиновника» отъ насильственнаго завлеченія въ каре бунтующихъ [209], говорилъ ли онъ Ѳ. Глинкѣ, иронизируя надъ самимъ собой: «Посмотрите, что затѣяли» [210]— все это провѣрить теперь невозможно. Но во всякомъ случаѣ, Рылѣевъ не «стрѣлялъ, не билъ прикладомъ и не кололъ штыкомъ генераловъ, офицеровъ и другихъ, посланныхъ отъ государя для увѣщанія солдатъ»,—какъ это утверждалъ во всемъ безцеремонный А. Ѳ. Воейковъ [211]. Совсѣмъ невѣроятно также, что, встрѣтивъ командира Семеновскаго полка Шипова на площади, Рылѣевъ подошелъ къ нему и сказалъ: «Видите, Сергѣй Павловичъ, я отъ нихъ отсталъ»—хоть это и разсказывалъ самъ Шиповъ П. Бартеневу [212].

Въ ту минуту, когда «выстрѣлы разсѣяли безумцевъ съ полярною звѣздою» [213],—Рылѣева на площади не было.

---

*) Рылѣевъ предполагалъ даже надѣть русскій кафтанъ „чтобы сроднить солдата съ поселяниномъ въ первомъ дѣйствіи ихъ взаимной свободы“,—какъ утверждаетъ Н. Бестужевъ. Намѣренія своего онъ, впрочемъ, не исполнилъ, хотя его костюмъ, кажется, бросался въ глаза. „Со словъ одного очевидца, случайно зашедшаго на площадь во время своей утренней прогулки,—площадь представляла зрѣлище совершенно своеобразное. Тутъ были лица, какихъ никогда не видать въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, массами: старинныя фризовыя шинели со множествомъ откидныхъ воротниковъ; шинели гражданскія, порядочныя, и при нихъ на головахъ мужицкія шапки; полушубки при круглыхъ шляпахъ. Алыя полотенца, вмѣсто кушаковъ, и тому подобное,—цѣлый маскарадъ распутства, замышляющаго преступленіе. Въ рядахъ мелькали по временамъ А. Бестужевъ, Рылѣевъ и другіе [206]. Участники возмущенія произвели, несомнѣнно, своимъ внѣшнимъ видомъ, извѣстную сенсацію. „Ротами начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ,—сказано было въ прибавленіи къ № 100 „Спб. Вѣдомостей“ 1825 г.,—къ нимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ“ [207].

«Рылѣевъ скитался не знаю гдѣ,—пишетъ Гречъ,—но къ вечеру пришелъ домой. У него собралось нѣсколько героевъ того дня, между прочимъ, баронъ Штейнгель: они сѣли за столъ и закурили сигары. Булгаринъ, жестоко ошеломленный взрывомъ, о которомъ онъ имѣлъ темное предчувствіе, пришелъ къ Рылѣеву часовъ въ восемь и нашелъ честную компанію преспокойно сидящею за чаемъ. Рылѣевъ всталъ, преспокойно отвелъ его въ переднюю и сказалъ: «Тебѣ здѣсь не мѣсто. Ты будешь живъ, ступай домой. Я погибъ, прости! Не оставляй жены моей и ребенка». Поцѣловалъ онъ его и выпроводилъ изъ дому» 214 *). Въ этомъ разсказѣ вѣренъ только одинъ фактъ, подтвержденный и показаніемъ Рылѣева: вечеромъ 14 декабря нѣкоторые члены общества, дѣйствительно, собрались у Рылѣева, съ какой цѣлью—неизвѣстно. Д. Кропотовъ 215 разсказываетъ объ этомъ послѣднемъ вечерѣ иначе, и разсказъ его правдоподобенъ. «Вечеромъ 14 декабря,—говоритъ онъ, — Рылѣевъ явился домой пасмурнымъ и печальнымъ **). Напившись чаю, сказалъ женѣ: «Худо, мой другъ, всѣхъ моихъ друзей берутъ подъ стражу, вѣроятно, не избѣгнуть и мнѣ общей участи». Отправившись въ свой кабинетъ, онъ улегся на диванѣ. Послѣ полуночи, пріѣхалъ оберъ-полицеймейстеръ и объявилъ ему повелѣніе объ арестованіи его. Рылѣевъ одѣлся наскоро, благословилъ дочь свою Настеньку, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, изнемогавшую подъ бременемъ горести, и поцѣловавъ ее въ послѣдній разъ, быстро направился къ двери».

Рылѣевъ былъ отвезенъ прямо во дворецъ, откуда, послѣ

---

*) Ничего подобнаго, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ не было; Булгаринъ послѣ смерти Рылѣева могъ всю эту трогательную сцену выдумать, если самъ Гречъ ее не выдумалъ.

**) Въ своихъ показаніяхъ Рылѣевъ говоритъ, что онъ плохо помнитъ все, что въ этотъ вечеръ у него говорилось, „такъ какъ находился въ сильномъ волненіи духа и былъ занятъ судьбою своего семейства и безпрестанно уходилъ въ комнату жены“.

допроса у царя,—былъ доставленъ въ Петропавловскую крѣпость и помѣщенъ въ 17 № Алексѣевскаго равелина.

«Присылаемаго Рылѣева,—писалъ Государь,—посадить въ Алексѣевскій равелинъ, но не связывать рукъ; дать ему бумагу для письма и, что будетъ писать ко мнѣ собственноручно, мнѣ приносить ежедневно» 216.

XVII.

Для Рылѣева началась томительная жизнь въ заключеніи. Послѣ пережитыхъ волненій, такая беззвучная жизнь должна была ускорить тотъ нервный кризисъ, который былъ неизбѣженъ при его впечатлительной натурѣ; слишкомъ чувствительна была въ основѣ своей эта натура, слишкомъ въ ней много было мечтательнаго элемента, чтобы она на долгій срокъ могла выдержать такое напряженіе, въ какомъ она находилась въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ. При всей своей воспламеняемости и рѣзкости въ сужденіяхъ, Рылѣевъ не былъ настоящимъ боевымъ человѣкомъ,—человѣкомъ желѣзной воли, выдержанныхъ рѣшеній ума и стойкой послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Онъ въ рѣчахъ и стихахъ былъ смѣлѣе, чѣмъ на дѣлѣ, и когда онъ сознался, что дѣло проиграно, онъ могъ разрѣшить себѣ тотъ душевный покой, который онъ всегда любилъ, какъ поэтъ и мечтатель. Конечно, говорить о «покоѣ» заключеннаго, не знающаго, какая участь его ожидаетъ, человѣка, озабоченнаго судьбой друзей и семьи—странно. Но есть покой высшаго порядка, который возможенъ и при большихъ волненіяхъ сердца: это покой въ сознаніи того, что то, что считалъ нужнымъ—сдѣлано, сдѣлано съ напряженіемъ всѣхъ силъ, которыя были въ распоряженіи, и что печальная развязка этого дѣла уже не въ моей власти.

Рылѣевъ пришелъ къ этому сознанію необычайно быстро и очень покорно примирился съ развязкой. Этимъ примиреніемъ объясняется его поведеніе на допросахъ, его показанія и та очень искренняя религіозность, которая во все

продолженіе его тюремной жизни служила для него источникомъ утѣшенія.

Дальнѣйшая борьба стала невозможной, оставалось только спасать пострадавшихъ. Этимъ Рылѣевъ и руководствовался при своихъ отвѣтахъ и показаніяхъ. Существуетъ мнѣніе, что признанія осужденныхъ были не всегда добровольны; что власть употребляла всевозможныя средства къ тому, чтобы вынудить признаніе, какое ей было нужно, что заключенныхъ лишали спокойствія тѣла и духа, и разными средствами, даже очень крайними, заставляли оговаривать другихъ товарищей *). Сколько въ этомъ истины, сколько вымысла — провѣрить трудно, но можно съ увѣренностью сказать, что къ Рылѣеву мѣры принужденія не примѣнялись, и его откровенность на допросѣ была не вынужденная, а добровольная. Что онъ говорилъ царю въ ночь на 15 декабря, мы не знаемъ, но, вѣроятно говорилъ откровенно **), судя по тому, что царь пожелалъ имѣть отъ него ежедневныя свѣдѣнія. На первомъ допросѣ передъ комитетомъ, показанія Рылѣева были «отрывисты» [218], а затѣмъ очень подробны и обстоятельны. Товарищъ его, Н. Бестужевъ говоритъ такъ объ его поведеніи на допросахъ [219]:

«Вотъ поведеніе Рылѣева по комитету, сколько я могъ судить изъ дѣла и его показаній, которыя до меня доходили. Но здѣсь я говорю собственное мнѣніе—то, что мнѣ казалось, не основываясь ни на какихъ положительныхъ доказательствахъ.

*) Такъ утверждаютъ Н. Муравьевъ, Лунинъ, Н. Бестужевъ, Н. Тургеневъ и М. Фонвизинъ [217].

**) Кажется, что на этотъ разговоръ съ царемъ намекаетъ Рылѣевъ въ заключительныхъ словахъ своего показанія: „Раскаявшись въ своемъ преступленіи и отрекшись отъ прежняго образа мыслей своихъ *съ самаго начала, я тогда же* показалъ все, что почиталъ необходимымъ для открытія обществъ, для отвращенія на югѣ предпріятій, подобныхъ происшествію 14 декабря, и если это до сего скрывалъ, то скрывалъ не столько щадя себя, сколько другихъ“.

Рылѣевъ старался передъ комитетомъ выставить общество и дѣла онаго гораздо важнѣе, нежели они были въ самомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ придать вѣсу всѣмъ нашимъ поступкамъ, и для того часто дѣлалъ такія показанія о такихъ вещахъ, которыя никогда не существовали. Согласно съ своею мыслью, чтобы знали, чего хотѣло наше общество, онъ открылъ многія вещи, которыя открывать бы не надлежало *). Со всѣмъ тѣмъ это не были ни ложныя показанія на лица, ни какія-нибудь уловки для своего оправданія; напротивъ, онъ, принимая все на свой счетъ, выставлялъ себя причиною всего, въ чемъ могли упрекнуть общество. Сверхъ того, комитетъ употреблялъ всѣ непозволительныя средства: въ началѣ обѣщали прощеніе: впослѣдствіи, когда все было открыто и когда не для чего было щадить подсудимыхъ, присовокупились угрозы, даже стращали пыткою. Комитетъ налагалъ дань на родственныя связи, на дружбу; всѣ хитрости и подлоги были употреблены. Я зналъ черезъ стараго солдата, что Рылѣеву было обѣщано отъ государя прощеніе, ежели онъ признается въ своихъ намѣреніяхъ; женѣ его было сказано то же; позволены были свиданія, переписка, все было употреблено, чтобы заставить раскрыться Рылѣева. Сверхъ того, зная нашу съ нимъ дружбу, насъ спрашивали часто отъ его имени о такихъ вещахъ, о которыхъ намъ прежде и на мысль не приходило. Я, признаюсь, обманутый самъ обѣщаніемъ царскимъ, зная, за какую цѣну оно обѣщано Рылѣеву, и зная его намѣреніе представить въ важнѣйшемъ видѣ вещи, думалъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, чтобы не повредить ему и не выставить его лжецомъ, отрицаясь отъ показаній, сдѣланныхъ будто отъ его имени, особенно въ началѣ дѣла, когда еще не разгадалъ этой хитрости комитета; но послѣ я узналъ это, и мы съ братомъ взяли свои мѣры. Что же касается до Рылѣева, онъ не измѣнилъ своей всегдашней довѣрчивости и

*) Съ особой злостью, несомнѣнно исказившей истину,— говорилъ объ этихъ показаніяхъ Рылѣева Д. Завалишинъ 220.

до конца убѣжденъ былъ, что дѣло окончится для насъ благополучно. Это было видно изъ его записки, посланной ко всѣмъ намъ въ равелинѣ, когда онъ узналъ о дѣйствіяхъ верховнаго уголовнаго суда; она начиналась слѣдующими словами: «Красные кафтаны (т. е. сенаторы) горячатся и присудили намъ смертную казнь, но за насъ Богъ, государь и благомыслящіе люди»—окончанія не помню».

Что Рылѣевъ надѣялся на «благополучный» исходъ дѣла,—на это есть намеки и въ его письмахъ изъ каземата; непонятно только, какъ, надѣясь на это, онъ могъ представлять все дѣло болѣе серьезнымъ и сложнымъ, чѣмъ оно было, и преувеличивать свою собственную роль во всемъ заговорѣ. Но, онъ возвеличивалъ себя на счетъ другихъ съ очень опредѣленной цѣлью: онъ хотѣлъ взять на себя наибольшую часть вины, чтобы она не такой тяжестью легла на плечи товарищей [221].

Баронъ Розенъ разсказываетъ, что Рылѣевъ на допросахъ излагалъ очень смѣло свои взгляды на положеніе Россіи и былъ очень откровененъ въ обличеніи ея недостатковъ. Кн. Трубецкой утверждаетъ, что Рылѣевъ велъ даже «развязный» разговоръ (правда, до допроса) о «временномъ правленіи» съ однимъ изъ своихъ судей, княземъ А. Н. Голицынымъ [222]. Эти смѣлыя и обличительныя рѣчи Рылѣева остались незаписанными [223], но что онъ могъ произносить ихъ—это болѣе чѣмъ вѣроятно: подавали же А. Бестужевъ и Штейнгель длинныя донесенія самому царю, въ которыхъ не щадили русскіе порядки *).

*) „Въ донесеніи слѣдственной комиссіи не выставлено ни одно обстоятельство, — пишетъ М. Фонвизинъ въ своей „Запискѣ“,—ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить симпатичное участіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ, въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи, страдавшей подъ вѣковымъ гнетомъ самовластія! Сколько вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ, и въ администраціи! Сколько уро-

Если Ник. Муравьевъ и Н. Тургеневъ могутъ быть заподозрѣны въ стремленіи представить движеніе отнюдь не серьезнымъ [225], то показанія Рылѣева писаны съ полнымъ сознаніемъ важности того дѣла, которому онъ служилъ.

Быть можетъ, ему не слѣдовало бы говорить такъ увѣренно и открыто о силахъ южнаго общества, о руководящей роли, которую въ немъ игралъ Пестель; быть можетъ, онъ напрасно просилъ своихъ судей «принять всевозможныя предосторожности и какъ можно скорѣе, чтобы опять не пролилась кровь и не погибли люди, достойные, можетъ быть, лучшей участи». Такія слова могли исказить заранѣе точку зрѣнія судьи на того или другого подсудимаго и заставить судью предполагать очень важное и значительное тамъ, гдѣ этого, можетъ быть, и не было *), — но излишняя откровенность Рылѣева вытекала опять-таки не изъ чувства самообороны, а изъ сентиментальнаго міросозерцанія, которое допускало, что побѣдитель можетъ стать нѣжнымъ опекуномъ, а грозный судья превратиться въ милостиваго родителя **).

ковъ самому правительству для уврачеванія тяжкихъ язвъ, съѣдающихъ Россію! Уничтоженіе крѣпостного рабства цѣлой трети ея народонаселенія, винныхъ откуповъ, посредствомъ которыхъ главный государственный доходъ основанъ на развращеніи и разореніи народа по несчастной страсти его къ крѣпкимъ напиткамъ, поощренной съ вѣдома правительства винными откупами, до невѣроятности размножающими средства удовлетворять эту страсть,—всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны подсудимыми, и однако обо всемъ этомъ умолчено въ донесеніи слѣдственной комиссіи Государю“ [224].

*) Кажется, что это иногда и случалось. Трубецкой пишетъ въ своихъ „Запискахъ“: „Видъ Рылѣева сдѣлалъ на меня печальное впечатлѣніе; онъ былъ блѣденъ чрезвычайно и очень похудѣлъ. Его видъ такъ поразилъ меня, что я сдѣлалъ то, чего бы не долженъ былъ, а именно, я, по нѣкоторомъ оспариваніи показаній его мнѣнія о другихъ лицахъ, не сталъ упорствовать и согласился, что онъ говорилъ то, чего я отъ него не слыхалъ, какъ и теперь въ томъ увѣренъ, и что, можетъ быть, подвергло строжайшему осужденію этихъ лицъ“ [226].

**) Рылѣевъ былъ вообще очень довѣрчивъ. Сердце его слиш-

Къ этой милости Рылѣевъ и взывалъ съ самыхъ первыхъ дней заключенія. Сначала онъ подыскивалъ оправданіе для такой возможной милости и писалъ: «Открывъ откровенно и рѣшительно, что мнѣ извѣстно, я прошу одной милости: пощадить молодыхъ людей, вовлеченныхъ въ общество, и вспомнить, *что духъ времени—такая сила, передъ которою они не въ состояніи были устоять*». Затѣмъ онъ обращается уже прямо къ царю, безъ всякой попытки самозащиты. «Что повелѣвала совѣсть, я сказалъ все,—пишетъ онъ ему.—Прошу объ одной милости: будь милосердъ къ моимъ товарищамъ; они всѣ люди съ отличными дарованіями и съ прекрасными чувствами. Твое милосердіе содѣлаетъ изъ нихъ самыхъ ревностныхъ вѣрноподданныхъ твоихъ и обезоружитъ тѣхъ, кои пожелаютъ идти по слѣдамъ нашимъ. Государь! Ты началъ царствованіе свое великодушнымъ подвигомъ: ты отрекся отъ престола въ пользу старшаго брата своего. Совокупивъ же съ великодушіемъ милосердіе, кого, государь, не привлечетъ къ себѣ ты навсегда?» О себѣ онъ говорилъ царю только одно что онъ—отецъ семейства.

Скромный, когда дѣло шло о просьбѣ, онъ не щадилъ себя, когда оно касалось обвиненія *). Судьи, главнымъ образомъ, по его же собственнымъ признаніямъ, хотѣли видѣть въ немъ главаря и организатора сѣвернаго общества. «Комитету извѣстно, — говорили они,—что до 1823 года сѣверное тайное общество, состоявшее изъ немногихъ людей и безъ всякаго дѣйствія, готово было само собой уничтожиться, но вы, вступивъ въ оное и какъ одинъ изъ пламенныхъ и рѣшительныхъ членовъ, возстановили общество и при по-

---

комъ было открыто,—говоритъ Н. Бестужевъ,—слишкомъ довѣрчиво. Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и, обманутый, не переставалъ вѣрить. Опытность ни къ чему для него не служила.

Онъ все видѣлъ въ радужныя очки своей прекрасной души [227].

*) За исключеніемъ вопроса о цареубійствѣ, иниціативу котораго онъ съ полнымъ правомъ не хотѣлъ признать за собой.

средствѣ южныхъ членовъ, возбуждавшихъ здѣсь взаимное рвеніе, быстро умножали число членовъ, управляя ихъ волею и одушевляя ихъ либеральными понятіями и слѣпою готовностью къ преобразованію, распространили и утвердили преступный кругъ дѣятельности тайнаго общества и, наконецъ, вы первые предприняли намѣреніе воспользоваться переприсягою Государю Императору Николаю Павловичу, преклонили къ тому и другихъ и содѣлались главною причиною происшествія 14 декабря». На это обвиненіе—съ дѣйствительностью не вполнѣ согласное (такъ какъ Рылѣевъ не возстановлялъ общества, съ южными членами не дружилъ и главной причиной происшествія не былъ)—Рылѣевъ отвѣтилъ полнымъ признаніемъ. «Признаюсь чистосердечно,—писалъ онъ,—что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо я могъ остановить оное,—и не только того не подумалъ сдѣлать, а, напротивъ, еще преступною ревностью своею служилъ для другихъ, особенно для своей отрасли, самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ее заслуживаю, и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ и всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, отечеству и доброму государю его великодушіемъ и милосердіемъ». Это Рылѣевъ говорилъ 24 апрѣля 1826 г., когда слѣдствіе по его дѣлу приходило къ концу и когда ему самому нужно было произнести окончательную самооцѣнку его собственной роли. Какіе бы мы ни подыскивали мотивы такой готовности взять все на себя,—желаніе ли спасти другихъ или, какъ нѣкоторе думаютъ, потребность искупить свою вину передъ тѣми, которые изъ-за него пострадали,—но, во всякомъ случаѣ, съ момента своего заключенія въ крѣпость, въ Рылѣевѣ не осталось и тѣни «революціоннаго» духа, о которомъ такъ часто говорили его позднѣйшіе судьи. Врожденная ему чувствительность взяла верхъ надъ всѣми другими душевными склонностями.

Эта чувствительность въ особенности замѣтна въ письмахъ, которыя Рылѣевъ писалъ женѣ изъ крѣпости. Рылѣевъ

бесѣдуетъ съ женой какъ бы безъ свидѣтелей (а письма эти шли, конечно, черезъ чужія руки), вникая въ разныя хозяйственныя мелочи *), довѣряя ей свои очень интимныя мысли,— мысли, преимущественно покаянныя и религіозныя, и ободряя ее видами на благополучный исходъ дѣла. Любопытно, что во всѣхъ этихъ письмахъ нельзя совсѣмъ уловить ни одной фальшивой, разсчитанной на извѣстное впечатлѣніе фразы. Все очень просто и необычайно сердечно и искренно. Приходится признать, что Рылѣевъ, дѣйствительно, съ необычайной довѣрчивостью относился къ тѣмъ людямъ или, вѣрнѣе, къ тому лицу, отъ котораго зависѣла его участь. Впрочемъ, императоръ самъ позаботился о томъ, чтобы укрѣпить въ Рылѣевѣ это довѣріе: Рылѣевъ не испытывалъ, напр., никакихъ чрезвычайныхъ стѣсненій въ своемъ заключеніи, если не считать слишкомъ рѣдкихъ свиданій съ женой **), а главное царь облегчилъ ему сразу его заботу о матеріальномъ положеніи его семьи. На другой день арестованія Рылѣева, императоръ приказалъ кн. А. Голицыну навести справку о положеніи его семейства. Голицынъ писалъ государю, что на вопросъ, не имѣетъ ли жена Рылѣева въ чемъ-нибудь нужды, она отвѣ-

*) Финансовыя дѣла его очень заботили, такъ какъ они были крайне запутаны. Долговъ было много и имѣніе нужно было продавать спѣшно.

**) Описаніе одного изъ такихъ свиданій сохранилось. „Въ началѣ іюня дозволено было Рылѣеву даже имѣть свиданіе съ семействомъ, то есть съ женой и дочерью. На этомъ свиданіи довелось быть и мнѣ. Мы отправились въ Петропавловскую крѣпость въ коляскѣ. Проѣхавъ Іоанновскія ворота, мы сейчасъ же остановились, не доѣзжая палисадника. Наталья Михайловна (жена Рылѣева) съ Настенькой отправились въ казематъ. Спустя три четверти часа Наталья Михайловна и Настенька возвратились въ слезахъ, безпрестанно оглядываясь на одно окно. На окнѣ, за желѣзной рѣшеткой, стоялъ Рылѣевъ въ бѣлой одеждѣ, слегка потрясая воздѣтыми къ небу руками. Сидя въ коляскѣ, мы смотрѣли на окно каземата и заливались слезами. Кучеръ Петръ, снявъ свою шляпу, громко рыдалъ и причитывалъ, какъ это водится въ деревняхъ по умершимъ“ [228].

чала, что у нея осталось еще 1000 руб. и «она ни о чемъ не заботится, имѣя одно желаніе увидѣться съ мужемъ». Это желаніе было удовлетворено не сразу, но 19 декабря 1825 г., царь прислалъ женѣ Рылѣева въ подарокъ 2000 руб. и затѣмъ 22 декабря, въ день именинъ дочери она получила отъ императрицы Александры Ѳеодоровны—1000 руб. 229. Очень тактично и искренне, безъ лишнихъ словъ, писалъ Рылѣевъ женѣ, когда узналъ объ этомъ подаркѣ: «Милосердіе государя и поступокъ его съ тобой потрясли душу мою. Ты просишь, чтобы я наставилъ тебя, какъ благодарить его. Молись, мой другъ, да будетъ онъ имѣть въ своихъ приближенныхъ друзей нашего любезнаго отечества и да осчастливитъ онъ Россію своимъ царствованіемъ, молись Богу за императорскій домъ. Я могъ заблуждаться, могу и впредь, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ государемъ и императрицею, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ» *).

Большой поддержкой въ тюрьмѣ было для Рылѣева его религіозное чувство, которое охватило его необычайно быстро и сильно почти съ перваго же дня его заключенія. Особенно религіозенъ Рылѣевъ не былъ **), и этотъ подъемъ религіоз-

*) Существовало мнѣніе, что эти подарки были не вполнѣ безкорыстны: что они были разсчитаны на то, чтобы сдѣлать Рылѣева болѣе откровеннымъ. Но онъ и безъ нихъ былъ откровененъ, а главное, эти подарки не изсякли и послѣ смерти Рылѣева. Съ 1826 по 1831 годъ вдова Рылѣева получала ежегодно 3000 рублей, а когда она вышла замужъ за отставного поручика Куколевскаго, то эти же 3000 руб. отдавались до совершеннолѣтія ея дочери, которой при выходѣ замужъ было также оказано пособіе 230.

**) На это, по крайней мѣрѣ, нѣтъ указаній въ его стихахъ и письмахъ; и едва ли можно сказать, какъ выразился одинъ изъ современныхъ критиковъ, что „потрудившійся и пострадавшій ради земли Рылѣевъ въ сущности считалъ землю чужбиной; что его завѣтные помыслы тяготѣли горѣ, ко Христу, котораго онъ славилъ всей душой, къ молитвенному созерцанію; что для него, чистаго христіанина, были дороже всего перспективы небесныя“ 231.

наго настроенія должно, конечно, приписать обстановкѣ. Ошибочно было бы видѣть въ этой религіозности страхъ передъ судьбой, такъ какъ Рылѣеву до послѣднихъ дней его участь рисовалась не въ очень мрачныхъ краскахъ; нельзя также приписать эту религіозность какимъ-либо разсчетамъ, такъ какъ она за все продолженіе тюремной жизни Рылѣева не заставила его написать ни одной фальшивой, неискренней, или шаблонной фразы.

Религія была единственнымъ исходомъ, къ которому должна была прійти эта сентиментальная натура, когда всякій способъ и предлогъ къ проявленію энергіи былъ у нея отнятъ, и когда она, истомленная, сама на себѣ сосредоточилась. Почти съ первыхъ же дней своего заключенія Рылѣевъ почувствовалъ потребность въ мирномъ настроеніи и просилъ жену вмѣстѣ съ 11-ю томами исторіи Карамзина прислать ему книгу «О подражаніи Христу», переводъ М. М. Сперанскаго. Онъ углубился въ эту книгу, и она стала «питать его»; «въ часы скорби она научаетъ внятнѣе и высокія истины ея тогда доступнѣе»—писалъ онъ, и письма его, дѣйствительно, мало-по-малу переполняются религіозными размышленіями.

Рылѣевъ молится, выписываетъ себѣ въ тюрьму образъ, которымъ его благословила мать на смертномъ одрѣ, заботится объ образахъ, которые имъ обѣщаны въ деревенскую церковь, пріобщается, хочетъ жертвовать деньги въ церковь съ тѣмъ, чтобы священникъ ежегодно служилъ панихиды у гроба его матери... онъ въ полной власти всевозможныхъ религіозныхъ ощущеній. Иногда это настроеніе выливается въ формѣ цѣлаго богословскаго разсужденія, и онъ пишетъ женѣ: «О, милая душой подруга! О, милый другъ, твой духъ скорбитъ и мнѣ скорбнѣе стало.

Развѣ только въ самые послѣдніе дни эти перспективы заставили его совсѣмъ не думать о томъ, о чемъ онъ всю свою жизнь неустанно думалъ,—о царствѣ справедливости здѣсь, на землѣ, а не за предѣлами гроба.

Я... *) не нашелъ душѣ отраду. Мы душой стремимся другъ къ другу, но оболочка раздѣляетъ. Мы стремились къ нравственному, духовному міру, оболочка увлекла насъ за собою. Кто же духъ отъ тѣла разрѣшитъ? Христосъ. Въ немъ Единомъ весь духовный міръ, единый, истинный и вѣчный. Но гдѣ же Онъ? Въ груди твоей. Нетлѣнной плотію своей, онъ пріобщилъ тебя духовной, безпредѣльной сущности своей, онъ пріобщилъ тебя вѣчной любви, т. е. жизни Творца. Въ ней единой истина, спокойствіе и благо. Она все прощаетъ, примиряетъ и къ лучшему концу приводитъ, всему учитъ и все исправляетъ. Въ Христѣ она явилась міру; въ Немъ единомъ ты найдешь ее. Полюби ее, о мой милый другъ, въ глубокомъ уединеніи сердца, и она неизъяснимо тебя утѣшитъ... Ты любовью соединился съ міромъ физическимъ, временнымъ; Христомъ ты долженъ соединиться съ міромъ духовнымъ, вѣчнымъ и, соединивъ въ себѣ два міра, всей душою подчинить себя любовію вѣчности. Вотъ, милый другъ, предназначеніе наше. Мы должны любовію подчинить Христу физическій міръ и въ Немъ, какъ въ духовномъ мірѣ, подчинить себя вѣчной любви: Богу ради Бога, по любви Христа».

Во всѣхъ письмахъ звучитъ одинъ призывъ—къ покорности воли Божіей, одно желаніе—самому и одному испить свою чашу. «Я пишу тебѣ то,—говоритъ онъ женѣ,—что мнѣ внушаютъ чувства, и ты никогда не думай, чтобы я согласился и допустилъ тебя раздѣлять со мною участь мою. Ты не должна забывать, что ты—мать. Впрочемъ, мой другъ, надѣйся на благость Божію и милосердіе государя. Какъ ни велико преступленіе мое, но по сію пору обращаются со мною не какъ съ преступникомъ, а какъ съ несчастнымъ, и потому не предавайся отчаянію. У Бога все возможно, и все, что ни творитъ Онъ, все творитъ къ лучшему. Молись ему вмѣстѣ съ малюткою нашею и, что бы ни постигло меня, прими все съ твердостью и покорностью Его святой волѣ».

*) Не разобрано.

Хоть надежда, какъ видимъ, и не покидала Рылѣева, но заставить его любить жизнь она была минутами безсильна. И въ эти грустные часы онъ свыкался съ мыслью о смерти. Это была не страшная, не тревожная, а очень умиротворенная религіозная мысль, хотя источникъ ея и коренился не столько въ любви къ небесному, сколько въ усталости отъ жизни земной. Эта тоска по иной жизни и продиктовала Рылѣеву два послѣднихъ его стихотворенія.

«Открылась весна,—разсказываетъ Е. П. Оболенскій, сосѣдъ Рылѣева по тюрьмѣ, — наступило начало лѣта, и намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ нашемъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ. Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часового. Онъ уходитъ—я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ!
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ, какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ!
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое касается ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева.

У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой оберточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно сжатой рѣчи все то, что просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и, потрудившись около двухъ дней, успокоился душой и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ:

«Любезный другъ,—писалъ въ отвѣтъ Рылѣевъ,—какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ самъ Спаситель, котораго уже давно душа моя исповѣдуетъ. Я Ему вчера молился со слезами. О, какая это была молитва, какія это были слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку; словомъ, за весь міръ. Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь, скажи мнѣ: чужое ли это или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое такъ, какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества».

Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была неполная до полученія слѣдующихъ строфъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ!
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И міръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Для цѣли мы высокой созданы:

Спасителю, сей Истинѣ верховной,
Мы подчинять отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ—къ безсмертію стезя прямая,
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
Васъ будутъ гнать и предавать,
Осмѣивать и дерзостно безславить,
Торжественно васъ будутъ убивать;
Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить:
И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ.
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И, какъ орелъ, на небо рвусь душою,
Но плотью увлекаюсь долу.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный *).

Это была послѣдняя лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты» [233].

Обѣтованный край, о которомъ вздыхалъ Рылѣевъ, ему пришлось увидать очень скоро.

---

*) Въ тюрьмѣ кромѣ этихъ стихотвореній Рылѣевъ другихъ не писалъ, и тѣ, которыя ходили потомъ по рукамъ, какъ бы написанныя имъ въ крѣпости, — ему не принадлежатъ [232]. Срв. выше, стр. 73, примѣч.

XVIII.

Въ маѣ 1826 года слѣдствіе по дѣлу 14 декабря было закончено, и комиссія, избранная для основаній разрядовъ, на которые, по степени ихъ виновности, должны были быть раздѣлены осужденные, представила въ іюнѣ мѣсяцѣ свой докладъ верховному уголовному суду.

«Сколь ни тяжки вины,—говорилось въ этомъ докладѣ,—въ первомъ разрядѣ означенныя, но есть въ числѣ подсудимыхъ лица, которыя по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду. Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ, силой примѣра, неукротимостью злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній, особенный списокъ».

Къ числу этихъ лицъ былъ отнесенъ и Рылѣевъ. Виновность его опредѣлялась слѣдующими словами 234: «Отставной подпоручикъ Кондратій Рылѣевъ 32 лѣтъ. По собственному признанію:

«1. По первому пункту (цареубійства). Умышлялъ на цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица; умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе императорской фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства.

«2. По второму пункту (бунтъ). Усилилъ дѣятельность сѣвернаго общества: управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинять манифестъ

о разрушеніи правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи и принималъ членовъ.

«3. По мятежу (воинскому). Пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній, и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

«*Примѣчаніе.* Воспротивился сдѣланному на совѣщаніи у него предложенію: разбить питейные дома, допустить грабежъ и привлечь чернь во дворецъ».

Верховный судъ приговорилъ Рылѣева вмѣстѣ съ Каховскимъ, Пестелемъ, С. И. Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ къ четвертованію, которое потомъ было замѣнено казнью черезъ повѣшеніе.

Рылѣевъ, если вѣрить одному свидѣтелю, не обнаружилъ ни малѣйшаго признака смущенія на своемъ лицѣ, при выслушаніи приговора[235]. Хоть онъ и надѣялся на относительно благополучный исходъ дѣла и долго не терялъ надежды, но, вѣроятно, ко дню рѣшенія успѣлъ помириться съ ужасной мыслью *). Всѣ, кто его видѣлъ эти послѣдніе дни, отмѣчали его покорное примиреніе съ судьбою. Отецъ Мысловскій, который часто посѣщалъ его въ тюрьмѣ, говорилъ, что призналъ въ немъ истиннаго христіанина, готоваго положить душу свою за други своя[237]. Боясь поколебать этотъ душевный міръ, столь облегчавшій ему послѣдніе часы страшнаго испытанія, Рылѣевъ отказался отъ послѣдняго свиданія съ женой, щадя и ее, и себя.

«Въ казематѣ въ послѣднюю ночь получилъ онъ позволеніе писать къ женѣ своей: онъ началъ,—отрывался отъ письма, молился—продолжалъ писать. Съ разсвѣтомъ вошелъ къ нему плацъ-маіоръ со сторожемъ, съ кандалами, и объявилъ,

---

*) Есть извѣстіе, что жена Рылѣева обратилась къ царю съ прошеніемъ о помилованіи и получила отвѣтъ: „Никто не будетъ обиженъ“[236]. Но это извѣстіе едва ли достовѣрно.

что черезъ полчаса надо идти: онъ сѣлъ дописать письмо, просилъ, чтобы между тѣмъ надѣвали желѣзы на ноги. Онъ съѣлъ кусочекъ булки, запилъ водою, благословилъ тюремщика, благословилъ во всѣ стороны соотничей (?) и друга и недруга, и сказалъ: «Я готовъ идти» 238.

13 іюля 1826.

«Богъ и государь рѣшили участь мою,—писалъ женѣ Рылѣевъ.—Я долженъ умереть и умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу. Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимые суды Непостижимаго? Я ни разу не возроптalъ во все время моего заключенія, и зато Духъ Святой давно утѣшалъ меня. Подивись, мой другъ, и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О, милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ. Проси ее, чтобы она простила меня, равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ же. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настеньку и за бѣдную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять

причастить. Настеньку благословляю мысленно нерукотвореннымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ святому покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства—и она будетъ счастлива, несмотря ни на какія превратности въ жизни, и когда она будетъ имѣть мужа. то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, осчастливила меня въ продолженіе восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить тебя словами: они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ Его Святая воля.

«Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

«У меня осталось здѣсь 530 р.; можетъ быть, отдадутъ тебѣ» *).

Такая же покорность судьбѣ видна и въ томъ письмѣ, которое Рылѣевъ послалъ или собирался послать царю, когда исходъ дѣла сталъ ему вполнѣ ясенъ. Онъ писалъ государю:

Около 12 іюня, 1826 г.

«Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ

---

*) По поводу этого письма возникали сомнѣнія объ его подлинности. „Было пущено въ публику,—писалъ Герценъ,—рукописное письмо Рылѣева къ женѣ, въ которомъ будто бы онъ изъявляетъ несноснѣйшимъ слогомъ чувства раскаянія: жена Рылѣева сама говорила, что она никогда такого письма не получала, что Рылѣевъ никогда не писалъ его, что, слѣдственно, оно подложное“ 239.

Д. Кропотовъ утверждаетъ, однако, положительно, что оно было написано Рылѣевымъ, и говоритъ, что въ его присутствіи оно было вручено женѣ Рылѣева лицомъ, завѣдывавшимъ перепиской съ заключенными 240.

Кн. Е. П. Оболенскій признавалъ письмо подлиннымъ 241.

Баронъ Розенъ утверждалъ, что оно только изуродовано переписчиками 242.

Герценъ, вѣроятно, ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

правилъ? Такъ, Государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно; но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, Государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ, я, съ самаго вступленія моего въ думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; чрезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного: я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь навсегда отвратятъ юныхъ согражданъ моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной».

Подлинность этого письма требуетъ подтвержденія, но если сравнить его съ показаніями Рылѣева на судѣ, то видишь, что оно въ сущности есть простое повтореніе всего, что Рылѣевъ говорилъ передъ судьями, и что писалъ въ своемъ первомъ донесеніи Государю. Что же касается отреченія отъ «заблужденій и политическихъ правилъ», то въ этомъ признаніи нѣтъ отказа отъ идеаловъ, какими жилъ человѣкъ, или отъ политическихъ ученій, которыхъ онъ придерживался въ теоріи. Слова Рылѣева должно понимать, какъ добровольное отреченіе лишь отъ того способа проведенія ихъ въ жизнь, какой былъ сгоряча избранъ имъ и его друзьями.

Во всякомъ случаѣ, черновое письмо Рылѣева къ царю, если оно было имъ написано, не имѣло за собой никакихъ иныхъ побужденій, кромѣ искренняго выраженія благородной мысли, примиренной съ несчастіемъ.

XIX.

Спокойно и твердо взошелъ Рылѣевъ на эшафотъ. «Положите мнѣ руку на сердце,—сказалъ онъ будто бы священнику,—и посмотрите, скорѣе ли оно бьется» [243]. Если оно и билось сильнѣе, то во всякомъ случаѣ не отъ страха.

О послѣднихъ минутахъ Рылѣева существуетъ много разсказовъ. Расходясь въ мелочахъ, всѣ эти показанія современниковъ единогласно говорятъ о стойкости, съ какой Рылѣевъ встрѣтилъ кончину. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ описаній.

«Я не спалъ,—разсказываетъ Оболенскій—намъ велѣно было одѣваться, я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени,—слышу звукъ цѣпей. Дверь отворилась на противоположной сторонѣ корридора: цѣпи тяжело зазвенѣли. Слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго Кондратія Федоровича Рылѣева: «Простите, простите, братья!»—и мѣрные шаги удалились къ концу корридора» [244].

«Приведеніе приговора въ исполненіе на обширномъ полѣ, простиравшемся позади Петропавловской крѣпости, назначено было на 13 іюля 1826 года, на разсвѣтѣ. При этомъ должны были присутствовать отряды изъ всѣхъ войскъ гвардіи. Въ городѣ никто, или почти никто, не зналъ ни о времени, ни о мѣстѣ экзекуціи. Я узналъ объ этомъ случайно, и съ товарищемъ моимъ отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкаго моста, далѣе стража насъ не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска уже были на своихъ

мѣстахъ; постороннихъ зрителей было очень немного: не болѣе 150—200 человѣкъ...

«Былъ уже пятый часъ утра, когда приступили къ казни главныхъ преступниковъ. Ихъ поставили на скамейку въ рядъ, въ разстояніи другъ отъ друга на какіе-нибудь полъ-аршина. На голову одѣли колпаки, которые насунули на лица, закрывъ ихъ совсѣмъ, начиная съ шеи, и во всю длину ногъ надѣли бѣлые фартуки и сзади завязали ихъ вверху и внизу такъ, что руки и ноги были фартукомъ спеленуты. Наконецъ, наложили на шеи петли, которыя должны были затянуться и удержать казненныхъ на воздухѣ, когда изъ-подъ ихъ ногъ отнята будетъ скамейка. Но тутъ и послѣдовалъ извѣстный потрясающій эпизодъ. Веревки были новы и туги: когда оттолкнули скамейку, то головы двухъ среднихъ въ ряду осужденныхъ просунулись внизъ сквозь незатянувшіяся петли, и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Паденіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣ приготовились видѣть пять человѣкъ, заслужившихъ смертную казнь повѣшенными, но никто не предвидѣлъ случившагося такъ неожиданно и продолжившаго предсмертную агонію двухъ несчастныхъ. Это были Рылѣевъ и Бестужевъ. Говорятъ, что упавши Рылѣевъ воскликнулъ: «Намъ во всемъ неудача!» Прошло около четверти часа, пока ихъ снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тѣмъ повисшіе до того вертѣлись на веревкахъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Стража окружала висѣлицу, но, по прошествіи получаса, стали всѣхъ пускать, и толпа любопытныхъ нахлынула. Казненые висѣли уже неподвижно. Прошло еще полчаса—мертвецовъ сняли и отнесли въ крѣпость» 245.

«Всѣ они были очень покойны, отказались имѣть послѣднее свиданіе съ родными (Рылѣевъ съ женой), чтобы не разстроить ихъ и себя. Говорили не много между собой и ожидали послѣдняго часа съ твердостью. Ихъ вывели рано, до свѣту, заковавъ прежде въ желѣзо. Выходя въ корридоръ, они обнялись другъ съ другомъ и пошли, сопровождаемые священни-

комъ и окруженные карауломъ къ тому мѣсту, гдѣ мы видѣли столбы. Тутъ ихъ помѣстили на время въ какомъ-то пороховомъ зданіи, гдѣ были уже приготовлены пять гробовъ. Протоіерей Мысловскій былъ при нихъ до послѣдней минуты. У двоихъ изъ нихъ, кажется, Пестеля и Каховскаго, оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали, что дѣлать, но по знаку Чернышева ихъ подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафотъ. Потомъ, когда увѣрились, что всѣ пятеро уже не существуютъ, сняли ихъ и отнесли туда, гдѣ находились гробы, и, положивши въ нихъ тѣла, оставили ихъ до слѣдующей ночи. Потомъ свезли въ ночное время на устроенное для животныхъ кладбище (называемое Голодай) и тамъ неизвѣстно гдѣ закопали. Говорятъ, что будто бы протоіерей Мысловскій хотѣлъ было воспротивиться второй казни двухъ упавшихъ, но что Чернышевъ настоялъ на этомъ» 246.

«Руки и ноги были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ногами они могли дѣлать самые маленькіе только шаги. Кандаловъ не было, только ремни. Ремнями были связаны и руки, и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо... Они были совершенно спокойны, точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить трубку...

«Иной, кто не зналъ, что тутъ дѣлается (на мѣстѣ казни), подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Они пятеро сидѣли все время на травѣ и тихо между собой разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться ко кресту. Они, на колѣняхъ, молча помолились Богу, смотря на небо. Потомъ на нихъ надѣли мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса; на шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски, съ именами и виной ихъ... Они были совершенно спокойны, но только

очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Мѣшки имъ очень не понравились, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: «Господи! къ чему это!» Палачи имъ стянули руки покрѣпче, одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованіемъ. Видно, что имъ было крайне непріятно, когда до нихъ дотрогивались палачи. Схоронили ихъ на Смоленскомъ кладбищѣ, за нѣмецкимъ и армянскимъ, въ концѣ переулка на взморьѣ» 247 *).

«Рылѣевъ, обратясь къ товарищамъ сказалъ, сохраняя все присутствіе духа: «Господа, надо отдать послѣдній долгъ», и съ этимъ они стали всѣ на колѣни, глядя на небо, крестились. Рылѣевъ одинъ—желалъ благоденствія Россіи. Потомъ встали, каждый изъ нихъ прощался со священникомъ, цѣлуя крестъ и руку его, при томъ Рылѣевъ твердымъ голосомъ сказалъ священнику: «Батюшка! помолитесь за наши грѣшныя души, не забудьте моей жены и благословите мою дочь»; перекрестясь, взошелъ на эшафотъ, за нимъ послѣдовали прочіе...

При казни было два палача, которые надѣвали петлю

---

*) О могилѣ Рылѣева г-жа Каменская въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ такія свѣдѣнія (едва ли достовѣрныя). „Вдова Рылѣева,—разсказывать она,—меня очень полюбила и даже часто водила съ собой на могилу мужа своего. Помню, что наши говорили тогда при мнѣ, что вдовѣ Рылѣевой, по какой-то особой къ ней милости, позволили взять тѣло мужа и самой похоронить его на Голодаѣ, только съ тѣмъ, чтобы она надъ мѣстомъ, гдѣ его положатъ, не ставила креста и не дѣлала никакой замѣтки, по которой можно было заподозрѣть, что тутъ похороненъ кто-нибудь. И точно, на томъ мѣстѣ, куда мы ходили, креста не было. Но не утерпѣла несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, подъ которой лежало ея земное счастье, грудку простыхъ булыжниковъ и не утыкать ихъ простыми травками и полевыми цвѣтами... Будь Голодай въ томъ же видѣ, какъ онъ былъ 68 лѣтъ тому назадъ, я бы по моей дѣтской еще памяти, указала мѣсто, гдѣ положенъ Рылѣевъ“ 248.

сперва, а потомъ бѣлый колпакъ. На груди у нихъ была черная кожа, на которой было написано мѣломъ имя преступника; они были въ бѣлыхъ халатахъ, а на ногахъ были тяжелыя цѣпи. Когда все было готово, съ пожатіемъ пружины въ эшафотѣ, помостъ, на которомъ они стояли на скамейкахъ, упалъ, и въ то же мгновеніе трое сорвались: Рылѣевъ, Пестель и Каховскій упали внизъ. У Рылѣева колпакъ упалъ и видна была окровавленная бровь и кровь за правымъ ухомъ, вѣроятно, отъ ушиба. Онъ сидѣлъ скорчившись, потому что провалился внутрь эшафота.

Я къ нему подошелъ, онъ сказалъ: «Какое несчастье!»

Гдѣ они похоронены—неизвѣстно. Говорятъ, что тѣла съ гирями спустили въ море на островѣ Голодай» 249.

«По дальности разстоянія, зрителямъ было трудно распознать ихъ въ лица; виднѣлись только сѣрыя шинели съ поднятыми верхами, которыми закрывались ихъ головы. Они всходили одинъ за другимъ на помостъ и на скамейки, поставленныя рядомъ подъ висѣлицею, въ порядкѣ какъ было назначено въ приговорѣ. Пестель былъ крайнимъ съ правой, Каховскій съ лѣвой стороны. Каждому обмотали шею веревкою; палачъ сошелъ съ помоста, и въ ту жу минуту помостъ рухнулъ внизъ. Пестель и Каховскій повисли; но трое тѣхъ, которые были промежду нихъ, были поцажены смертью. Ужасное зрѣлище представилось зрителямъ. Плохо затянутыя веревки соскользнули по верху шинелей, и несчастные попадали внизъ въ разверстую дыру, ударяясь о лѣстницы и скамейки. Такъ какъ Государь находился въ Царскомъ Селѣ, и никто не посмѣлъ отдать приказъ объ отсрочкѣ казни, то имъ пришлось, кромѣ страшныхъ ушибовъ, два раза испытать предсмертныя муки. Помостъ немедленно поправили и взвели на него упавшихъ. Рылѣевъ, несмотря на паденіе, шелъ твердо, но не могъ удержаться отъ горестнаго восклицанія: «Итакъ скажутъ, что мнѣ ничто не удавалось, даже и умереть!» Другіе увѣряютъ, будто онъ, кромѣ того, воскликнулъ: «Проклятая земля, гдѣ не умѣютъ, ни составить заговора, ни

судить, ни вѣшать!» Слова эти приписываются также Сергѣю Муравьеву-Апостолу, который, такъ же какъ и Рылѣевъ, бодро всходилъ на помостъ» 250.

«До произнесенія смертнаго приговора они не были скованы, но потомъ были обременены самыми тяжелыми кандалами. Кандалы и были причиною паденія съ висѣлицы тройхъ.

Трупы сложили въ большую телѣгу, но хоронить не повезли, ибо было уже совершенно свѣтло, и народу собралось вокругъ тьма-тьмущая. Поэтому телѣга была отвезена въ запустѣлое зданіе училища торговаго мореплаванія, лошадь отпряжена, и извозчику наказано прибыть съ лошадью въ слѣдующую ночь. Въ слѣдующую ночь извозчикъ явился съ лошадью въ крѣпость и оттуда повезъ трупы по направленію къ Васильевскому острову, но когда онъ довезъ ихъ до Тучкова моста, изъ будки вышли вооруженные солдаты и, овладѣвъ возжами, посадили извозчика въ будку. Черезъ нѣсколько часовъ спустя, телѣга возвратилась къ тому же мѣсту; извозчикъ былъ заплаченъ и поѣхалъ домой. О мѣстѣ, которое приняло въ себя трупы казненныхъ, ходили по Петербургу два слуха: одни говорили, что ихъ зарыли на островѣ Голодаѣ, другіе увѣряли, что тѣла были отвезены на взморье и тамъ брошены съ привязанными къ нимъ камнями, въ глубину водъ» 251.

Провѣрить всѣ эти разсказы нельзя, но несомнѣнно, что въ общемъ они передаютъ вѣрно печальную картину.

Самое сомнительное въ нихъ, это тѣ слова, которыя Рылѣевъ будто бы произнесъ на эшафотѣ.

Судя по настроенію Рылѣева, какъ оно намъ открывается въ его послѣднихъ письмахъ, трудно предположить, чтобы въ послѣднія минуты жизни онъ рѣшился бросить запоздалый вызовъ тому порядку или тѣмъ лицамъ, въ борьбѣ съ которыми онъ погибъ. «Рылѣевъ не сказалъ ни слова при казни», утверждаетъ Якушкинъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, на самомъ дѣлѣ такъ и было 252.

XX.

Никто по началу дѣятельности Рылѣева не могъ ожидать, что онъ такъ кончитъ. Что-то роковое было въ его жизни; и тѣ, кому пришлось вспоминать о немъ, естественно задумывались надъ вопросомъ, что это была за личность—дѣйствительно ли самой природой подготовленная для революціонной агитаціи или случайно попавшая въ ряды революціонеровъ?

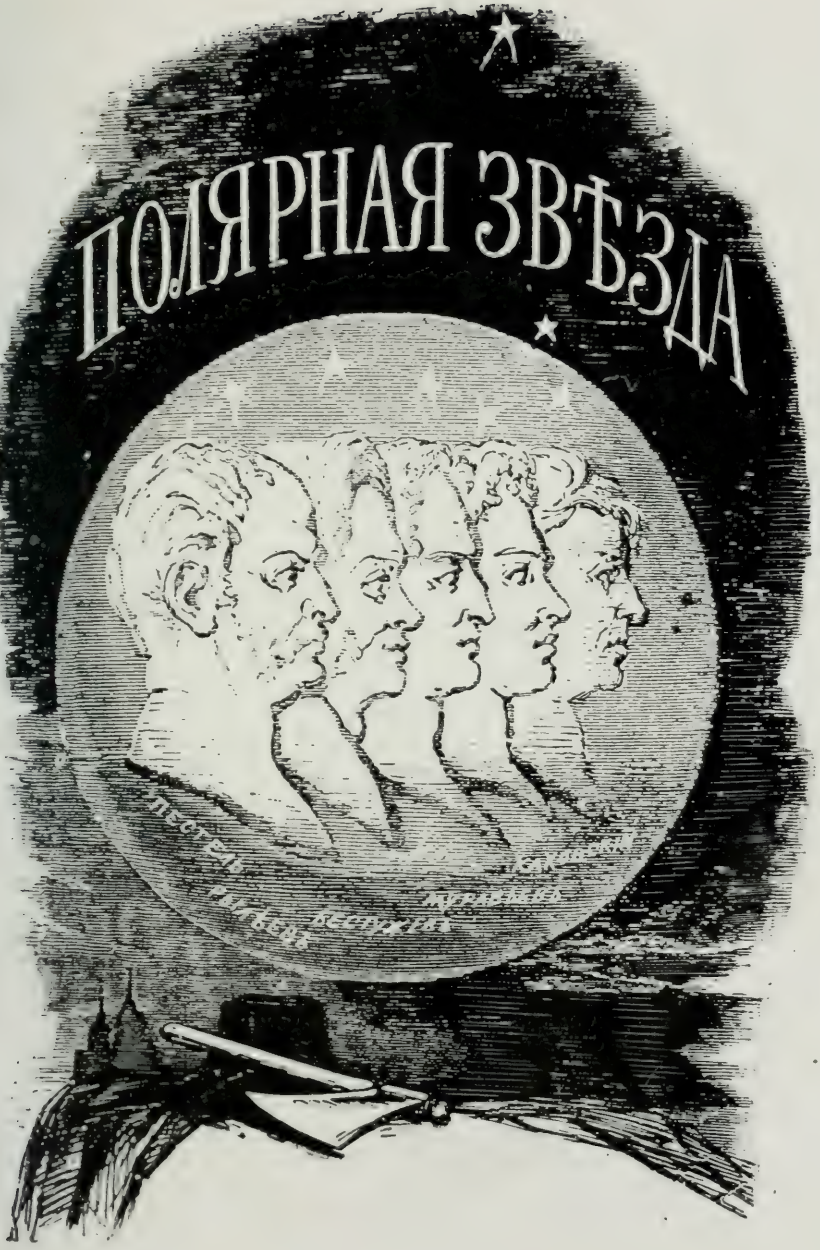
О случайности въ строгомъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи. Рылѣевъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и подготовлялъ себя къ дѣйствію—гораздо болѣе сознательно, чѣмъ весьма многіе изъ участниковъ заговора.

Но былъ ли Рылѣевъ настоящій политическій агитаторъ, цѣльная революціонная натура? Обладалъ ли онъ всѣми качествами, необходимыми для осторожной, послѣдовательной, обдуманной и смѣлой агитаціи? Смѣлость была, это—несомнѣнно, но всѣ остальныя, для успѣшной политической пропаганды необходимыя качества—мы могли въ этомъ убѣдиться—отсутствовали.

Нѣкоторымъ современникамъ Рылѣевъ могъ казаться воплощеннымъ революціонеромъ, такъ какъ они судили о немъ только по его рѣчамъ и по тому возбужденному состоянію, въ какомъ онъ произносилъ свои рѣчи. А всѣ до одного, кто зналъ его, замѣчали за нимъ эту способность быстро воспламеняться и говорить съ крайнимъ возбужденіемъ *). Его выразительные глаза остались у всѣхъ въ памяти.

---

*) „Росту онъ былъ средняго; черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другой; волоса у него были черные, слегка


ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

Если одинъ изъ товарищей обозвалъ его на судѣ «коварнымъ злодѣемъ» [253], другой обвинялъ въ большомъ властолюбіи, въ умышленномъ желаніи окружать себя бездарностями, чтобы первенствовать [254]; если другой современникъ говорилъ, что онъ въ душѣ революціонеръ, сильный характеръ, безкорыстный, честолюбивый, ловкій, ревностный, рѣзкій на словахъ и на письмѣ, если онъ его считалъ пружиной возмущенія, человѣкомъ, воспламенявшимъ своею настойчивостью и своимъ воображеніемъ [255]; если, наконецъ, Гречъ называлъ его не формальнымъ революціонеромъ, а фанатикомъ, слабоумнымъ человѣкомъ, одурѣвшимъ отъ либеральныхъ мечтаній [256],—то всѣ эти отзывы—либо отклики собственныхъ преувеличенныхъ признаній Рылѣева, либо голосъ вражды, либо, наконецъ, голословная брань, съ нечистыми намѣреніями.

Вся жизнь Рылѣева показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ фанатикомъ, не съ принципіальнымъ революціонеромъ, не съ коварнымъ, не съ властолюбивымъ человѣкомъ, не съ вождемъ возстанія, а именно съ «пѣвцомъ» его, съ Тиртеемъ, съ сентиментальной натурой, легко воспламенимой, но крайне невыдержанной и нервной, которая вскипала и выкипала очень быстро *).

завитые; глаза темные, съ выраженіемъ думы, и часто блестящіе при одушевленной бесѣдѣ; голова, немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята той внутренней жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась во вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности" (слова кн. Оболенскаго). „Въ его взглядѣ, въ чертахъ его лица виднѣлась одушевленная готовность на великія дѣла; его рѣчь была ясна и убѣждена" (слова бар. Розена). „Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизма, но жаромъ простого и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной" (слова Н. Бестужева).

*) Изъ всѣхъ качествъ настоящаго заговорщика онъ обладалъ

Рылѣевъ,—какъ говорилъ про него его ближайшій другъ А. Бестужевъ,—(былъ) человѣкъ весь въ воображеніи, но кромѣ либерализма, составляющаго, такъ сказать, точку его помѣшательства—чистѣйшей нравственности. Онъ вѣровалъ, что если человѣкъ дѣйствуетъ не для себя, а на пользу ближнихъ, и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, то, значитъ, само Провидѣніе имъ руководитъ [260]. И, несомнѣнно, каковы бы ни были недостатки Рылѣева, какъ политическаго мыслителя и практика, какъ судьи своего времени, какъ вождя и оратора, наконецъ, какъ нервнаго мечтателя въ минуту пораженія, — общій рыцарскій характеръ его, какъ дѣятеля и человѣка, стоитъ внѣ всякихъ подозрѣній. Онъ признанъ даже строгими судьями [261]. Въ этомъ характерѣ было, безспорно, много донкихотства, но въ самомъ возвышенномъ, трагическомъ и гуманномъ смыслѣ.

Какъ человѣкъ, Рылѣевъ былъ рѣдкой доброты и отзывчивости *).

и то слегка однимъ. Онъ умѣлъ скрывать тайну своего общества. Это отмѣчаетъ Д. Кропотовъ [257]. Н. Бестужевъ также говоритъ, что онъ былъ „осторожнымъ“, скрытнымъ и предпріимчивымъ заговорщикомъ [258]. Но онъ же говоритъ, что важнѣйшимъ недостаткомъ Рылѣева было его слишкомъ открытое и довѣрчивое сердце, что онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и, обманутый, не переставалъ вѣрить, что опытность ни къ чему для него не служила“. Но и скрытность Рылѣева зависѣла отъ минутнаго настроенія. Тайну общества онъ довѣрялъ, напримѣръ, Кюхельбекеру и скрывалъ ее отъ гораздо болѣе трезваго Муханова [259].

*) А. В. Никитенко, который былъ обязанъ Рылѣеву своимъ выкупомъ изъ крѣпостной зависимости, такъ вспоминалъ о немъ. „Я не зналъ другого человѣка, который обладалъ бы такой притягательной силой, какъ Рылѣевъ. Средняго роста, хорошо сложенный, съ умнымъ, серьезнымъ лицомъ, онъ съ перваго взгляда вселялъ въ васъ какъ бы предчувствіе того обаянія, которому вы неизбѣжно должны были подчиниться при болѣе близкомъ знакомствѣ. Стоило улыбкѣ озарить его лицо, а вамъ самимъ поглубже заглянуть въ его удивительные глаза, чтобы всѣмъ серд-

«Ко всѣмъ качествамъ сердечнаго человѣка,—говоритъ одинъ современникъ,—Рылѣевъ присоединялъ большое дарованіе ума. Обладая скорѣе принципами, чѣмъ страстями, онъ дѣйствовалъ разсудительно—по теоріи и по отвлеченнымъ формуламъ, если хотите, но безкорыстно и какъ бы исполняя долгъ... Мягкій, человѣчный, врагъ раздора и пролитія крови, онъ умѣлъ быть твердымъ и повелительнымъ, когда обстоятельства этого требовали... онъ любилъ прямую дорогу и его честность презирала другія» 263.

цемъ, безвозвратно отдаться ему. Въ минуты сильнаго волненія или поэтическаго возбужденія, глаза эти горѣли и точно искрились. Становилось жутко: столько было въ нихъ сосредоточенной силы и огня. Но такимъ я узналъ его позже. Въ мое первое посѣщеніе, я, главнымъ образомъ, испыталъ на себѣ чарующее дѣйствіе его гуманности и доброты и, вызванный на откровенность, повѣдалъ ему всю печальную исторію моихъ стремленій" 262.

*

XXI.

Такова была жизнь этого служителя музъ, который понялъ свое общественное призваніе какъ поэта въ самомъ прямомъ, тѣсномъ непереносномъ смыслѣ и на дѣлѣ «сдружилъ лиру съ мечомъ». Жизнь краткая, но оставившая послѣ себя замѣтный слѣдъ.

О ней всегда вспомнитъ историкъ нашей литературы и скажетъ, что Рылѣевъ былъ первый нашъ поэтъ, который, не переставая быть поэтомъ, хотѣлъ и умѣлъ всегда быть гражданиномъ. Не обойдетъ его молчаніемъ и историкъ русской культуры, когда ему придется говорить о декабрьскомъ днѣ.

Въ общественномъ движеніи, приведшемъ къ этому дню, должно различать двѣ стороны—идейную и, если такъ можно выразиться, эмоціональную. Для оцѣнки даннаго историческаго явленія вторая важнѣе первой.

Пусть эти молодые люди были поборники гуманныхъ идеаловъ, либералы, частью демократы; самое характерное въ ихъ исторической роли—это тотъ способъ, какимъ они заявили о своихъ идеалахъ; это—вскипѣвшая въ ихъ поэтической душѣ революціонная экзальтація.

Какъ гуманисты, они имѣли предшественниковъ и сотрудниковъ, которые не меньше, если не больше ихъ, потрудились надъ гуманизаціей русской жизни—стоитъ вспомнить Новикова, Радищева, Сперанскаго, Мордвинова, самого императора Александра Павловича и его ближайшихъ сотрудниковъ въ первое десятилѣтіе его царствованія. Но одни только декабристы показали намъ впервые, какъ можно вдохновиться

идеей свободы, какъ, усиляя въ себѣ религіозное рвеніе къ своей святынѣ, можно, въ преклоненіи передъ ней, забыть все земное, пребывая на землѣ и желая для земли счастья.

Если въ декабрьскихъ событіяхъ оттѣнять именно эту эмоціональную сторону, то яркое, чистое и благородное ея воплощеніе дано въ личности „рыцаря Полярной Звѣзды“— какъ въ тѣ годы называли Рылѣева.

XXII.

Въ то время,—разсказываетъ Д. Кропотовъ,—носился въ городѣ слухъ, очень похожій на истину, будто, по разсмотрѣніи доклада, представленнаго верховнымъ судомъ императору, Николай Павловичъ выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: «Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же—всѣхъ добродѣтелей» 264.

Императоръ могъ имѣть особое мѣрило для оцѣнки своихъ враговъ, и конечно, Рылѣевъ былъ для него врагъ менѣе непріятный, чѣмъ Пестель, но характерно, что императоръ заговорилъ въ давнемъ случаѣ о «добродѣтеляхъ».

Прошло много лѣтъ, и тотъ же императоръ въ 1853 году, возмущенный и «до болѣзни» огорченный однимъ изъ безчисленныхъ, всплывшихъ наружу злоупотребленій, сказалъ: «Рылѣевъ и его друзья со мной бы такъ не поступили» 265.

Примѣчанія.

1. Какъ напр., А. Н. Сиротининъ: „К. Ѳ. Рылѣевъ—Историко-литературный очеркъ". „Русскій Архивъ 1890. Іюнь, 113—208. М. Н. Мазаевъ „К. Ѳ. Рылѣевъ. Біографическій очеркъ". „Библіотека Сѣвера" 1893. Ноябрь, VII—XX.

2. О годѣ рожденія Рылѣева въ свое время шли пререканія. Въ нихъ принимали участіе гг. Ефремовъ (въ предисловіи къ изданію сочиненій Рылѣева), г. „Любитель старины" („Русская Старина" 1872. Октябрь, 438) и Д. Кропотовъ („Русская Старина" 1872. Ноябрь 633—4). Изъ предложенныхъ годовъ: 1789, 1795, 1796 и 1797—1795-й годъ оказался достовѣрнымъ („Русская Старина" 1875. Сентябрь 70—74). На него указываетъ и самъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ на судѣ.

3. Письмо неизвѣстнаго года (но раньше 1812 г.). М. Мазаевъ. „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". Спб. 1893. 129.

4. Письмо 1812 г. 17 декабря.

5. Письмо отца. 1813 г., 30 апрѣля. „Русская Старина" 1875. Сентябрь, 71—73.

6. Письмо къ отцу 1813 г. Іюль.

7. Письмо матери 1817 г. 19 октября (послѣ смерти отца). „Русская Старина" 1875. Сентябрь, 73.

8. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ". „Русскій Вѣстникъ", 1869. III. 231.

9. „Мысли надъ могилою эконома 1-го кадетскаго корпуса Андрея Петровича Боброва". „Древняя и Новая Россія", 1880. № 2, 406—7.

10. Н. С. Лѣсковъ. Полное собраніе сочиненій. Изданіе Маркса. Спб. 1902, III. „Кадетскій монастырь", 122—157.

11. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ". „Русскій Вѣстникъ" 1869, III, 232.

А. Н. Сиротининъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ". „Русскій Архивъ", 1890, VI, 117.

12. Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни", 1886. Спб., 366.

13. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 235.

14. Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни", 368. А также „Отголоски 14 Декабря 1825 г." Изъ записокъ одного не-декабриста, 9.

15. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 235. Кропотовъ, очевидно, забылъ содержаніе старой хрестоматіи.

16. Письмо къ отцу 1812, 17 декабря.

17. Изданіе сочиненій Рылѣева Ефремова. 1875 г., 341.

18. Напечатана въ „Русской Старинѣ" 1896 г. Мартъ, 506—510.

19. Письмо къ матери 1814 г., 21 сентября. Дядюшкины ордена Рылѣеву, кажется, особеннаго уваженія не внушили, если судить по стихотворенію, которое онъ переслалъ матери изъ Дрездена въ 1814 г. 28 февраля.

На что высокій чинъ, богатства,
На что и множество крестовъ!
Въ нихъ вовсе, вовсе нѣтъ пріятства,
Когда душевно нездоровъ.

20. Сиротининъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ", 124.

21. „Предчувствіе Рылѣева о своей судьбѣ". „Русская Старина" 1873. Октябрь, 441.

22. „Путешествіе на Парнассъ". Дрезденъ, 1814.

23. „Изъ писемъ изъ Парижа". 1815. Въ письмахъ нѣтъ рѣшительно ничего любопытнаго. Рылѣевъ описываетъ Парижъ, декламируетъ на тему о величіи и паденіи Наполеона, мимоходомъ говоритъ о любви французовъ къ независимости и славѣ— и все это въ очень общей и шаблонной формѣ.

24. Сочиненія Рылѣева, изданіе Ефремова. 1875, 343.

25. Написанъ по дорогѣ отъ Бреславля 15 мая 1815 г.

26. Письмо къ матери 1815 г. 6 марта.

27. „Страницы Прошлаго". „Русскій Архивъ" 1884, I.

28. В. Савицкая. „Сонъ Рылѣевой", „Историческій Вѣстникъ" 1894. I, 210—214.

29. Письмо къ матери 10 августа 1817.

30. Письмо къ матери 18 іюня 1818.

31. Это были очень близкіе Рылѣеву люди. Рылѣевъ помѣстилъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1820 г., ч. IV, маленькую статейку о жизни М. Г. Бедраги и, главнымъ образомъ, объ его подвигахъ въ Отечественную войну. (Статья озаглавлена:

„Еще о храбромъ М. Г. Бедрагѣ"). Среди стихотвореній Рылѣева есть нѣсколько, писанныхъ этому лицу и его семейству. М. Г. Бедрагѣ посвящено и стихотвореніе „Пустыня".

32. Письмо къ матери 10 августа 1817.

33. Письмо къ матери 1817, сентября 17.

34. Письмо матери 1817, 19 октября. „Русская Старина" 1875. Сентябрь 73—74.

35. Письмо къ матери 1818 г., апрѣля 7.

36. Какъ о ней говоритъ Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 239.

37. М. Мазаевъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ. Біографич. очеркъ", XVIII.

38. Письмо къ Ѳ. В. Булгарину 1821, 20 іюня.

39. Письмо къ Ѳ. В. Булгарину. 1821, августа 8.

40. Думаютъ, что это стихотвореніе писано Каховскому, но если оно дѣйствительно написано въ 1820 г., то Каховскій здѣсь ни при чемъ, такъ какъ Рылѣевъ въ своихъ показаніяхъ говоритъ, что онъ съ нимъ познакомился въ началѣ 1825 г.

41. Н. Лернеръ. „Замѣтки о Пушкинѣ": „Источникъ фабулы" „Онѣгина". „Русская Старина" 1907. декабрь, 721—5.

42. В. Якушкинъ. „Вѣстникъ Европы" 1888, ноябрь, 24.

43. „Вѣстникъ Европы" 1888, ноябрь, 210—212.

44. „Невскій Зритель" 1820, IV, октябрь, 29—31.

45. См. Мазаевъ, 111.

46. „Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева" Лейпцигъ. 1861, 9—10.

47. Это отмѣтилъ еще А. Сиротининъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ" „Русскій Архивъ", 1890, VI, 138.

48. За десять лѣтъ до появленія стихотворенія Рылѣева извѣстный писатель М. Милоновъ напечаталъ также сатиру „Къ Рубеллію", приписавъ ее Персію. (По наведеннымъ г. Мазаевымъ справкамъ, между этими сатирами и сатирами Персія нѣтъ ничего схожаго. Со стороны русскихъ авторовъ указаніе на Персія было только обычнымъ пріемомъ для обхода цензуры (Мазаевъ, 111). Эта сатира Милонова, написанная въ 1810 г., едва ли могла мѣтить въ Аракчеева и была простой, но ядовитой сатирой на общій типъ царскаго льстеца. Рылѣевъ почитывалъ въ деревнѣ Милонова. (Въ стихотвореніи „Пустыня"— Милоновъ, „бичъ пороковъ", упоминается въ числѣ собесѣдниковъ автора), и нѣтъ сомнѣнія, что именно сатира Милонова натолкнула Рылѣева на мысль вступить съ нимъ въ соперничество. На это указываетъ и сходство въ планѣ обоихъ стихотвореній.

(У Милонова:

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,
Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!..
Ты думаешь сокрыть дѣла твои отъ міра,
Въ мракъ гроба? Но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,—
Рубелліи! трепещи: есть Персій и сатира!..

Есть и другія совпаденія, но въ сатирѣ Милонова нѣтъ возванія къ народному гнѣву и суду).

49. М. Мазаевъ, 153, 161.

50. Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ, 1861, 14—20.

51. „Воспоминанія“ Н. Бестужева, 22; „Записки Н. Бестужева“, „Русская Старина“ 1881. Ноябрь, 616.

52. Воспоминанія Н. И Шенига. „Русскій Архивъ“ 1880. III, 320 -1.

53. Стихотвореніе это нѣкоторые изъ современниковъ приписывали В. К. Кюхельбекеру [Д. Завалишинъ: „С. П, Шиповъ“; „Древняя и Новая Россія“. 1878, I, 364]. Кюхельбекеръ хотѣлъ прочитать эти стихи на могилѣ Чернова, но Завалишинъ этому воспрепятствовалъ. Завалишинъ утверждаетъ, что демонстрація была направлена противъ аристократіи.

54. „Воспоминанія Кн. Е. П. Оболенскаго“; „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, I, Спб. 1905, 240. С. Шубинскій: „Дуэль Новосильцева съ Черновымъ“. „Историческій Вѣстникъ“ 1901, Май, 596—600.

55. „Воспоминанія Кн. Е. П. Оболенскаго“, 242.

56. Письмо А. А. Бестужева къ неизвѣстному отъ 3 марта 1824. „Русская Старина“ 1889, ноябрь. 375—376.

57. Письмо А. Измайлова къ И. И. Дмитріеву отъ 7 марта 1824. „Русскій Архивъ“ 1871, 943—4.

58. Сиротининъ „К. Ѳ. Рылѣевъ“, 113.

59. Письмо жены къ Рылѣеву 25 іюня 1826. Мазаевъ, 181.

60. „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“ подъ ред. А. К. Бороздина. Спб. 1906, 176.

61. Срав. В. И. Семевскій: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи во второй половинѣ XVIII и первой половинѣ XXI вѣка“; „Крестьянскій строй“, I, 1905, 226—7.

62. Е. Я. „По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ“, П. Бартеневъ: „XIX вѣкъ“, I, 361.

63. В. П. Семевскій: „Крестьянскій вопросъ"; „Крестьянскій строй" I, 220.

64. С. Середонинъ: „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ". Спб. 1902, I, 343—347.

65. „Библіотека Декабристовъ". Москва. I. 1906. Н. Бестужевъ: „Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ". 24.

66. Н. Бестужевъ: „Воспоминанія о К. Ф. Рылѣевѣ"; собраніе сочиненій Рылѣева. Лейпцигъ, 1861, 11.

67. А. Розенъ: „Записки Декабриста". Лейпцигъ, 1870, 146.

68. В. С. М.: „Село Михайловское или помѣщикъ XVIII столѣтія". Спб. 1865, II, 242. III, 94.

69. В. Е. Якушкинъ. Новые матеріалы для біографіи Рылѣева; „Вѣстникъ Европы", 1888, ноябрь, 207.

70. Кругъ его дѣятельности былъ довольно узокъ и точно опредѣленъ. Едва ли правъ Шницлеръ, который говоритъ о какомъ-то протестѣ Рылѣева противъ несмѣняемости директоровъ компаніи и о предложеніи выбирать ихъ ежегодно. Schnitzler. Histoire intime de la Russie, II, 80.

71. [В. Иконниковъ: „Гр. Н. С. Мордвиновъ". Спб. 1873, 433—437]. Дочь Мордвинова говоритъ опредѣленно, что Рылѣевъ былъ въ ихъ домѣ всего два раза [„Воспоминанія о Н. С. Мордвиновѣ". Записки гр. Н. Н. Мордвиновой. Спб. 1873, 85]. Политическихъ сношеній у Рылѣева съ Мордвиновымъ никакихъ не было [В. Иконниковъ: „Гр. Н. С. Мордвиновъ", 440]. Товарищъ Рылѣева—Завалишинъ—утверждалъ, что Рылѣевъ сдѣлался извѣстенъ Мордвинову потому, что написалъ похвальные стихи въ его честь, за что Мордвиновъ вознаградилъ его поддержкой въ Р.-А. компаніи, когда недовольные Рылѣевымъ директоры хотѣли его уволить, такъ какъ онъ мало занимался дѣлами компаніи, а работалъ за него Сомовъ (Н. М.) [Завалишинъ: „Замѣтка относительно степени довѣрія, какое можно имѣть къ Воспоминаніямъ"; „Русскій Архивъ" 1876, X. 212]. Все, что говоритъ Завалишинъ, есть, однако, чистая выдумка [ср. Сиротининъ: „К. Ѳ. Рылѣевъ", 158].

72. Д. Завалишинъ: „Записки Декабриста". Мюнхенъ. 1904, I, 227, 228.

73. „Воспоминанія кн. Е. П. Оболенскаго"; „Общественныя движенія въ Россіи", I, 237.

74. Н. И. Гречъ: „Записки о моей жизни". Спб. 1886, 366.

75. Она перепечатана въ „Русской Старинѣ" 1883 года, томъ XXXIX, 43—100.

76. Подробнѣе о немъ см. Н. Котляревскій: Декабристы А. И. Одоевскій и А. А. „Бестужевъ". Спб. 1907, 302—305.

77. „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву". Спб 1866. Письмо отъ 3 января 1821 года.

78. „Соревнователь" 1821, V, 253.

79. „Соревнователь" 1823, II, 228—229.

80. М. Бестужевъ. „Записки"; „Русская Старина", 1870. I. (2-ое изд.), 255.

81. А. Сиротининъ: „Нѣмцевичъ и Рылѣевъ"; „Русскій Архивъ" 1898. I, 81.

82. Н. И. Гречъ: „Записки о моей жизни", 450.

83. Н. И. Гречъ: „Записки о моей жизни", 371.

84. Рылѣевъ собирался издать собраніе стихотвореній Е. А. Баратынскаго, но изданіе не состоялось. (П. Ефремовъ. Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева. 1875, 307).

85. Напечатано впервые въ „Сынѣ Отечества" 1825 ч. CIV.

86. И. Ивановъ: „Исторія русской критики", ч. I и II. Спб. 1898, 441—444.

87. А. Сиротининъ: „К. Ѳ. Рылѣевъ", 142.

88. Д. Кропотовъ: „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 235, 237.

89. Впервые полностью напечатана въ „Библіотекѣ Декабристовъ". Москва, 1907, III: „Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева, томъ второй, стр. 42 и слѣд.

90. „Генералъ П. В. Васильчиковъ во время командованія гвардейскимъ корпусомъ"; „Русская Старина" 1873. Іюнь 785—798.

91. „Русская Старина", 1871. Апрѣль, 533.

92. Е. Якушкинъ: „По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ"; „XIX вѣкъ", I, 355.

93. А. Пыпинъ: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". СПБ. 1885, 528.

94. П. Ефремовъ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". 1875, 339.

95. В. Якушкинъ: „Изъ исторіи литературы 20-хъ годовъ" „Вѣстникъ Европы" 1888. Декабрь 591—592.

96. „Русскія Вѣдомости" 1888, № 34.

97. Это, кажется, продолженіе того любовнаго стихотворенія которое приведено выше на стр. 45.

98. „Литературные Листки" 1823 г., № III, 40.

99. „Отголоски 14 декабря 1825 года". Изъ записокъ одного не-декабриста [Н. И. Греча], 13, 14.

100. П. Ефремовъ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". 1875, 339.

101. П. Ефремовъ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". 1875, 339, 340.

102. Письмо Пушкина къ Кн. Вяземскому 1828 г. 1 сентября: „Я продолжалъ образъ жизни, воспѣтый мною такимъ образомъ: „А въ ненастные дни" etc. „Старина и Новизна" СПБ. 1902, 16.

„Мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы" изъ письма Пушкина къ брату 1824. Январь.

103. П. Бестужевъ: „Воспоминанія о Кондратіи Ѳедоровичѣ Рылѣевѣ". „Сочиненія Рылѣева", Лейпцигъ. 1861. 28, 29, и XIX. Вѣкъ. Книга I, стр. 350.

104. Н. Гречъ: „Записки о моей жизни" СПБ. 1886. 433.

105. A. Mickiewicz: „Les Slaves". Paris. 1849, III, 289.

106. Напечатано въ „Библіотекѣ Декабристовъ". М. 1906. I. „Полное собраніе сочиненій К. Ѳ. Рылѣева. Томъ I, 168—169.

107. Съ этой стороны ихъ очень сурово критикуетъ Сиротининъ, 167.

108. А. Сиротининъ: „Рылѣевъ и Нѣмцевичъ", „Русскій Архивъ" 1898, I, 67—82.

109. Тамъ-же.

110. П. Дивовъ: „Петербургъ въ 1825—26 годахъ", „Русская Старина" 1897, III, 470, 471.

111. Напр. „Артемій Волынскій". Срв. А. Бороздинъ „Литературныя Характеристики", I. Поэтъ гражданской скорби двадцатыхъ годовъ, 199.

112. А. Розенъ: „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 г. „Русская Старина" 1884. Январь, 63.

113. А. Бестужевъ. „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи", „Полярная Звѣзда": 1823. 29.

114. „Сынъ Отечества" 1823, № III, 113, при разборѣ „Полярной Звѣзды".

115. „Сѣверный Архивъ", 1824, № 5, 421—422.

116. Ѳ. Н. Глинка: „К. Ѳ. Рылѣевъ", „Русская Старина", № III, 1871, 246.

117. П. Плетневъ: „Письмо къ графинѣ С. П. С. о русскихъ поэтахъ". 1824. „Сочиненія и переписка П. А. Плетнева", Спб. 1885, I, 186.

118. Письмо Плетнева къ Пушкину отъ 22 января 1825. „Сочиненія Плетнева", III, 314.

119. „Записки Ѳ. И. Іордана", „Русская Старина", мартъ 1891, 632.

120. „Графъ Д. И. Хвостовъ", „Русская Старина", августъ 1892, 414.

121. Письмо кн. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву и К. Ѳ. Рылѣеву отъ 23 января 1823 г. В. Якушкинъ. „Къ литера-

турной и общественной исторіи 1820—1830 гг.“ „Русская Старина“, 1888, ноябрь, 312.

122. Письмо къ Вяземскому, 1825, май. „Сочиненія Пушкина“ изд. Литер. Фонда, VII, 129.

123. „Письма Пушкина и къ Пушкину“. М. 1903, 13. Письмо къ кн. Вяземскому 1823 г.

124 Письмо къ Л. Пушкину 1823. Сочиненія, VII, 48.

125. Письмо къ Бестужеву, ноябрь 1825. Сочиненія, VII. 166.

126. Письмо къ Жуковскому, май 1825. Сочиненія VII, 131.

127. В. Сиповскій „Пушкинъ и Рылѣевъ“ СПБ. 1905, 3, 7, 13, 17, 21.

128. Письмо къ Рылѣеву, апрѣль 1825. Сочиненія VII, 127. Пушкинъ вообще придерживался того взгляда, что тотъ, кто пишетъ стихи, прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозой (Сочиненія VII, 146).

129. Письмо къ Вяземскому, 1823, ноябрь. Сочиненія VII, 56.

130. В. Якушкинъ: „Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ“; „Вѣстникъ Европы“ 1888. Ноябрь, 209.

131. Срв. А. Бороздинъ: „Литературныя Характеристики“ I, 201.

132. Письмо А. А. Бестужева къ П. А. Вяземскому. Письмо 23 мая 1823 „Старина и Новизна“ VIII, 1904. 31.

133. Schnitzler. Histoire intime de la Russie I; 207. 1854.

134. A. Erman. „Reise um die Erde“. Berlin. 1838 I, 2, 271—274.

135. Н. Бестужевъ. „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ“ Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ. 1861, 3,4.

136 „Записки В. И. Штейнгеля“; „Историческій Вѣстникъ“ 1900. Іюнь, 833.

137. „Замѣтка объ изданіяхъ „Войнаровскаго“; „Русская Старина“ 1871, мартъ, 521.

138. Письмо Рылѣева къ Пушкину, мартъ 1825.

139. „Замѣтка о „Войнаровскомъ“, „Русская Старина“ 1871 III, 647.

140. П. Ефремовъ: „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“. 1875, 330.

141. Д. Завалишинъ: „Записки Декабриста“, Мюнхенъ. 1904, 294.

142. M. Ancelot, Six mois en Russie. Paris. 1827, 178.

143. Письмо къ Пушкину. Май 1825.

144. „Русская Старина“ 1871. Мартъ, 112.

145. В. Якушкинъ. „Изъ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г.“ „Русская Старина“ 1888, декабрь, 599.

146. Письмо писано въ 1824 г., и Мухановъ былъ знакомъ съ „Войнаровскимъ" только по отрывкамъ, которые были напечатаны въ журналахъ.

147. П. Ефремовъ. „Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева". 1875, 306.

148. „Воспоминанія А. П. Бѣляева", „Русская Старина" 1881, мартъ, 188.

149. Н. Бестужевъ. „Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ". „Сочиненія Рылѣева" Лейпцигъ 1861, 26.

150. Письмо Пушкина къ брату. Апрѣль 1825. Сочиненія, VII, 126.

151. Сочиненія Пушкина. Изданіе Лит.-Фонда, 69, 71, 111, 117, 129.

152. Письмо къ Рылѣеву. Январь 1825. Сочиненія VII, 107.

153. „Записки А. О. Смирновой". СПБ. 1897. II, 19—20.

154. „По поводу бумагъ В. Жуковскаго. Два письма къ издателю „Русскаго Архива". „Русскій Архивъ". 1876, I, 260—261.

155. В. Якушкинъ. „Новые матеріалы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева". „Вѣстникъ Европы" 1888, ноябрь, 213.

156. Письмо барона В. П. Штейнгеля къ императору Николаю „Историческій сборникъ", Лондонъ, 1859, кн. I.

157. A. Herzen. Du développement des idées révolutionnaires en Russie. London. 1858, 65—66.

158. А. Пыпинъ. „Общественное движеніе при Александрѣ I", 1895, 318—9.

159. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 236.

160. „Общественныя движенія въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка". СПБ. 1905, 238.

161. „Изъ писемъ и показаній декабристовъ". „Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства" подъ редакціей А. К. Бороздина. СПБ. 1906, стр. 159—196.

162. Въ письмѣ къ братьямъ отъ 25 октября 1826. „Русская Старина" 1901. Май, 258.

163. Срв. объ этомъ: Н. П. Павловъ-Сильванскій „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ", „Былое" 1906, II, 127.

164. „Разборъ донесенія слѣдственной комиссіи Н. Муравьева и Лунина" „Записки декабристовъ" III. Лондонъ 1863, 115.

165. „Воспоминаніе о Рылѣевѣ" Н. Бестужева. Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 30.

166. Тамъ же, стр. 31.

167. Д. Завалишинъ. „Записки Декабриста". Мюнхенъ 1904 I, 337.

168. „Заговоръ 1825 года" изъ статьи Герцена „La conspiration

Russe de 1825"; перепечатана въ „Библіотекѣ Декабристовъ". М. 1906 I, 13.

169. Объ участіи Грибоѣдова въ дѣлѣ декабристовъ см. П. Е. Щеголевъ: „А. С. Грибоѣдовъ и декабристы". СПБ. 1904.

170. В. Лясковскій. А. С. Хомяковъ М. 1897, 12.

171. „Русскій Архивъ" 1893. II, 119.

172. Н. Гречъ. Записки о моей жизни. СПБ. 1886, 254, 294, 391, 393, 407, 424, 425.

173. Д. Завалишинъ. „Записки Декабриста". Мюнхенъ 1904, I, 333.

174. Тамъ же, I, 285—6.

175. Тамъ же, I, 237—238.

176. Д. Завалишинъ. „Декабристы"; „Русскій Вѣстникъ" 1884, II, 845.

177. Д. Завалишинъ. „Записки Декабриста". Мюнхенъ. I, 1904, I, 288—9.

178. Тамъ же, I, 247.

179. Тамъ же, I, 289—290.

180. Тамъ же, I, 293—294.

181. „Дѣло" Завалишина въ Государственномъ Архивѣ .I. В. № 358.

182. А. Фроловъ „Воспоминанія. По поводу статей Д. И. Завалишина" „Русская Старина" 1882, V. 465—482.

183. „Русская Старина" 1874. Декабрь 677.

184. „14-ое декабря" И. Пущина. „Всемірный Вѣстникъ" 1903. VI—VII, 228, 231 срв. „А. М. Булатовъ" „Русская Старина" 1887. Январь, 213.

185. „Изъ записокъ декабриста Н. А Бестужева", „Историческій Вѣстникъ" 1904, IV, 120—121.

186. М Веневитиновъ. „Къ біографіи поэта Д. В. Веневитинова", „Русскій Архивъ" 1885 I, 115. А. И. Кошелевъ „Записки", Берлинъ, 13.

187. Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о Рылѣевѣ". Сочиненія Рылѣева. Берлинъ. 1861, 32.

188. „Русская Старина" 1889, сентябрь, 618, 636 „Письмо Я. И. Ростовцева къ Е. И. Оболенскому 1858 г.".

189. Изъ бумагъ I. И. Ростовцева „Русскій Архивъ" 1873, 473.

190. „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка". СПБ. 1905; „Записки барона В. И. Штейнгеля" 413, 438.

191. Schnitzler. „Histoire intime de la Russie". 1854. I, 213.

192. А. Сиротининъ. „К. Ѳ. Рылѣевъ", „Русскій Архивъ" 1890, іюнь, 165—6.

193. Е. Якушкинъ. „По поводу воспоминаній о К. Ѳ. Рылѣевѣ"; XIX вѣкъ". I, 360—1.

194. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ". 237.

195. Приложеніе къ докладу слѣдственной коммиссіи. „Русскій Архивъ", 1875, III, 437.

196. Н. Котляревскій. „Декабристы кн. А. Одоевскій и А. Бестужевъ". Спб. 1907, 408,

197. Разборъ донесенія тайной слѣдственной коммиссіи Никиты Муравьева и Лунина. „Записки Декабристовъ" II, III, Лондонъ. 1863, 110—111.

198. „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину, XIX вѣка". Спб. 1905, 243.

199. „Изъ бумагъ І. И. Ростовцова", „Русскій Архивъ" 1873, 473.

200. Изъ записокъ М. А. Бестужева.

201. А. Розенъ. „Записки декабристовъ". Лейпцигъ, стр. 86—87.

202. Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о К. Ѳ Рылѣевѣ". Сочиненія Рылѣева, Лейпцигъ, 1861, 36.

203. 14 „декабря", И. Пущина. „Всемірный Вѣстникъ" 1903, VI—VII, 233.

204. А. Розенъ. „Записки декабристовъ". Лейпцигъ, 1870. 97, 147.

205. „Общественныя движенія въ Россіи". Спб. 1905, 249.

206. М. Корфъ. „Восшествіе на престолъ императора Николая I. Спб. 1857, 147, 148.

207. „Русскій Архивъ", 1881, II, 337.

208. „Памяти братьевъ Бестужевыхъ", Лейпцигъ, 38.

209. „Записки протоіерея Іоанна Виноградова". „Русская Старина", 1878, VIII, 575.

210. Сиротининъ, 178.

211. „Письмо Воейкова къ кн. Е. А. Волконской, отъ 14 декабря". „Русскій Архивъ" 1894, II, 294.

212. „Русскій Архивъ" 1890, VI, 178.

213. „Письма Карамзина къ Дмитріеву", Спб. 1866, 411.

214. Гречъ. „Записки о моей жизни", Спб. 1886, 376—7.

215. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 242.

216. „Нѣсколько словъ въ память императора Николая I" „Русская Старина" 1896, VI, 459.

217. Такъ утверждаютъ М. Муравьевъ и Лунинъ. „Разборъ Донесенія". „Записки Декабристовъ", II, III, Лондонъ. 1863,

104. Подтверждаетъ это и Тургеневъ, „La Russie et les Russes“ I. 236—7. М. А. Фонвизинъ „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“. Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“. 1905, 197.

218. А. Д. Боровковъ: „Автобіографическія записки“. „Русская Старина“ 1898, XI, 336.

219. „Изъ записокъ Н. А. Бестужева“. „Памяти братьевъ Бестужевыхъ“, Лейпцигъ 1880, 39—41.

220. Д. Завалишинъ: „Записки Декабриста“. Мюнхенъ. 1907. II, 39.

221. Срв. Д. Кропотовъ „Изъ біографіи гр. М. Н. Муравьева“. „Русскій Вѣстникъ“ 1874, I, 64.

222. Записки кн. Трубецкого. Лейпцигъ, 1874, 67.

223. Въ „Донесеніе“ эти обличительныя рѣчи не попали. Срв. Schnitzler. Histoire intime de la Russie, II, 135.

224. „Общественныя движенія въ Россіи“: М. Фонвизинъ: „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи“, 199—200.

225. М. Муравьевъ въ разборѣ „Донесенія“ и Н. Тургеневъ въ Mémoires d'un proscript.

226. Записки кн. Трубецкаго. Лейпцигъ, 1874, 66—67.

227. Н. Бестужевъ. Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ и „Библіотека Декабристовъ“. М. 1906, I, 31.

228. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 243,

229. Нѣсколько словъ въ память Николая Павловича; „Русская Старина“. 1896, VI, 461.

230. „Русская Старина“ 1896, іюнь, 461—2.

231. Ю. Айхенвальдъ „Силуэты русскихъ писателей“, М. I, 21.

232. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевыхъ“, 244.

233. „Общественныя движенія въ Россіи въ началѣ XIX вѣка“, Е. П. Оболенскаго, „Воспоминанія“, 251—53.

234. „Донесеніе коммиссіи разрядовъ, стр. 11—12.

235. Дневникъ П. Г. Дивова. „Русская Старина“ 1897, III, 485.

236. „Записки Трубецкого, Лейпцигъ, 1874, 68.

237. „Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго“, 32—33.

238. А. Розенъ. „Записки Декабриста“, Лейпцигъ. 1870, 147.

239. „14 декабря 1825 года и императоръ Николай“, London. 1858, 247, 248.

240. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 243.

241. „Общественныя движенія въ Россіи“, „Записки кн. Е. П. Оболенскаго“. 255.

242. А. Розенъ. „Записки декабриста“, Лейпцигъ. 1870, 143.

243. Изъ записокъ Н. А. Бестужева, Лейпцигъ. 42.

244. „Общественныя движенія въ Россіи". Записки кн. Е. П. Оболенскаго. 256.

245. „Воспоминаніе О. А. Пржецлявскаго". „Русская Старина". 1874, XII, 681—682.

246. „Записки Н. В. Басаргина", 55. Изданіе „Русскаго Архива".

247. „Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго" (будто бы очевидецъ), 37, 38, 40—47.

248. М. Каменская. „Воспоминанія". „Историческій Вѣстникъ". 1894, IV, 42, 43.

249. „Казнь 14 XII 1825 г."; со словъ присутствующаго по службѣ при казни. „Полярная Звѣзда" 1861, кн. VI, 74.

250. Разсказъ Шницлера. Перепечатанъ въ „Библіотекѣ Декабристовъ", М. 1907, III, 12—14.

251. Н. Рамазановъ. „Казнь декабристовъ. Разсказы современниковъ". „Русскій Архивъ" 1881, II, 344—346. Этотъ разсказъ принадлежитъ В. И. Беркопфу, начальнику кронверка въ Петропавловской крѣпости.

252. „Записки Якушкина", Лейпцигъ, 147.

253. „Донесеніе слѣдственной комиссіи" 53.

254. Завалишинъ. „Воспоминаніе о Грибоѣдовѣ". „Древняя и Новая Россія". 1879, I, 319.

255. А. Д. Боровковъ. „Автобіографическія Записки". „Русская Старина" 1898, XI, 337—338.

256. Н. И. Гречъ. „Записки о моей жизни". 360, 366.

257. Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ", 230.

258. Н. Бестужевъ. „Воспоминанія о К. Рылѣевѣ". Сочиненія Рылѣева. Лейпцигъ. 1861, 10, 23, 72.

259. „Русская Старина". 1872, февраль, 336.

260. А. Бестужевъ въ своей запискѣ о членахъ сѣвернаго общества. Н. Котляревскій. „Декабристы А. И. Одоевскій и А. Бестужевъ". Спб. 1907, 408.

261. См. Богдановичъ. „Исторія царствованія императора Александра I". Спб., 1871, VI, 432—433.

262. А. Никитенко. „Записки и Дневникъ", Спб., 1904, I, 326.

263. „Schnitzler. Histoire intime de la Russie". 1854, I, 206, 207, 214.

264. Д. Кропотовъ. „Изъ жизни гр. М. Н. Муравьева". „Русскій Вѣстникъ" 1874, I, 64.

265. П. Бартеневъ: „XIX вѣкъ". I, 350.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Роль поэзіи въ событіяхъ 14 декабря 1825 г.	1
Дѣтство Рылѣева и семейная обстановка. II	10
Воспитаніе въ корпусѣ. Чтеніе и мечты. III	13
Походная жизнь Рылѣева за границей. Впечатлѣнія Парижа. IV	21
Жизнь въ полку на родинѣ. Женитьба, выходъ въ отставку и переѣздъ въ Петербургъ. V . . .	25
Первые поэтическіе опыты и литературные планы. Ода „Къ Временщику“ и первый успѣхъ. VI . . .	30
Жизнь въ Петербургѣ, рѣзкія проявленія темперамента. Служба въ палатѣ уголовнаго суда. VII .	43
Рылѣевъ въ кружкахъ петербургскихъ литераторовъ. VIII	53
Изданіе „Полярной Звѣзды“ и выступленіе Рылѣева въ роли литературнаго критика. IX	56
Лирическіе стихи на гражданскую и политическую тему. X	65
„Думы“. Исторія ихъ возникновенія. Ихъ содержаніе и отзывы о нихъ критики. XI	79
„Войнаровскій“ и отрывки изъ неоконченныхъ поэмъ. XII	96
Общая оцѣнка поэзіи Рылѣева. XIII	122
Послѣдніе годы жизни. Вступленіе Рылѣева въ сѣверное общество и работа въ немъ. XIV . . .	129

стр.
Политическіе взгляды и планы Рылѣева. XV 145
День 14-го декабря. XVI 160
Жизнь въ равелинѣ. Послѣдніе стихи. XVII . . . 167
Приговоръ суда. Послѣднія письма. XVIII 181
Казнь. XIX 186
Личность Рылѣева. XX, XXI. 192
Императоръ Николай I о Рылѣевѣ XXII. 198
Примѣчанія 199

Книгоиздательство „СВѢТОЧЪ“

(СПБ., Разъѣзжая, 39).

Подъ редакціей **С. А. Венгерова.**

I. Исторія и теорія литературы

К. К. АРСЕНЬЕВЪ. Салтыковъ-Щедринъ. Съ 5-ю фототипіями и факсимиле автобіографич. письма Салтыкова. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: I. Біографическія данныя. II. Дореформенная Россія и эпоха первыхъ преобразованій. III. Конецъ 60-хъ и начало 70-хъ годовъ. IV. Эпоха застоя, внѣшней войны и внутренней смуты. V. Экскурсіи въ области сатиры и романа. VI. Послѣднія произведенія Салтыкова. VII. Общіе итоги.—**Приложеніе:** Библіографія произведеній Салтыкова и отзывовъ о ихъ.

Отзывы: Книга К. К. Арсеньева покуда—самое капитальное произведеніе во всей критической литературѣ о нашемъ безсмертномъ сатирикѣ... Читатель будетъ благодаренъ г. Арсеньеву за его общественную характеристику Салтыкова. (*„Наша Жизнь“—Литер.-научн. приложк. 1906 г., № 16.*).

С. А. ВЕНГЕРОВЪ. Очерки по исторіи русской литературы. Изд. 2-е, безъ перемѣнъ. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: I. Основныя черты новѣйшей русской литературы—II. Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы. (Эпоха Бѣлинскаго. Послѣдніе годы дореформенной эпохи. Медовый мѣсяцъ русскаго прогресса. Реакція и эпоха «нигилизма». Эпоха высшаго развитія альтруизма. Эпоха разброда и унынія. Начало Возрожденія).—III. Писатель-гражданинъ (Н. В. Гоголь). — IV. Великое Сердце (В. Г. Бѣлинскій).—V. Передовой боецъ славянофильства (Конст. Аксаковъ).

Отзывы см.: „Русск. Вѣд.“, 21 авг. 1907 г., № 190; „Бирж. Вѣд.“, № 10040, 9 авг. 1907 г.; „Рѣчь“, 1907 г., № 186; „Русь“. 1907 г., № 297; „Былое“, 1907 г., X; „Русск. Мысль“, 1907 г.-№ 10; „Вѣсы“, 1907 г., № 10; „Ист. Вѣстн.“, 1907 г., № 9; „Образованіе“ ,1970 г., № 8; „Вѣстн. Евр.“, 1907 г., № 9; „Современ. Міръ“, 1907 г., № 12: „Славянск. Изв.“, 1907 г., V; „Одесск. Нов.“, 1907 г., № 7304; „Далек. Окр.“, 1907 г., № 147; „Нижегородск. Лист.“, 1907 г., № 252; „Школа и Жизнь“, 1907 г., № 4 и др.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ. Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Ц. 20 к.

Отзывъ см.: „Русск. Мысль", 1906 г., № 1.

Ч. ВѢТРИНСКІЙ (Вас. Е. ЧЕШИХИНЪ). Герценъ. Съ 4-мя фототипіями и 16-ю автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ автора.—**Часть I-я: Герценъ въ Россіи.**—I. Годы дѣтства.—II. На учебной скамьѣ.—III. Т. П. Кучина.—Н. П. Огаревъ.—Васильевское.—IV. Университетъ.—V. Послѣ университета.—VI. Тюрьма.—VII. Вятка.—VIII Владиміръ на Клязьмѣ.—IX. Москва и Петербургъ.—X. Новгородъ.—XI. Герценъ въ Москвѣ.—XII. Москва.—Славянофилы и западники.—XIII. Литературная дѣятельность.—XIV. За границу!

Часть 2-я: Герценъ за границей.—I. Медовый мѣсяцъ заграничной жизни.—II. Парижъ. — Іюньскіе дни 1848 г.—Прощаніе съ родиной.—III. Женева и Ницца.—IV. Письма изъ Франціи и Италіи.—Съ того берега.—V. Мысли Герцена о Россіи.—VI. Лондонъ.—«Былое и думы».—VII. Вольная русская типографія.—Восточная война.—VIII. Смерть Николая I.—«Полярная Звѣзда».—Книгоиздательство.—IX. «Колоколъ».—1857—1861 гг.—X. Освобожденіе крестьянъ.—XI. 1861—1862 гг.—XII. Польское возстаніе.—XIII. Послѣдніе годы «Колокола».—XIV. Произведенія послѣднихъ лѣтъ.—XV. Послѣдніе дни и кончина.—**Итоги.**—**Приложеніе**: Библіографія произведеній Герцена и отзывовъ о нихъ.

А. Г. ГОРНФЕЛЬДЪ. Муки Слова. Ц. 20 к.

Проф. **Н. А. КОТЛЯРЕВСКІЙ. Литературныя направленія Александровской эпохи.** Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Когда родилась наша изящная словесность. II. Жуковскій. III. Ранніе годы Пушкина. IV. Первые художественные ростки русскаго романтизма. V. Примиреніе съ жизнью. VI. «Плеяда». VII. Сатира. VIII. «Горе отъ ума». IX. «Евгеній Онѣгинъ». X. Общій обзоръ. XI. Книги для чтенія.

Отзывы см.: „Критич. Обозр.", 1908 г., Вып. I (VI); Минувш. Годы", 1908 г., № 2.

ЕГО-ЖЕ, Рылѣевъ. Съ 2-мя фототипіями и 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: *Введеніе.* I. Роль поэзіи въ событіяхъ 14 декабря 1825 г.—II. Дѣтство Рылѣева и семейная обстановка.—III. Воспитаніе въ корпусѣ.—Чтеніе и мечты.—IV. Походная жизнь Рылѣева за границей.—Впечатлѣнія Парижа.—V. Жизнь въ полку на родинѣ.—Женитьба, выходъ въ отставку и переѣздъ въ Петербургъ.—VI. Первые поэтическіе опыты и литературные планы.—Ода „Къ Временщику" и первый успѣхъ.—VII. Жизнь въ Петербургѣ, рѣзкія проявленія темперамента. — Служба въ палатѣ уголовнаго суда.—VIII. Рылѣевъ въ кружкахъ петербургскихъ литераторовъ.—IX. Изданіе „Полярной Звѣзды" и выступленіе Рылѣева въ роли литературнаго критика.—X. Лирическіе стихи на гражданскую и политическую тему.—XI. „Думы". Исторія ихъ возникновенія.—Ихъ содержаніе и отзывы о нихъ критики.—XII. „Войнаровскій" и отрывки изъ неоконченныхъ поэмъ.—XIII. Общая оцѣнка поэзіи Рылѣева.—XIV. Послѣдніе годы жизни.—Вступленіе Рылѣева въ сѣверное общество и работа въ немъ.—XV. Политическіе взгляды и планы Рылѣева.—XVI. День 14 декабря.—XVII. Жизнь въ равелинѣ.—Послѣдніе стихи.—XVIII. Приговоръ суда.—Послѣднія письма.—XIX. Казнь.—XX—XXI. Личность Рылѣева.—XXII. Императоръ Николай I о Рылѣевѣ.

Проф. **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКІЙ. Гоголь.** 2-е, дополн. изд. Съ фототипич. портр. Гоголя. Ц. 1 р.

Содержаніе: Введеніе.—I. «Пушкинское» и «Гоголевское». Художественный методъ Гоголя. II. Гоголь какъ умъ. III. Гоголь и Россія. «Русь изъ прекраснаго далека». IV. «Душевное дѣло». Гоголь-моралистъ и мистикъ. V. Гоголь общеруссъ на малорусской основѣ. Къ вопросу о національномъ, общерусскомъ значеніи его. VI. Заключеніе: къ вопросу о геніальности Гоголя.—**Приложеніе:** Источники и важнѣйшія пособія для изученія жизни и творчества Гоголя.

Отзывы: „Говорить общія фразы о достоинствахъ работъ г. Овсянико-Куликовскаго не приходится, такъ какъ его извѣстность и авторитетность въ литературно-психологическихъ работахъ установилась основательно и прочно. Мы можемъ только отмѣтить, что каждый новый трудъ профессора вноситъ нѣчто оригинальное,

раздвигаетъ рамки и расширяетъ перспективы въ избранной имъ области изученія русской литературы съ психологически-научной точки зрѣнія. Только-что сказанное нами относится и къ послѣдней книгѣ Д. Овсянико-Куликовскаго. Она представляетъ значительную переработку перваго изданія (1903), каковое являлось только лишь оттискомъ журнальныхъ статей. Нынѣ текстъ всѣхъ шести главъ очерка тщательно просмотрѣнъ, дополненъ и исправленъ. Кромѣ того, для новаго изданія вновь написаны: введеніе — интересный краткій біографическій очеркъ и общій обзоръ литературной дѣятельности Гоголя—и приложеніе—источники и важнѣйшія пособія для изученія жизни и творчества Гоголя. Въ началѣ книги помѣщенъ рѣдкій портретъ писателя, выдѣленный изъ снятой въ Римѣ въ 1844 году дагерротипной группы русскихъ художниковъ.

„Предлагаемый трудъ, какъ указываетъ авторъ, есть опытъ психологическаго діагноза извѣстныхъ сторонъ ума, дарованія генія Гоголя, именно тѣхъ, въ которыхъ наиболѣе ярко и полно выразилась оригинальная, сложная, загадочная личность великаго писателя". (*И. Житецкій, „Современный Міръ", № 7—8, 1907 г.*).

„Умная, интересная книга Д. Овсянико-Куликовскаго написана очень просто и изящно; въ литературѣ о Гоголѣ за послѣднее время она занимаетъ свое особенное и виднее мѣсто". (*„Новая Книга", № 2—3, 1907 г.*).

„...Въ нашей литературѣ, не бѣдной историко-литературными работами, мало такихъ книгъ, какъ книга г. Овсянико-Куликовскаго, поставившаго своей задачей „психологическій діагнозъ извѣстныхъ сторонъ натуры, ума, дарованія и генія" Гоголя. Глубоко интересна и талантлива, такимъ образомъ, самая тема книги, самая постановка вопроса.

„...Таково изображеніе души Гоголя, вышедшее изъ-подъ пера г. Овсянико-Куликовскаго, пролившаго много свѣта на сложную, неуравновѣшенную натуру великаго сатирика и художественно показавшаго пріемы философской критики".

„Какъ всѣ изданія „Свѣточа", книга издана изящно. Къ ней приложенъ прекрасный портретъ Гоголя—снимокъ съ извѣстнаго римскаго дагерротипа. Онъ воспроизводился не разъ, но нигдѣ еще не былъ воспроизведенъ такъ хорошо". (*И. Лернеръ, „Ист. Вѣстн.", 907, V*).

II. Соціологи и утописты.

Проф. **Н. И. КАРѢЕВЪ. Теорія личности П. Л. Лаврова.** Съ фототип. портр. Лаврова. Ц. 30 к.

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО. О причинахъ неравенства. Перев. съ фр. *Н. С. Южакова* подъ ред. и съ вступ. статьей *С. Н. Южакова*. Ц. 75 к.

Отзывъ: „За послѣднее время замѣчается оживленіе интереса къ твореніямъ Руссо; въ нѣсколькихъ переводахъ вышелъ „Общественный договоръ"; теперь библіотекой „Свѣточа" изданъ извѣстный трактатъ „О причинахъ неравенства". Этотъ трактатъ, написанный вслѣдъ за разсужденіемъ о вліяніи наукъ на нравы, чрезвычайно ярко характеризуетъ основныя идеи Руссо.

Идеологъ „патріархальной демократіи" Руссо страстно нападаетъ на неравенство, и страницы убійственной критики читаются съ захватывающимъ интересомъ. Современную культуру, успѣхи цивилизаціи Руссо обвиняетъ въ развращеніи человѣка; „добрый дикарь" ушелъ далеко отъ первобытнаго блаженства. Конечно, многое въ ученіи Руссо не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ, но его основныя доктрины—суверенитетъ народа и естественныя права личности навсегда останутся крупными завоеваніями общественно-философской мысли.

„Въ предисловіи С. Южаковъ даетъ общую характеристику идей Руссо и ихъ общественнаго значенія" (*„Столичное Утро", № 118, 19 окт. 1907 г.*)

ЕГО ЖЕ. Разсужденіе о наукахъ и искусствахъ. (На тему, предложенную Дижонской академіей). Съ предисл. проф. *Н. И. Карѣева* (печатается).

МАКСЪ ШТИРНЕРЪ. Единственный и его собственность. Изд. комментированное.

Ч. I.—1) **Дж.-Г. Макай.** Максъ Штирнеръ. Его жизнь и творчество. Полный переводъ *М. О. Розова.* 2) Единственный и его собственность. Переводъ *Б. В. Гиммельфарба и М. Л. Гохшиллера.* Часть 1. Человѣкъ. Съ 2-мя автотипіями на мѣловой бумагѣ. Ц. 1 р.

Ч. II —1) **Максъ Штирнеръ.** Единственный и его собственность. Часть 2-я: Я. 2) Обзоръ литературы о Штирнерѣ. Составили *Б. В. Гиммельфарбъ* и *М. Л. Гохшиллеръ* (Печатается).

III. Исторія религій.

РЕНАНЪ Э. Жизнь Іисуса. Полный научный переводъ *А. С. Усовой*, подъ редакціей и съ предисловіемъ академика *Александра Веселовскаго* Съ фототипическимъ портретомъ Ренана. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывы: „Переводъ книги Ренана въ изданіи библіотеки „Свѣточа" — одинъ изъ лучшихъ, если не лучшій изъ переводовъ. Разсматриваемое изданіе, дѣйствительно, полное. Оно воспроизводитъ даже всѣ примѣчанія автора, отъ перваго до послѣдняго. Одинъ изъ немногихъ переводовъ, онъ передаетъ страницы Ренана даже не безъ нѣкотораго изящества, не говоря уже о литературности. Съ большимъ интересомъ читается предисловіе Веселовскаго, дающее научную апологію Ренана" (*„Биржев. Вѣд."*).

„. . . Преимущества этого изданія: точный, но въ то же время гладкій литературный переводъ, красивая внѣшность, въ смыслѣ качества бумаги и печати, и, главное,—довольно обширное предисловіе, въ которомъ сдѣлана характеристика Ренана. Кромѣ того, къ настоящему изданію приложены портретъ Ренана и примѣчанія" (*„Извѣст. по лит., наукѣ и библіограф."*).

ЭДВИНЪ АРНОЛЬДЪ. Свѣтъ Азіи. (Изложеніе въ поэтич. формѣ буддизма). Перев. *А. М. Өедорова*, 2-е, иллюстр. изд. (4 фототипіи и 24 рисунка въ текстѣ), съ предисл. и примѣчаніями академика *С. Ѳ. Ольденбурга*. Ц. 1 р. 50 к.

Отзывъ: „Классическое произведеніе Эдвина Арнольда „Свѣтъ Азіи", заключающее въ себѣ изложеніе въ поэтической формѣ буддизма переведенное А. М Ѳедоровымъ, вышло во второмъ, иллюстрированномъ изданіи съ предисловіемъ и примѣчаніями академика С. Ѳ. Ольденбурга въ серіи библіотеки „Свѣточа".

„Въ „Свѣтѣ Азіи" устами вѣрующаго буддиста разсказана дивная повѣсть объ индійскомъ царевичѣ, который, отрекшись отъ свѣта и всѣхъ радостей его, выступилъ на „путь" искать „истину". Изъ драгоцѣннѣйшаго источника буддійскихъ преданій авторъ почерпнулъ все главное, что можетъ ознакомить читателя съ жизнью и ученіемъ великаго индійскаго учителя" (*„Извѣст. по литер., наукѣ и библіограф."*, 1906 г., декабрь).

IV. Матеріалы для исторіи русскаго общественнаго движенія.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Ц. 10 к.

САМОДЕРЖАВІЕ И ПЕЧАТЬ ВЪ РОССІИ. Исторія петиціи 114 писателей и мартирологъ русской печати. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Ц. 25 к.

Отзывъ: „Изданіе это представляетъ перепечатку брошюры, вышедшей въ 1898 г. въ Берлинѣ. Въ него вошли: всеподданнѣйшее прошеніе русскихъ литераторовъ и ученыхъ, „Записка о

нуждахъ русской печати" 1895 г. и „Мартирологъ русской печати".

„По словамъ редактора, „современный читатель найдетъ здѣсь въ вышей степени поучительныя данныя для сужденія о томъ, съ какою готовностью гг. Побѣдоносцевы, все еще, хотя и за ширмами, вершаютъ судьбы Россіи, идутъ навстрѣчу насущнѣйшимъ потребностямъ общества, когда ихъ *просятъ*... Чрезъ околоточнаго г. Побѣдоносцевъ и его коллеги сообщили русскимъ писателямъ, что, по ихъ мнѣнію, желаніе подчинить русское слово только закону не заслуживаетъ никакого вниманія".

„И „прошеніе" и „записка" представляютъ любопытный документъ изъ исторіи нашего недавняго прошлаго.

„Мартирологъ „перечисляетъ административныя распоряженія относительно печати, „изъятія" и „запрещенія", зажимавшія ручкой прессѣ ротъ во имя „престижа власти" и „высшихъ соображеній" нашей многомудрой бюрократіи (1873—1895 гг.). (*„Русск. Мысль"*, *1906 г., № 8*).

М. К. ЦЕБРИКОВА. Письмо къ Александру III. Съ прибавленіемъ написанныхъ для настоящаго изданія воспоминаній. Ц. 20 к.

Отзывы „Знаменитое „Письмо" М. К. Цебриковой, писанное ею и доставленное по адресу 15 лѣтъ тому назадъ, поражаетъ теперь своей крайней умѣренностью. Но 15 лѣтъ назадъ только „шестой десятокъ" помогъ тому, что М. К. Цебрикова поплатилась лишь ссылкою въ глухое мѣсто Вологодской губерніи. Въ настоящее время „Письмо" имѣетъ цѣнность лишь какъ историческій документъ, характерный для пережитаго нашимъ поколѣніемъ глухого безвременья, такъ еще недавняго. Но эта цѣнность первостепеннаго значенія: Устами М. К. Цебриковой говорило тогда все мыслящее и передовое русское общество, она явилась его лучшей и героической представительницей.

„Къ „Письму" приложены: введеніе С. А. Венгерова, письмо М. К. Цебриковой къ Кеннану объ опубликованіи „Письма" за границей и спеціально написанныя воспоминанія автора объ обстоятельствахъ написанія письма и того, что послѣдовало за письмомъ. Эти воспоминанія весьма интересны даже и въ наше обильное политическими воспоминаніями время. (*„Товарищъ"*, *1906 г., № 151*).

„Это историческое письмо, за которое авторъ въ свое время былъ сосланъ въ Вологодскую губернію, принадлежитъ къ замѣчательнымъ произведеніямъ русской публицистики и имѣетъ опредѣленное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго движенія.

„Появленіе этого письма отдѣльного брошюрою является какъ нельзя болѣе кстати, тѣмъ болѣе, что оно представляетъ далеко не одинъ только историческій интересъ, ибо многое изъ того, что заключается въ письмѣ, вполнѣ могло и должно быть сказано и теперь. (*„Извѣст. по литературѣ, наукѣ и библіографіи"*, *1906 г., № 35*).

„Письмо къ Государю честной писательницы, содрогнувшейся передъ ужасами стараго режима, перейдетъ въ исторію.

„Въ свое время его знали почти наизусть. Въ новомъ изданіи чрезвычайно интересенъ еще нигдѣ не печатавшійся разсказъ самой Цебриковой о написаніи письма, его передачѣ и ближайшихъ результатахъ ея. (*„Бирж. Вѣд.“, 1907 г., № 9911*).

М. К. ЦЕБРИКОВА. Каторга и ссылка. Ц. 20 к.

Отзывы: „Книжка извѣстной Цебриковой о каторгѣ и ссылкѣ по характеру и настроенію очень близка къ извѣстной книгѣ Кеннана. Матеріаломъ для изображенія ужасовъ страны изгнанія послужили для писательницы тетради писемъ ссыльныхъ.

„Брошюра полна глубокаго фактическаго интереса. (*„Биржев. Вѣд.“, 1907 г., № 9742*).

„Настоящая брошюра тѣсно связана съ недавно опубликованнымъ, въ Россіи, но давно извѣстнымъ письмомъ М. К. Цебриковой императору Александру III. Въ концѣ 80-хъ годовъ автору письма были доставлены двѣ тетради писемъ ссыльныхъ. Заключающіяся въ нихъ картины ужасовъ ссылки и каторги, загубившихъ тысячи жизней, произвели потрясающее впечатлѣніе на чуткую душу автора и послужили матеріаломъ для настоящей брошюры, проникнутой горячимъ протестомъ противъ жестокостей насилія и произвола. Брошюра М. К. Цебриковой написана въ 1890 г., но по трагической иронiи судьбы она является вполнѣ современной“. (*„Страна“, 1907 г., № 4*).

„Книга Цебриковой касается положенія политическихъ ссыльныхъ въ восьмидесятые годы. Большой интересъ въ ней представляютъ извлеченія изъ писемъ ссыльныхъ, рисующія ихъ многочисленныя физическія и нравственныя страданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ заслуживаютъ вниманія и тѣ выводы, къ которымъ приходитъ г-жа Цебрикова.

„Книга Цебриковой была написана въ девяностомъ году. Событія послѣдняго времени еще разъ подтвердили справедливость словъ ея автора“. (*„Утро“, 1907 г., № 38*).

V. Избранныя произведенія политической литературы.

МИЛЬТОНЪ. Рѣчь о свободѣ печати. (Areopagitica). Ц. 20 к.

VI. Произведенія русскихъ писателей, не вошедшія въ собранія ихъ сочиненій.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ. „Порогъ“. Стихотвореніе въ прозѣ. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Ц. 3 к.

VII. Собраніе сочиненій С. М. СТЕПНЯКА-КРАВЧИНСКАГО.

Единственное, разрѣшенное вдовою автора изданіе.

Изъ отзыва: „...За тщательное собраніе беллетристики Степняка и, въ особенности, за легализацію изданія „Подпольной Россіи" русская публика должна сказать С. А. Венгерову искреннее и громкое „спасибо". Степнякъ достоинъ и долженъ войти въ библіотеку русскихъ классиковъ, а изящное изданіе „Свѣточа" кстати придаетъ ему и приличную для того „одежду брачную". Послѣ ужасныхъ сѣрою неряшливостью своего женевскихъ, лондонскихъ и берлинскихъ изданій, Степнякъ самъ себѣ не повѣрилъ бы, видя завѣтные труды свои свободно обращающимися въ рукахъ русской публики, да еще въ такихъ опрятныхъ, скромно-красивыхъ томахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что венгеровское изданіе сочиненій Степняка встрѣтитъ въ публикѣ широкое распространеніе и большой успѣхъ.

„...Степнякъ — поэтъ гражданскаго долга, товарищескаго любвеобилія и глубокаго уваженія къ человѣку. Онъ понималъ себя и хранилъ свое достоинство на высотѣ, немногимъ достижимой, но жилъ—весь—для другихъ, осѣненный красотой и величіемъ простодушной почти самой себя не замѣчающей жертвы. Свѣточъ Степняка необходимъ въ каждой передовой группѣ русскаго общества. Легализація его сочиненій—благодѣтельный даръ для каждой обывательской библіотеки" (*А. Амфитеатровъ*: *„Легальный Степнякъ"*,—*„Кіевская Мысль"*, *1907 г., № 311*).

Часть I. **Штундистъ Павелъ Руденко.** Дополн. по рукописи. Съ написан. для настоящ. изданія воспомин. **П. А. Кропоткина** и фототипическимъ портрет. Степняка.

„Романъ покойнаго Кравчинскаго „Штундистъ Павелъ Руденко" появился въ свѣтъ въ англійской передѣлкѣ незадолго до смерти автора, въ 1891 г.; въ подлинникѣ. по-русски,—только черезъ 5 лѣтъ. Но появился онъ въ заграничномъ изданіи и, какъ всѣ сочиненія Кравчинскаго, былъ строго запрещенъ къ ввозу въ Россію, а потому остался мало извѣстенъ широкой публикѣ... А между тѣмъ. этотъ романъ безусловно заслуживаетъ того, чтобы его знали и читали. Кравчинскій въ 1870-е годы, въ эпоху хожденія въ народъ, имѣлъ случай близко познакомиться со штундистами; онъ хорошо понялъ ученіе штундистовъ и глубоко проникъ въ ихъ психику.

„Романъ Степняка въ предѣлахъ Россіи появился въ свѣтъ впервые годъ тому назадъ, въ изданіи Врублевскаго. Новѣйшее изданіе Венгерова гораздо лучше: оно пополнено нѣсколькими новыми отрывками, до сихъ поръ не напечатанными, и интересной характеристикой личности Кравчинскаго, принадлежащей перу

его друга кн. Кропоткина; сверхъ того, оно лучше прокорректировано и вообще лучше издано. Цѣна одна и та же" (*В. Водовозовъ. „Товарищъ", № 299, 22 іюня 1907 г.*).

„Это—первое изданіе Степняка, исходящее изъ литературныхъ рукъ... Романъ дополненъ по рукописи. Для него спеціально написаны воспоминанія о Степнякѣ знаменитымъ П. Кропоткинымъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный фототипическій портретъ автора. Такой еще не появлялся въ Россіи.

„Беллетристика Степняка, конечно, сдаетъ подъ напоромъ времени. Но чего она никогда не утратитъ—это своей исторической цѣнности. Она – память грустной эпохи подрѣзаннаго дерзанія, живой и красивый цвѣтокъ нашей революціонной романтики 70-хъ 80-хъ годовъ. Время засушило его, но не исказило и не исказитъ его рисунка" (*А. Измайловъ. „Бирж. Вѣд.", 1907, № 9911*).

„Изданіе собранія сочиненій Степняка, предпринятое книгоиздательствомъ „Свѣточъ", заслуживаетъ большого вниманія, во-первыхъ, потому, что отличается полнотой, тщательностью и изящной внѣшностью, во-вторыхъ—потому, что всѣ сочиненія Кравчинскаго въ своей совокупности представляютъ одно цѣлое. Его по справедливости можно назвать художникомъ, рельефно нарисовавшимъ картину революціоннаго движенія въ Россіи въ 70—70-е годы.

Въ своихъ романахъ и повѣстяхъ, въ воспоминаніяхъ, онъ даетъ блестящія характеристики революціонеровъ, въ большинствѣ—товарищей автора, съ которымъ онъ былъ связанъ или узами тѣсной дружбы, или общностью убѣжденій и практической работы. Такъ же художественно воспроизводитъ Кравчинскій и отдѣльные эпизоды изъ революціоннаго прошлаго, прекрасно выясняетъ психологическій обликъ революціонныхъ дѣятелей. Вообще, сочиненія Кравчинскаго даютъ богатый художественно-литературный матеріалъ для правильнаго пониманія революціоннаго движенія 70-хъ и 80-хъ гг.

„Среди сочиненій, посвященныхъ революціи, у Степняка есть бытописательныя сочиненія, посвященныя нашему сектантству. Изъ нихъ особенно выдѣляется по своей объективности и художественности романъ „Павелъ Руденко"...

Матеріаломъ для этого романа Кравчинскому послужили, съ одной стороны, тѣ живыя впечатлѣнія, какія онъ получилъ еще въ періодъ своего хожденія въ народъ въ 70-е годы, когда онъ, между прочимъ, столкнулся и со штундистами, познакомился съ ихъ ученіемъ, проникъ въ ихъ психику; во-вторыхъ,—газетныя извѣстія, преимущественно англійскія, которыя появлялись въ періодъ преслѣдованія штундистовъ русскимъ правительствомъ въ 1893—95 г.г.

„Въ противоположность другимъ революціонерамъ и даже нѣкоторымъ ученымъ изслѣдователямъ, интересовавшимся и писавшимъ о штундистахъ, Кравчинскій относится къ нимъ очень объективно.

„Изданіе „Свѣточа"... представляется и лучшимъ, такъ какъ пополнено отрывками и варіантами изъ рукописей Кравчинскаго, и къ нему приложена интересная характеристика Степняка, написанная Кропоткинымъ.

„Первый томъ украшенъ хорошо сдѣланнымъ портретомъ Кравчинскаго, изданъ изящно и стоитъ недорого“ (*„Историческ. Вѣстн., 1907 г., XII*).

„Вступленіемъ къ I тому служатъ прекрасно написанныя воспоминія П. А. Кропоткина, бывшаго близкимъ другомъ Кравчинскаго. Воспоминанія Кропоткина, кромѣ того, что они написаны рукою мастера-художника и любящаго друга, даютъ еще рядъ цѣнныхъ фактическихъ и интимныхъ данныхъ для біографіи Кравчинскаго-Степняка. Читаются эти воспоминанія съ такимъ же интересомъ, какъ все, что ни писалъ до сихъ поръ Кропоткинъ.

„Въ I томъ вошелъ едва ли не лучшій изъ написанныхъ Степнякомъ романовъ—„Штундистъ Павелъ Руденко“... Среди массы всякаго беллетристическаго хлама претенціозный не только посредственности, но прямо бездарности,—среди всего этого мусора, ежедневно выбрасываемаго на книжный рынокъ,—на такихъ отрадныхъ оазисахъ, какъ произведенія Степняка, всегда пріятно остановиться и отдохнуть умомъ.

„.. Въ изданіи г. Венгерова романъ дополненъ цѣлыми пятью вставками противъ прежнихъ“ (*Д. П. Сильчевскій, „Былое“, 1907 г., № 9*).

Часть II. **Подпольная Россія**. Изд. 3-е. Съ приложеніемъ статьи о Бардиной и 7-ю фототипическими портретами.

„Безъ знакомства съ книгой „Подпольная Россія“ врядъ ли возможно правильное пониманіе революціоннаго движенія 70—80-хъ годовъ, изъ котораго развилось и современное революціонное движеніе.

„Отношеніе г. Венгерова къ своимъ изданіямъ гарантируетъ имъ то достоинство, въ которомъ уже непосредственно заинтересованы читатели С. А. Венгеровъ получаетъ для нихъ рукописи или другіе матеріалы автора. Вслѣдствіе этого, „Подпольная Россія“ въ Венгеровскомъ изданіи обогащена воспоминаніями о Софьѣ Бардиной, отсутствовавшими въ прежнихъ какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ изданіяхъ.

„Венгеровское изданіе II тома украшено хорошо исполненными портретами Перовской, Бардиной, Кропоткина и др.“ (*В. Водовозовъ, „Товарищъ“, № 311, 6 іюля 1907 г.*).

„Главное, самое интересное, самое лучшее и самое, такъ сказать, „историческое“ изъ всѣхъ его многочисленныхъ сочиненій представляетъ собою книга „Подпольная Россія“... Эта книга, обратившая на себя вниманіе всей читающей и мыслящей Европы и Америки, многократно была переводима на разные языки и издаваема въ разныхъ странахъ... Книга эта изумительно увлекательна... Читатель гипнотизируется сильнымъ, чисто литературнымъ талантомъ автора, его чувствомъ художественной мѣры, мастерской обрисовкой и несравненными характеристиками. Словомъ, книжка Кравчинскаго интересна сплошь, отъ первой и до послѣдней страницы.

„Книжкѣ этой, несомнѣнно, предстоитъ впереди еще рядъ дальнѣйшихъ изданій, и мы заранѣе этому радуемся и привѣтствуемъ ихъ, отъ души желая какъ настоящему, такъ и послѣдующимъ изданіямъ вполнѣ заслуженнаго успѣха и самаго широкаго распространенія не только среди общества—интеллигенціи и молодежи,—но и среди широкихъ и глубокихъ народныхъ массъ" (*Д. П. Сильченскій „Былое", 1907., № 2, о 2-мъ изд.*).

Часть III. **Домикъ на Волгѣ**. Дополн. по рукописи.—**Новообращенный**. Драма въ 4-хъ дѣйств., дополн. по рукописи.—**Сказка о копейкѣ**.—Съ фототипич. портр. автора

„Степнякъ тенденціозенъ, но его тенденціозность — особаго рода. Онъ очень далекъ отъ прямой, обнаженной пропаганды революціонныхъ идей: для этого онъ слишкомъ чутокъ къ требованіямъ художественной формы. Его герои высказываются каждый разъ не больше, чѣмъ требуетъ данная ситуація, и въ ихъ рѣчахъ нѣтъ авторскаго умысла, а дышитъ живое чувство увлеченнаго своею вѣрою человѣка. Съ этой стороны Степнякъ безупреченъ. Его тенденціозность—только въ способѣ обработки его сюжетовъ.

„Третій томъ чрезвычайно характеренъ для него. Этотъ томъ содержитъ въ себѣ три произведенія: повѣсть „Домикъ на Волгѣ", драму „Новообращенный" и „Сказку о копейкѣ"

„...Это – сказка для народа, написанная съ цѣлью пропаганды, и написанная мастерски... Первая часть ея великолѣпна не только по остроумію замысла, но и по исполненію, по быстротѣ, сжатости и мѣткости разсказа. Она еще разъ показываетъ, какимъ большимъ мастеромъ слова былъ Степнякъ.

„...По характеру письма Степнякъ чуждъ всякой рѣзкости; у него мягкая, почти женственная манера, въ его тонѣ много теплоты и задушевности. Всего явственнѣе отразилось на немъ вліяніе Тургенева. Въ его „Домикѣ на Волгѣ", написанномъ такъ недавно, вообще есть что-то старомодное, напоминающее пятидесятые годы, напоминающее „Корнета Отлетаева". Эта старая, мягкая манера, при рѣзкой эффектности содержанія, производитъ своеобразное впечатлѣніе и подкупаетъ читателя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Степнякъ достигаетъ большой силы, и это какъ-разъ тамъ, гдѣ ему приходится изображать чувство: тогда онъ умѣетъ находить слова глубокія и простыя, идущія отъ сердца къ сердцу. Сцена прощанія Кати съ Норовымъ въ „Новообращенномъ"—созданіе настоящаго художника (*„Вѣстн. Европы", 1907 г., X*).

„Въ III томъ сочиненій Степняка вошли: повѣсть „Домикъ на Волгѣ" (дополненная нынѣ впервые появляющимися въ печати, двумя послѣдними главами, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Новообращенный" и знаменитая въ свое время, по широкому ея распространенію въ народѣ, въ 70-хъ годахъ, пропагандистами „Сказка о копейкѣ". Всѣ три вещи являютъ собою образцы безспорно крупнаго художественнаго таланта автора, не только мастера рисовать картины природы и быта, но и психолога. Мѣтко и ярко-та-

*

лантливо не пишетъ, а живописуетъ (если можно такъ выразиться) Степнякъ положенія, сцены, типы.

„...Драма „Новообращенный" является дополненной противъ женевскаго изданія (1897) г. Въ настоящемъ изданіи впервые внесены двѣ большія вставки.

„Сказка о копейкѣ" въ русской печати является впервые. Она написана, кромѣ обычно всегда присущаго Степняку таланта, еще съ особымъ подъемомъ, съ удивительно мѣткимъ юморомъ, съ особо-характерными забавными подробностями и даже возвышается до пламеннаго паѳоса" (*Д. П. Сильчевскій, „Былое", 1907 г., сент.*).

„Третій томъ даетъ описаніе жизни нашихъ революціонеровъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ XIX вѣка—въ формѣ беллетристической: повѣсти „Домикъ на Волгѣ" и драмы „Новообращенный", „Сказка о копейкѣ" представляетъ изъ себя попытку представить въ формѣ общедоступной сказки отношенія между классами крестьянства съ одной стороны, дворянства, духовенства и бюрократіи—съ другой (*В. Водовозовъ, „Товарищъ", 1907 г. № 311*).

Часть IV. **Андрей Кожуховъ**. Изд. 3-е. Переводъ съ англійск. **Ф. М. Степнякъ**, подъ редакц. и съ предисл. **П. А. Кропоткина**. Съ приложеніемъ статьи **Георга Брандеса** и фототип. портр. автора.

Отзывы: „...Крупныя достоинства этого произведенія, остающагося единственнымъ дѣйствительно живымъ и, въ общемъ, глубоко правдивымъ изображеніемъ въ беллетристической формѣ нашего революціоннаго движенія конца 1870-хъ гг., изображеніемъ, дѣйствительно, дающимъ читателю очень многое для объясненія психологіи этого движенія.

„Какъ и предыдущіе томы, 4-й изданъ очень хорошо. „...Оно не только обогащено интересной статьей датскаго критика Брандеса о Кравчинскомъ и критической замѣткой о его романѣ, написанной Кропоткинымъ (дополняющей его же статью о Кравчинскомъ, напечатанную въ I томѣ венгеровскаго изданія), но и цѣлой главой романа, написанной чрезвычайно ярко и живо, въ которой описывается террористическое покушеніе на одного высокопоставленнаго „сановника" въ 1879 г. (*В. Водовозовъ, „Столичн. Почта", 1908 г., № 220*).

„Этотъ романъ, несомнѣнно, лучше изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній Степняка. Вполнѣ справедливо говоритъ Георгъ Брандесъ въ своей статьѣ „Сергѣй Степнякъ", предпосланной этому роману, что „это книга—...совершенно вѣрный жизни и въ высшей степени увлекательный романъ „...Точно также правъ Брандесъ, указывая, что въ этомъ романѣ есть много автобіографическихъ, характерныхъ для Степняка чертъ. На то же самое указываетъ и П. А. Кропоткинъ въ спеціально написанномъ для настоящаго изданія предисловіи" (*Д. П. Сильчевскій, „Минувшіе Годы", № 3*).

Часть V. **Ольга Любатовичъ.—№ 39.—Жизнь въ городишкѣ.—Степанъ Халтуринъ.—Волшебнику.—Гарибальди.**—Съ 3-мя фототипіями.

Отзывы. „Въ V томѣ сочиненій Степняка собрано нѣсколько очерковъ, по содержанію являющихся дополнительными главами къ его книгѣ „Подпольная Россія" (Сочиненія т. II), посвященной жизни революціонеровъ 1870-хъ годовъ; въ числѣ этихъ очерковъ мы находимъ характеристики Ольги Любатовичъ (начавшей революц. карьеру въ эпоху хожденія въ народъ и судившейся по процессу пятидесяти въ 1877 г.) и С. Халтурина (произведшаго взрывъ Зимняго дворца 5 февр. 1880 г. и два беллетристическихъ очерка изъ тюремной и ссыльной жизни. Къ этимъ очеркамъ изъ русской революціонной жизни прибавлено небольшое стихотвореніе въ прозѣ „Волшебнику" (посвященное піанисту-ребенку Гамбургу) и біографія Гарибальди. Всѣ характеристики отличаются свойственной Степняку яркостью красокъ и живостью изображенія, при нѣкоторой склонности къ ходульности, всѣ даютъ живые образы, нѣсколько односторонніе. За исключеніемъ „Гарибальди", всѣ они появляются не только въ Россіи, но и по-русски—впервые; они были либо напечатаны только по-англійски, либо вовсе не были напечатаны". (*„В. Водовозовъ", „Столичная Почта", 1908 г., № 250*).

„... Кромѣ „Гарибальди", пять остальныхъ очерковъ и разсказовъ являются совершенной новинкой для русской публики и на русскомъ языкѣ появляются впервые, такъ какъ часть этихъ очерковъ недавно только найдена въ оставшихся послѣ Степняка бумагахъ, а часть была написана и напечатана по-англійски.

„Изъ этихъ очерковъ очень удачными вышли характеристики Ольги Любатовичъ и Степана Халтурина. Небольшой очеркъ „№ 39" интересенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ очень живо обрисованы нравственныя муки и страданія молодой дѣвушки, ни за что томящейся въ одиночной кельѣ дома предварительнаго заключенія, но этотъ очеркъ—только набросокъ, небольшой эскизъ, лишь кратко намѣчающій характеръ молодой узницы. Разсказъ „Жизнь въ городишкѣ"—очень интересное въ бытовомъ отношеніи описаніе горькаго и злосчастнаго житья-бытья политическихъ административныхъ ссыльныхъ, заброшенныхъ въ одинъ изъ городковъ Архангельской губ., на прибрежье полярнаго моря. Этотъ разсказъ исполненъ глубокой жизненной правды. Это скажетъ всякій, кому случалось побывать въ административной ссылкѣ на сѣверѣ Россіи, въ особенности, въ эпоху семидесятыхъ годовъ"... (*Д. П. Сильчевскій, „Минувш. Годы", 1908, № 3*).

Часть VI. **Чего намъ нужно?—Органическіе и случайные элементы въ политическихъ программахъ русскихъ демократовъ.** (Съ приложеніемъ проекта русской конституціи). — Изъ «**Сказки-Говору-**

хи». — О Тургеневѣ («Рудинъ», «Дворянское Гнѣздо»). — Съ вступительной статьей **В. В. Водовозова** и фототипическ. портр. автора.

Цѣна КАЖДОЙ части ОДИНЪ рубль.

Складъ при Книг-вѣ

„ПРОМЕТЕЙ", СПБ., Пушкинская, 15.

О подпискѣ на годовые комплекты «Свѣточа» см. на обложкѣ.

Съ **подпиской** обращаться въ Редакцію: **СПБ., Разъѣзжая, 39, С. А. Венгерову.**—Туда же могутъ обращаться **иногородніе**.

При выписываніи на сумму **менѣе 2-хъ рублей** пересылка **за счетъ заказчика** по дѣйствительной стоимости. За наложеніе платежа прибавляется 10 коп. на весь заказъ. Заказы на сумму **менѣе одного рубля** наложеннымъ платежомъ **не** высылаются. Суммы **менѣе одного рубля** можно высылать **почтовыми марками.**

Книгоиздательство „ПРОМЕТЕЙ".

СПБ., Пушкинская, 15.

Въ 1907-8 году изд-омъ выпущены слѣд. книги.

А. АМФИТЕАТРОЗЪ. Сумерки божковъ. Ч. 1. 1 —

К. ФЛАММАРІОНЪ. Невѣдомыя природы. Пер. съ франц. Съ 10 рис. на отдѣльн. лист. на мѣловой бум. и около 30 рис. въ текстѣ. 2 —

Фр. ЛЮТГЕНАУ. Естественная и соціальная религія. (Исторія религіи съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи). Переводъ *В. Величкиной*. . . . . 1 —

Содержаніе. Предисловіе.—Гл. I. Физическая религія: 1. Языкъ какъ древнѣйшій источникъ религіи. Арійскій первобытный языкъ и первобытная религія.—2. Какія явленія природы считались богами? Опредѣленіе религіи.—3. Физическія и отвлеченныя божества. — 4. Естественная религія семитовъ.—Гл. II. Антропологическая религія: Культъ предковъ, матріархатъ. Вѣра въ загробную жизнь. Происхожденіе представленія о душѣ.—Гл. III. Психическая религія.—Гл. IV.—Жречество въ естественныхъ религіяхъ. Дальнѣйшіе элементы религіи: оракулъ, жертва, молитва, храмъ, праздники, священныя книги.—Гл. V. Возникновеніе аѳинской государственной религіи.—Гл. VI. Соціальная религія: 1. Начало измѣненія естественной религіи въ соціальную.—2. Какимъ образомъ возможна соціальная религія.—3. Политическій характеръ римской религіи.—Гл. VII. Другія опредѣленія религіи.—Гл. VIII. Происхожденіе монотеизма.—Гл. IX. Христіанство, какъ соціальная религія, и его связь съ древними, естественными религіями.—Гл. X. Религія и этика.—Гл. XI. Религія въ настоящее время: 1. Статистика.—2. Общество и религія.—3. Государство и религія.—4. Соціализмъ и религія.

Л. ФЕЙЕРБАХЪ. Сущность христіанства. Полный переводъ подъ ред. *Ю. М. Антоновскаго*. 1 50

Фр. НИЦШЕ. Антихристъ. (Опытъ критики христіанства). Перев. *Н. Н. Полилова*. Съ портретомъ автора. 1 50

Фр. НИЦШЕ. Такъ говорилъ Заратустра. Полный переводъ подъ ред. *Ю. М. Антоновскаго* . 1 25

Философская поэма о мудрецѣ Заратустрѣ стала если не настольной, то во всякомъ случаѣ необходимой книгой въ библіотекѣ каждаго интеллигента. Она не только вошла въ наше сознаніе, стала одной изъ важныхъ ступеней нашего восхожденія по крутому пути умственнаго развитія, но и остается источникомъ новыхъ, не сразу замѣченныхъ просвѣтлѣній и откровеній. Это книга, которую нельзя разъ прочитать и потомъ навсегда отложить въ сторону. Къ причудливымъ и глубокимъ бесѣдамъ Заратустры возвращаешься, какъ возвращаешься къ бесѣдѣ со старымъ и мудрымъ другомъ. Тотъ кто не можетъ въ подлинникѣ наслаждаться блестящимъ и гибкимъ языкомъ Фр. Ницше, долженъ привѣтствовать работу Ю. М. Антоновскаго, который справедливо указываетъ въ своемъ предисловіи, какъ трудно точно передать почти библейскій языкъ автора. Но переводчикъ такъ любовно, такъ сердечно отнесся къ своей задачѣ, что преодолѣлъ всѣ трудности и далъ намъ лучшій изъ всѣхъ, до сихъ поръ появившихся переводовъ Заратустры. Благодаря обновившимся цензурнымъ условіямъ, онъ внесъ въ третье изданіе все, что въ первыхъ двухъ было выпущено. Такъ, появились впервые двѣ главы „О священникахъ“ и „Внѣ служенія“, вставлены длинные и существенные пропуски, зіявшіе въ такихъ важныхъ главахъ, какъ „На блаженныхъ островахъ“, „Пробужденіе“, „Праздникъ осла“, „Объ отступникахъ“, „О старыхъ и новыхъ скрижаляхъ“, „Бесѣда съ Королями“. Русскій читатель имѣетъ, наконецъ, не только полный, но и строго литературный переводъ книги, проведшій глубочайшую борозду въ душѣ современнаго человѣка. Книга издана со вкусомъ, что все еще рѣдкость для нашихъ изданій. (*А. Волжскій, „Рѣчь“, 25 янв. 1907 г., № 20*).

Н. АБРАМОВИЧЪ. Человѣкъ будущаго. Очеркъ философской утопіи Фр. Ницше . . . — 50

Проф. А. К. БОРОЗДИНЪ. Русское религіозное разномысліе. Изд. 2-е, дополн. . . . . 1 —

Содержаніе: 1) Съ преображенскаго кладбища, 2) основатель новоженства, 3) распространитель ученія о приходѣ антихриста, 4) основатель скопчества въ Россіи, 5) общій очеркъ развитія раскольничьей литературы, 6) расколъ въ Поморьѣ,7) духоборы на Кавказѣ, 8) Сильвестръ Медвѣдевъ.

ЭЛЬЦБАХЕРЪ. Сущность анархизма. Изданіе 2-е—75

„...Превосходнымъ пособіемъ для того, чтобы разобраться въ путаницѣ понятій объ анархизмѣ и составить себѣ ясное понятіе о сущности анархическихъ ученій, можетъ служить работа Эльцбахера. Работа эта основана на тщательномъ изученіи литературы анархизма и отличается рѣдкою объективностью и научной добросовѣстностью.

...Книга Эльцбахера—въ высшей степени цѣнная и интересная работа, и мы считаемъ долгомъ усиленно рекомендовать ее вниманію нашихъ читателей... Переводъ сдѣланъ литературно и читается легко. (*„Русское Богатство“, 1906 г. № 7*).

Трудъ почтеннаго ученаго очень полезенъ для первоначальнаго ознакомленія съ проблемами анархизма. Съ истинно нѣмецкой безпристрастностью Эльцбахеръ изложилъ теоріи семи крупнѣйшихъ анархистовъ... трехъ русскихъ—Бакунина, Кропоткина и Льва Толстого, двухъ англичанъ—Тукера и Годвина, одного нѣмца—Штирнера и одного француза—Прудона.

Изложены эти ученія со всѣй возможной ясностью и объективностью.

При помощи обильныхъ цитатъ—изъ сочиненій изслѣдуемыхъ авторомъ—Эльцбахеръ предлагаетъ каждому изъ семи анархистовъ одинаковые вопросы, и найденные въ ихъ сочиненіяхъ отвѣты группируетъ въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Сначала онъ приводитъ общія основанія каждаго ученія, затѣмъ мысли каждаго автора о правѣ, государствѣ, собственности и, наконецъ, о тѣхъ средствахъ, какими каждый изъ нихъ думаетъ воплотить свои идеи, осуществить ихъ въ жизни. Къ книгѣ приложена даже таблица, въ которой графически изображено отношеніе каждаго изъ семи ученій къ основнымъ юридическимъ и политическимъ вопросамъ.

Довольно обильная библіографія дѣлаетъ книгу еще болѣе полезной (*Д. Философовъ, „Наша Жизнь", 10 авг. 1906*).

ВОЛИНЪ Ю. Разсказы . . . . . I —

Разсказы Ю. Волина вышли въ издательствѣ „Прометей" уже вторымъ изданіемъ съ дополненіемъ новыхъ двухъ разсказовъ. Всѣ они взяты изъ жизни пролетаріата и дышатъ глубоко любовью къ нему. Въ этихъ разсказахъ отразились бури послѣднихъ лѣтъ.

Послѣдніе годы внесли новую заботу, новый ужасъ въ жизнь еврейскаго народа, и мѣсто сѣрой заботы заняла трагедія. Весь ужасъ этой трагедіи, кажется, сконцентрировался въ разсказѣ „Тайна". Страшная тайна нависла надъ одной еврейской семьей, и эта тайна, этотъ ужасъ жилъ... жилъ въ лицѣ ни въ чемъ неповиннаго юноши.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ мирную жизнь еврейскаго населенія ворвался день, „день ужаса и позора, день крови и безумія". Онъ оставилъ въ семьѣ „двѣ памяти, одну—въ могилѣ матери на старомъ кладбищѣ, другую—въ ребенкѣ, зачатомъ въ самый страшный часъ этого безумія". И ребенокъ родился среди проклятій матери и росъ подъ гнетомъ ея ненависти, какъ самовоплощеніе ея позора и страданій. Разсказъ этотъ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Многія сцены другихъ разсказовъ, какъ напримѣръ, похороны фабричной дѣвушки Либы въ разсказѣ „Ново-Долиновъ", очень ярки и эффектны и производятъ сильное впечатлѣніе (*В. Величкина, „Образованіе" 1908 г., январь*).

Великая французская революція . . . . . —50

ЛУИ ПОЛЬ. Послѣдствія русской революціи. . . —50

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ. Соціализмъ и сельское хозяйство.—50

П. ПЕСТЕЛЬ. Русская Правда . . . . . I—

ТОТОМІАНЦЪ. Сельско-хозяйственная кооперація. 2—

Н. КАЖАНОВЪ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Съ предисл. проф. *Скворцова* . . . . . —55

ВОЛЫНСКІЙ. Ѳ. М. Достоевскій . . . . . 3—

СМИРНОВЪ. Краткій народный словарь . . . . —10

Г. ИБСЕНЪ. Полное собраніе сочиненій въ 8 томахъ въ переводѣ *А.* и *П. Ганзенъ* . . 12—

Книги высылаются почтою наложеннымъ платежомъ. При покупкѣ на 3 руб. и болѣе пересылка (въ предѣлахъ Европ. Рос) за счетъ издательства. Каталогъ безплатно.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

PG
3360
R8Z7

Kotliarevskiĭ, Nestor Aleksandrovich
Rylieev

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 05 19 12 003 1